

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
Таврическая академия (структурное подразделение)
Факультет славянской филологии и журналистики
Кафедра русского, славянского и общего языкознания

**СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА
ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В
СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ:
ЗНАК, СЛОВО, ТЕКСТ**

*V Международная научная конференция
11-14 октября 2016 г.*

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

Симферополь
2016

УДК 81'37-112/114

ББК 81.002.1

С 30

Печатается по решению Ученого совета факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАУО ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» (протокол № 4 от 18 ноября 2016 г.)

Рецензенты:

Л. А. Петрова, доктор филологических наук (г. Симферополь);

И. И. Чумак-Жунь, доктор филологических наук (г. Белгород).

Редакционная коллегия:

д.ф.н., проф. **Г. Ю. Богданович**,

д.ф.н., проф. **А. В. Петров**,

д.ф.н., проф. **Л. А. Орехова**,

к.ф.н., доц. **Л. В. Валеева** (отв. редактор).

С 30 Семантика и прагматика языковых единиц в синхронии и диахронии: знак, слово, текст: V Международная научная конференция (11-14 октября 2016 г.): сборник научных статей – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2016. – 170 с.

ISBN 978-5-906877-62-8

В сборник научных статей вошли результаты исследований по вопросам языкового моделирования мира, семантической и грамматической категоризации языка, лексикографии и терминографии, славянской фразеологии и паремиологии, текста и контекста, представленные на V Международной научной конференции «Семантика и прагматика языковых единиц в синхронии и диахронии: знак, слово, текст» (Россия, Симферополь).

Для преподавателей высших учебных заведений, научных работников, аспирантов, магистрантов и бакалавров филологических факультетов.

Материалы публикуются в авторской редакции.

УДК 81'37-112/114

ББК 81.002.1

ISBN 978-5-906877-62-8

© Авторы публикаций, 2016 г.

© ИТ «АРИАЛ», 2016

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ И КАТЕГОРИЗАЦИИ ОПТАТИВНОЙ СИТУАЦИИ

Е. В. Алтабаева

*Россия, Москва, Российский государственный аграрный
университет – МСХА имени К.А. Тимирязева*

В статье рассматривается проблема сущности оптативных предложений как явления, в основе которого лежит особый тип концептуализации и категоризации, связанный с выражением желаний языковой личности.

Ключевые слова: концептуализация, категоризация, оптативная ситуация, желание, побуждение, говорящий.

LANGUAGE PERSON IN CONCEPTUALIZATION AND CATEGORIZATION OF OPTATIVE SITUATION

The paper deals with the problem of nature of optative sentences as a phenomenon, in the base of which there is lying a special type of conceptualization and categorization, related with phrasing of desires of language person.

Keywords: categorization, conceptualization, optative situation, desire, impellent, speaking.

Проблема соотношения категорий мысли и языка была и остается глобальной лингвистической проблемой, поскольку все мыслительные операции связаны с процессами концептуализации и всегда получают определенную категоризацию в языке [3, с. 37-38].

В соответствии с постулатом о концептуальной природе категорий естественного языка специфика их понятийного содержания и способов языковой репрезентации и категоризации определяется когнитивными основаниями соответствующего концепта и его концептуальными характеристиками. Об оптативности как самостоятельной языковой категории можно говорить именно постольку, поскольку она основывается на существовании в нашем языковом сознании ментального концепта ЖЕЛАНИЕ, представляющего категориальный смысл желательности осуществления действия [см.: 1, с. 57-66]:

Увидеться бы; Хочу (хочется, хотелось бы, имею желание и под.) увидеться.

Что значит для говорящих на русском языке смысл *желание*? Если предложить сформулировать его в самом общем виде, то он предстанет в виде абстрактной формулы «*хотеть что-либо*», типовые реализации которой фокусируются вокруг двух эпицентров: «*Хочу (хочется) сделать (получить) это*» и «*Сделать (получить) бы это*». Различные вариации темы типа «*Хочу, чтобы это наступило (произошло)*» или «*Наступило (произошло) бы это*» поглощаются приведенными эталонными формулами, сводимыми к эксплицитному инварианту: «**Заявляю, что X хочет Y**», где X - субъект желания, а Y – предмет желания.

Будем считать эту формулу инвариантной концептуальной формулой оптативной ситуации, в которой реализуются средства, избираемые личностью говорящего из репертуара категории оптативности. Оптативность следует рассматривать как некое категориальное единство, планом содержания которого является отношение модального субъекта к тому или иному потенциальному действию/состоянию как к желательному. Планом выражения данного единства выступает комплекс синтаксических, морфологических, лексических, словообразовательных и просодических средств, а также совокупность контекстных элементов и прагматических факторов, маркирующих оптативную семантику [см. подробнее: 1, с. 71-99].

Ситуация взаимодействия языковых средств в речи для выражения желательности потенциального действия как коммуникативной интенции говорящего субъекта не только обеспечивает категоризацию желаний, но и обуславливает внутреннее единство категории оптативности, организацию которой можно представить, в частности, виде функционально-семантического поля. Так, в функциональном аспекте данная категориальная семантика может быть представлена в виде поля оптативности, входящего в состав предикативного макрополя волеизъявления с модальными отношениями императивности и

оптативности. Средства, категоризирующие оптативную семантику, структурированы по ядерно-периферийному принципу, обусловленному многоаспектным характером соответствующей категории. Кроме того, средства категоризации оптативности находятся в динамическом взаимодействии, заключающемся, в частности, в конкуренции формы сослагательного наклонения и сочетания независимого инфинитива с частицей *бы* при выборе одного из этих средств на роль ядерного: *Я бы прогулялся – Мне бы прогуляться; Я бы вздремнул - Неплохо бы вздремнуть.*

1. Грамматический статус поля оптативности может быть определен неоднозначно: либо как одно из самостоятельных значений коммуникативной рамки (в соответствии с типом модуса – для повествовательного, вопросительного, побудительного или оптативного предложения), либо как подтип волеизъявительного значения, представленного императивным подтипом [6, с. 172]. Основной единицей данной категории выступают оптативные предложения, в которых категоризируется желательная семантика, получающая в речи определенное вербальное представление, связанное, прежде всего, с формой оптатива как особой граммемы и его функциональных аналогов. В оптативных предложениях, так же, как и в побудительных, выражается волеизъявление говорящего, причем оно всегда направлено не на адресата-исполнителя, а на осуществление того действия, которое для говорящего представляется желательным, а это действие, в свою очередь, может быть субъектно отнесено – как к первому лицу, так и ко второму, и к третьему. Еще А.А.Шахматов подчеркивал, что связь между действием (состоянием) и его субъектом может быть определена как желательная и в случае, если субъектом окажется не только говорящий, но «и всякое другое лицо или предмет» [7, с. 541]. Эта точка зрения разделяется Е. Беличовой-Кржижковой, которая усматривает в оптативных конструкциях с адресатом наличие значения косвенного побуждения, образующегося на базе категориального значения желательности [2, с. 58-59]. Отличительная особенность оптативных предложений заключается в том, что говорящий не навязывает свою волю

собеседнику, не требует, чтобы последний стал субъектом данного конкретного действия.

Основоположник теории оптативности Р. Мразек усматривает специфику оптативных предложений в том, что, в отличие от повелительных, они не содержат прямой призыв к действию, так как не предполагают соответствующей сознательной реакции адресата; осуществление действий в них не поддается влиянию говорящего [8, с. 3]. Можно констатировать лишь оттенок побуждения, причем косвенного, в некоторых конструкциях с субъектом в форме местоимения второго лица, сопровождающий основную модальность – желательности. Порядок слов и оптативные частицы корректируют или вообще снимают этот оттенок: *Позвонил бы ты ей* (пожелание с оттенком побуждения) – *Ты бы ей позвонил* (оттенок побуждения ослабевает) – *Только бы ты позвонил ей!* (частица нейтрализует побуждение, внося значение эмоционального, интенсивного желания). Например: – *Ох, если б ты знала Катю!* (Ф. Достоевский); – *Да чем же рисковать? – со слезами в голосе ответила Лена. – Ты бы на нее посмотрела!* (В. Каверин); – *Антиноем назвал! – крикнул Костя и сжал руками голову. – Лучше бы ты меня палкой по голове треснул!* (А. Аверченко). Наличие субъекта-адресата и добавочного побудительного значения разной степени интенсивности на фоне основного – оптативного – позволяет считать подобные предложения синкретичными, совмещающими в своей грамматической семантике значения желательной и побудительной модальности, и не относить их к собственно побудительным.

Традиционное для отечественной грамматики утверждение, что несовпадение формы и значения наклонения должно при определении модальности решаться в пользу значения [4, с. 153] отнюдь не означает бесспорного приоритета повелительности. Известно, что у форм наклонений имеются как основные, абсолютные, так и дополнительные, переносные, значения, поэтому неудивительно, что «общая схема в языковой действительности «обрастает» множеством переходных и синкретических типов, благодаря которым не только оппозиции

ирреальных предложений «сглаживаются», «смягчаются», один вид «плавно» смыкается с другим (достаточно назвать такие известные явления, как вопросительно-побудительные предложения; побуждение-пожелание и волеизъявление-желание – ср.: *Тебе бы отдохнуть; Мне бы отдохнуть*), но и основное противопоставление по линии реальности-ирреальности не имеет резкой границы (ср.: *вряд ли он придет – Да придет ли он?*)» [5, с. 99]. Следовательно, можно заключить, что в оптативных предложениях могут быть представлены любые персональные значения, поэтому в этом случае в распоряжении говорящего находится полная личная парадигма: *Если б (я, ты, он) знал!*

Таким образом, оптативные предложения – значимое явление русского синтаксиса и русской коммуникации в целом, опирающееся на отдельный тип речевой ситуации. Этот тип ситуации программируется особой формой мысли языковой личности, создается в результате самостоятельного процесса концептуализации, в ходе категоризации формирует специфический репертуар средств, собственную модальность и не замыкается на говорящем как единственно возможном субъекте желаемого действия, но реализует широкую субъектную перспективу. Языковая личность в оптативной ситуации благодаря вышеперечисленным факторам обладает большим интерпретационным потенциалом и получает возможность максимально проявлять себя в условиях коммуникации.

Литература

1. Алтабаева, Е.В. Категория оптативности в современном русском языке; Монография / Е.В. Алтабаева. – М.: МГОУ, 2002. – 230 с.
2. Беличова-Кржижкова, Е. О модальности предложения в русском языке / Е. Беличова-Кржижкова. // Актуальные проблемы русского синтаксиса. – М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 1984. – С. 49-68.
3. Болдырев, Н.Н. Когнитивная семантика / Н.Н. Болдырев // Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. – 236 с.
4. Золотова, Г.А. Очерк функционального синтаксиса / Г.А. Золотова. – М.: Наука, 1973. – 351 с.

5. Лекант, П.А. К вопросу о модальных разновидностях предложения / П.А. Лекант // Лингвистический сборник / МОПИ им. Н.К. Крупской. – М, 1976. – Вып. 6. – С. 92-102.
6. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / Отв. ред. А.В. Бондарко. – Л.: Наука, 1990. – 263 с.
7. Шахматов, А.А. Синтаксис русского языка / А.А Шахматов. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 624 с.
8. Mrazek, R. Syntax pracich vet v rustine // Ceskoslovenska rusistika. – № 1. – 1958. – S. 3-18.

ОБРАЗ КРЫМА В СТРАНОВЕДЧЕСКОМ АСПЕКТЕ РКИ

Г. Ю. Богданович, Т. Ю. Новикова

*Россия, Симферополь, Научно-методический центр
полилингвального образования Таврической академии*

ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»

Статья посвящена методической проблеме включения региональной историко-культурной информации о Крыме в страноведческий аспект в курсе РКИ.

Ключевые слова: страноведение, Крым, массовое сознание, лакуна, методика, региональная историко-культурная информация, учебно-тематические зоны

CRIMEA WITH REGARD TO COUNTRY STUDIES IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

The article deals with the methodical problem of including historical and cultural information about the region of Crimea into the aspect of country studies in teaching Russian as a foreign language.

Keywords: country studies, Crimea, mass consciousness, lacuna, teaching methods, historical and cultural information about a region, thematic zones in the teaching process.

Одной из актуальных задач страноведения является формирование у обучающихся позитивного образа страны изучаемого языка, что обеспечивается системой фактических и фоновых знаний о России. Но страноведческий аспект достаточно подвижный и требует постоянной коррекции, поскольку связан с актуальностью предоставляемых сведений,

часть которых может устаревать или меняться. Поэтому содержательная информация о России, с которой иностранные студенты знакомятся на уроках русского языка, вариативна и неоднородна. Отбор и объём этой информации зависит от разных параметров: от целей обучения, от коммуникативных потребностей учащихся, от их познавательных интересов. Но в любом случае требования к такой предметной информации определяются тем, что адекватное понимание новой культуры обеспечивается определённой суммой фактических сведений о России, отражающих современное состояние общества.

По известным причинам более 20 последних лет сведения о Крыме как о части России не могли быть включены в страноведческий аспект в курсе РКИ. Образ Крыма не является близким и для целого поколения молодых россиян, которые родились и выросли без Крыма как части Российской Федерации. Поэтому им тоже нужно знакомиться с Крымом как с новым субъектом страны. Они мало знают о нашем полуострове, о его истории, значимости в судьбе России и о его важнейшем месте в развитии мировой цивилизации. Пока он для них в большей степени ассоциируется с возможным местом отдыха и туризма.

К такому выводу можно прийти, проанализировав данные эксперимента, представленные в «Русском ассоциативном словаре», который составлялся на основе результатов исследования 1988-1997 годов [1, 2]. Для нас особый интерес представляют ассоциации, связанные с Крымом. Отметим, что в списке стимулов крымские реалии отсутствуют. Но все-таки «крымские ассоциации» возникают. *Крым* появляется как реакция на следующие слова-стимулы: *отдыхать* 3; *дым* 2; *виноград*, *остров*, *отдохнуть*, *отпуск*, *тюльпан*, *украинский*, *фотоаппарат*, *юг* 1. Реакция *в Крым* связана со стимулами: *поехать* 5, *на юг* 2; *отпуск*, *поход*, *путешествие*, *съездить*, *удрать*, *уезжать*, *уехать* 1; *в Крым отдыхать* - реакция на стимул *на юг* 1; *в Крыму* - реакция на стимулы *отдыхать* 3; *город*, *отдых*, *отпуск*, *палатка* 1. Отмечены также единичные реакции-прилагательные *крымская* на стимул *дань* и на стимул *область*; *крымский* связывается со стимулами *берег*, *пляж*, а

Крымский в качестве имени собственного - со стимулом *вал*. На стимул *отпуск* ещё отмечена единичная ассоциация *крымский пляж*. А вот любопытный, на наш взгляд, факт, что со стимулом *загорать* из географических «мест памяти» оказалась в ассоциациях только *Анталья*. По тем исследовательским временам, правда, единичная. Для стимула *море* появилась единичная реакция *Айвазовский*. А на стимул *Отечество* есть одна реакция *Нахимов*. Стимул *отдыхать* вызвал также единичные реакции с названиями крымских городов: *в Ялте*, *зимняя Ялта* (последняя, видимо, по ассоциации с фильмом Сергея Соловьёва, вышедшего в конце 80-х годов прошлого столетия, «Асса»); *поедем в Феодосию*; есть на этот стимул и реакция *на берегу Крыма*.

Возраст участников проводимого эксперимента был от 17 до 25 лет. По мнению автора Послесловия к этому словарю Ю. Н. Караулова, «анализируя социальные, этические, историко-культурные, прочие оценочные реакции испытуемых в эксперименте 1988 – 1997 годов, исследователь может прогнозировать некоторые характеристики состояния массового сознания в российском обществе на ближайшие 20-30 лет, т.е. на период, когда нынешние наши испытуемые будут составлять активное ядро общества» [1, с. 753]. Вот к этому рубежу мы сейчас и подошли. Что же можно отметить? В массовом сознании современного российского общества, как показывает анализ данных ассоциативного словаря, о Крыме присутствует не так много информации, как этого хотелось бы. Безусловно, на то есть известные объективные причины, но сейчас пришло время заполнять возникшие лакуны теми сведениями, которые помогут вернуть в сознание представителей русского мира образ Крыма как важный элемент духовного мира современного россиянина.

Показательным, на наш взгляд, оказывается результат проведенного нами ассоциативного эксперимента, в котором приняли участие свыше 500 жителей Крыма в возрасте 20-25 лет. Следовало представить 3-5 реакций на слова-стимулы *Крым* и

крымчане В результате проведенного ассоциативного эксперимента была проявлена следующая языковая компетенция:

1. По частотности употребления первые десять мест представлены словами: море - 11,83 %; отдых - 3,97 %; дом (родной) - 3,69 %; горы - 3,53 %; солнце - 3,39 %; Родина - 3,17 %; курорт - 3,1 %; природа, татары (крымские), Ялта - 2,89 %; полуостров - 2,74 %; пляж - 2,38 %.

Проанализировав полученные данные, можно выявить тематические группы слов, характеризующие полуостров и его жителей.

2. Современная жизнь крымчан представлена лексемами: отдых, многонациональный, туризм, вино, загар, санатории; походы, провинция, бедность, проблема, рынки.

3. Слова, определяющие черты характера жителей Крыма: доброта; друзья; умные; люди как люди, открытость души.

4. Природа, пейзаж представлены лексическими единицами: море, горы солнце; ЮБК, виноград, Медведь-гора; лес, живописные пейзажи, фрукты; санатории, Ласточкино гнездо; памятники истории, кипарисы, арбузы, канатная дорога; рынки, белка.

5. Собственные имена: Ялта, Симферополь, ЮБК; Севастополь, Медведь-гора; Артек, Алушка; Херсонес, Алушта; Таврия, Воронцовский дворец, Ласточкино гнездо; Саки, Евпатория, Пушкин; Николаевка, Новый Свет, Волошин.

Таким образом, в языковой компетенции студенческой молодежи Крым – это приморская жемчужина, где все располагает к отдыху, где жизнь течет в праздности и без забот. Иногда вспоминают о митингах и конфликтах, а также об известных людях, связавших свою судьбу с полуостровом.

Молодежная аудитория специфична по своему восприятию окружающего мира, ассоциативным представлениям, проявленной языковой компетенции в современном обществе.

Автор серии книг о Крыме, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН Т. М. Фадеева пишет: «Прекрасная и суровая земля древней Таврики наделена неповторимым сочетанием редких и счастливых свойств: она для нас и «волшебный край, очей

отрада»; и земля, где явлены многообразные следы различных культур, начиная с глубочайшей древности; и центральное звено в нерасторжимой связи этих глубоко уходящих корней с историей нашего Отечества. Место встречи почти всех основных культур древности (скифской, эллинской, иудейской) и средневековья (византийской, мусульманской, гунуэзской, армянской) и соприкасавшихся с ними народов, обитавших на краю ойкумены – в Скифии и Сарматии, перечисление племенных названий которых заняло бы не одну страницу. Край, с которым связано одно из самых ранних упоминаний народа «русь» и знаменитый поход князя Владимира на Корсунь в 988 г., закрепивший культурную преемственность между самой мощной и просвещённой империей раннего средневековья, наследницей античных Греции и Рима – Византией и выступающим на историческую арену молодым русским государством . . . .

Эти и многие другие вехи наглядно выявляют роль Крыма, который по праву считался перекрёстком народов и культур: в течение веков через него шли морские пути, связывающие Русь с Европой и Азией, за них велась упорная борьба, увенчанная победой только в XVIII в.» [3, с. 9-10].

Крым – настоящий музей цивилизаций под открытым небом. Такой мощный культурный и духовный заряд делает крымские страницы в общем курсе страноведения особо значимыми и привлекательными. Регионально-культурная информация о Крыме задаёт широкий исторический контекст, в котором соизучение национально-культурной, регионально-культурной и общекультурной информации является абсолютно органичным, что, несомненно, повышает интерес к этому аспекту в курсе русского языка как иностранного.

Современная действительность ставит конкретные задачи и перед преподавателями РКИ: им выпала ответственная просветительская миссия, вводя на своих занятиях сведения о роли Крыма в истории России, объяснить иностранным учащимся историческую справедливость его возвращения в родные просторы и в родную гавань.

Рассмотрение всех значимых исторических событий в глубоком цивилизационном контексте позволяет адекватно оценить тот или иной важный исторический факт. Для истории временной отрезок длиной в полвека или даже в один век не является достаточным, чтобы говорить об объективности оценки факта. События не возникают изолированно. У каждого из них есть причина и следствие. И совсем не обязательно, чтобы причина и следствие находились рядом во времени. Иногда следствие отделено от причины целыми веками и тысячелетиями. Поэтому оценить и понять настоящее часто становится возможным лишь благодаря обширному историческому контексту. Что касается нашего полуострова, то весь его богатый исторический опыт показывает, что Крым умеет ждать веками и хранить свою генетическую память тысячелетиями.

Изменившаяся геополитическая ситуация требует внести коррективы в «крымский вопрос», заполнить соответствующими знаниями возникшую не вчера и существовавшую на протяжении достаточно долгого времени лауну в страноведческом аспекте. Как мы видим, с одной стороны, сведения о Крыме являются региональными, но с другой стороны, они представляют собой неотъемлемую часть при рассмотрении вопросов о главных событиях, связанных с формированием Государства Российского и его историей. Поэтому страноведческий и лингвострановедческий компоненты регионального значения, связанные с Крымом, должны занять соответствующее место в курсе страноведения в аспектном преподавании РКИ в российских вузах.

Поскольку о Крыме написано много научной и научно-популярной литературы, в методических целях необходимо первоначально выделить из этой обширной информации те историко-культурные периоды, которые затем можно трансформировать в учебно-тематические зоны для описания культурного пространства Крыма. Русистами Таврического национального университета (ныне Таврической академии Крымского федерального университета) проделана эта большая работа и создан региональный комплекс учебных материалов и

пособий, позволяющих знакомить иностранных учащихся, которые весь период до 2014 года продолжали учиться в крымских вузах, с крымской темой. В этих наших учебных пособиях предлагается в различном объёме, в зависимости от индивидуальных запросов зарубежных студентов, информация о Крыме, его историческом прошлом, о народах, населявших и населяющих полуостров, об истории его городов. Своим методическим опытом мы готовы поделиться со всеми преподавателями РКИ.

Литература

1. Русский ассоциативный словарь. В 2-х т. Т. I. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. – М.: ООО «Издательство Астрель»: «Издательство АСТ», 2002. – 784 с.

2. Русский ассоциативный словарь. В 2-х т. Т. II. От реакции к стимулу: Более 100 000 реакций / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. – М.: ООО «Издательство Астрель»: «Издательство АСТ», 2002. – 992 с.

3. Фадеева, Т.М. Тайны горного Крыма. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2002. – 256 с.

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ КОРНЕВЫХ ГНЕЗД КАК ИННОВАЦИОННАЯ ФОРМА ПРЕЗЕНТАЦИИ И СИСТЕМАТИЗАЦИИ ЯЗЫКА НАУКИ

Л. Ю. Буянова

Россия, Краснодар,

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

В статье представлена структура и принципы составления терминологического словаря особого типа – интегративно-гнездового, языковую основу которого составляют исключительно однокорневые дериваты. Показана специфика деривации биолого-генетической терминологии языка русской науки, характеризующаяся свойством лингвогенетической однородности.

Ключевые слова: гнездовой словарь, корневое гнездо, лингвогенетическая однородность, язык науки, эволюция.

TERMINOLOGICAL DICTIONARY OF ROOT NESTS AS AN INNOVATIVE FORM OF PRESENTATION AND SYSTEMATIZATION OF A LANGUAGE OF SCIENCE

The article represents the structure and principles of compiling a terminological dictionary of a special type – integrative-nested one, the language basis for which are cognate derivatives only. The article also shows the specificity of derivation of biological and genetic terminology of the language of Russian science that is characterized by the quality of linguogenetic homogeneity.

Keywords: nested dictionary, root nest, linguogenetic homogeneity, language of science, evolution.

Когнитивная парадигма исследований национального языка в 21-м веке обусловила возросший интерес к языку науки, так как его *знаково-языковые ресурсы*, их производство и деривационная организация ещё полностью так и не выявлены. Язык науки как глобальный феномен – во всех отношениях – остаётся наименее классифицированным и систематизированным в количественных, деривационных и эволюционных аспектах параметрирования. В то же время установлено, что количество специально-терминологических единиц, обслуживающих совокупность всех современных научных областей, многократно превышает количество слов общеупотребительных. В основе терминологической деривации языка науки лежит принцип приоритетности понятийно-концептуального семиозиса, что обуславливает как деривационно-семантическую, семиотическую, так и структурно-функциональную аспектность всех лингвистических ингредиентов, образующих его деривационную систему. В стратификационной панораме языка науки как социолингвистического феномена в настоящее время наименее изученным во всех аспектах остаётся язык *естественнонаучного* подвида, выступающего понятийно-категориальной и логико-семиотической оппозицией научно-техническому, социально-экономическому, медицинскому, юридически-правовому и гуманитарному подстилям научной прозы в целом.

Современная отечественная и зарубежная терминография характеризуется множественностью объектов описания и типов

лексикографического представления терминов, однако до настоящего времени *биолого-генетическая* терминология не была теоретически и лексикографически систематизирована и организована в соответствии с закономерностями, действующими в сфере фиксации и функционирования терминов.

«Терминологический словарь корневых гнезд языка науки» [1] является первым образцом **гнездового корневого** интегративного словаря инновационного типа, построенного на фундаментальных принципах когнитивизма, систематичности, системности, понятийно-категориальной детерминированности, частеречной множественности, семантической полноты и функционализма.

Языковой основой словаря является лексико-терминологический материал (более 12000 единиц, образовавших 780 однокорневых гнезд), извлеченный методом сплошной выборки **сразу из двух источников**: из сферы функционирования и сферы фиксации *биолого-генетических* терминов, формирующих гносеологическую базу 33-х наук **естественнонаучного** подвида научной прозы, – из различных учебников, учебных пособий, монографий, статей, научных работ разного вида и жанра и т.п., а также из специальных справочных и энциклопедических изданий, терминологических словарей, перечень которых представлен в Библиографическом списке. Критерием отбора выступает **корневое родство** терминов, включая связанные корни, что позволяет сформировать **целостное корневое гнездо** однокорневых единиц, отражающих их когнитивную, деривационную и **лингвогенетическую однородность** и в целом – специфику деривационно-понятийного и терминологического формирования языка русской науки.

Все термины располагаются в гнезде по **алфавитно-корневому принципу**, позволившему осуществить их презентацию в строгой гнездовой системности. Данный терминологический словарь выполняет ряд базовых функций: *аккумуляционную*, инвентаризационную, систематизирующую, репрезентативную, информационно-справочную, номинативно-рекомендательную, обучающе-дидактическую,

коммуникативную и метаязыковую. Образец специализированного полного интегративного корневого гнезда:

Гнездо № 1

1. **АБДОМЕН** – (лат. *abdomen, abdominis* – живот, брюхо)
2. **абдоминальный**
3. абдоминализация – СИР [4]
4. абдоминоаортальный – СИР [4]
5. абдоминомедиастинальный – СИР [4]
6. абдоминоперикардиостомия – СИР [4]
7. абдоминоперинеальный – СИР [4]
8. абдоминоскопия – СВГТ [3]
9. интраабдоминальный – СВГТ [3]
10. псевдоабдоминальный – СВГТ [3]
11. торакоабдоминальный – ЭСМТ [5]
12. трансабдоминальный – ЭСМТ [5]

Как видно из этого примера, из 12-ти терминов только 2 зафиксированы в общих (толковых) словарях русского языка, 10 единиц функционируют в научном дискурсе с фиксацией в самых разных специализированных источниках. В словаре есть множество гнёзд, в которых *добавленных* терминов в несколько раз больше, чем представленных в общих лексикографических источниках. Получается, что совокупность всех терминоединиц, мотивированных **одним и тем же корнем, функционирующих и зафиксированных в разных** гносеологических областях, образует в научном дискурсивно-коммуникативном пространстве огромный вербально-семиотический «айсберг». Его элементы до сих пор полностью не выявлены, не паспортизированы, не систематизированы и **совокупно** не представлены в лексикографическом континууме и в общей деривационно-терминологической панораме русского национального языка.

Аббревиатуры указывают на текстовый или специализированный словарный источник, из которого отобран данный термин. Каждое корневое гнездо в словаре начинается с термина (вершины гнезда), извлечённого из различных словарей и специальных справочных изданий (**сфера фиксации терминов**), в скобках дается латинский этимон с переводом. Затем в гнездо добавляются те термины, которые активно функционируют в

различных научных текстах естественнонаучного подвида научной прозы (**сфера функционирования терминов**) и зафиксированы в репрезентирующих ее специализированных словарно-справочных изданиях. Знак «минус» обозначает отсутствие данного термина в общих (толковых) словарях. Именно так формируется **полное** интегративное **корневое гнездо** терминов, совокупность которых репрезентирует полную деривационно-научную парадигму и отражает эволюцию развития биолого-генетической когнитивной области.

С момента выхода словаря прошло более 10 лет. За это время, безусловно, общий объем биолого-генетической научной терминологии, не зафиксированной в едином источнике, увеличился многократно. Такое же положение характерно и для однокорневых специальных единиц других гносеологических сфер – научно-технической; информационно-технологической (компьютерной); медицинской (в единстве теоретического и практического, прикладного аспектов); гуманитарной; масс-медийной (язык СМИ и СМК); социально-экономической; лингвистической (языкознания) [см. 2, с. 78]. Сегодня для создания полного инвентаря русской *научной однокорневой* терминологии, отражающего состояние и перспективы развития всей русской науки и её языка, необходима, естественно, разработка соответствующих специальных компьютерных программ.

Нельзя не согласиться с мнением члена североамериканского лексикографического общества С. Ландау, который пишет: «Создание словарей не требует блеска и оригинальности мышления, этот вид деятельности требует высокого интеллекта, профессионализма и самоотверженности в трудной работе. Кроме того, процесс создания словаря должен приносить удовлетворение автору» [6, с. 9].

Литература

1. Буянова, Л.Ю. Терминологический словарь корневых гнезд языка науки/ Л.Ю. Буянова – Краснодар: КубГУ, 2005. – 470 с.

2. Буянова, Л.Ю. Терминологическая деривация в языке науки: когнитивность, семиотичность, функциональность / Л.Ю. Буянова – М.: Наука; Флинта, 2014. – 389 с.
3. СВГТ – Техвер, Ю.Т. Словарь ветеринарных гистологических терминов / Ю.Т. Техвер. – М.: Высш. шк., 1989. – 189 с.
4. СИР – Букчина, Б.З., Калакуцкая, Л.П. Слитно или отдельно? (Опыт словаря-справочника) / Б.З. Букчина, Л.П. Калакуцкая. – М.: Просвещение, 1987. – 675 с.
5. ЭСМТ – Энциклопедический словарь медицинских терминов: В 3 т. / Гл. ред. Б.В. Петровский. – М.: Наука, 1982. – 437 с.
6. Landau, S.I. Dictionaries: The Art and Craft of Lexicography / S.I. Landau. – N.-Y., 1989. – 213 с.

О ФЕНОМЕНЕ ДРАМАТУРГИЧЕСКОГО ДИАЛОГА

**(взгляд с позиций коммуникативной стилистики
художественного текста)**

И. П. Зайцева

*Украина, Киев, Национальный педагогический университет
имени М. П. Драгоманова*

В статье на материале пьесы «Ну и пусть» популярной современной писательницы В. Токаревой показано своеобразие драматургического художественного диалога, который, в соответствии с конструктивными родо-литературными жанровыми параметрами, всегда отличается повышенной экспрессивностью и образностью. Используемые автором-драматургом художественные приёмы в значительной степени ориентированы на адресата произведения (читателя/зрителя) с целью обеспечить наиболее адекватное авторскому замыслу восприятие содержащегося в словесно-художественной структуре эстетического смысла. Проведённые наблюдения подтверждают, что в диалоге пьесы, принадлежащем к основной композиционно-речевой зоне художественного дискурса (речевая стихия персонажей), как использованные лингвистические средства, так и способы их организации преимущественно нацелены именно на формирование экспрессии и придание повышенной образности словесному пространству текста.

Ключевые слова: диалог, художественный дискурс, коммуникативная стилистика, автор, адресат, экспрессия, образность.

ABOUT THE PHENOMENON OF DRAMATIC DIALOGUE

(from the point of view of the communicative stylistics of a literary text)

The article on the material of the play «Well, let» popular contemporary writer V. Tokareva's shown originality of dramatic artistic dialogue, which, according to the constructive literary kind and genre parameters, always has high expressiveness and imagery. Used by the author, playwright, artistic techniques to a large extent focused on the recipient's work (reader/viewer) in order to provide the most adequate perception of the author's intention contained in the verbal-artistic structure of the aesthetic sense. Conducted observations suggest that in the dialogue of the play, which belongs to the basic composition-speech zone of artistic discourse (speech element of characters) as used by linguistic means and methods of their organization is primarily focused on the formation of expression and giving increased imagery verbal space of text.

Keywords: Dialogue, Communicative Stylistics, Art Discourse, Author, Addressee, Expression, Imagery.

Коммуникативная стилистика художественного текста – новое филологическое направление, возникшее в конце прошлого столетия и активно развивающееся в современный период, – обратило особое внимание на коммуникативную обусловленность многих явлений идиостиля, которые в той или иной мере присутствуют в любом словесно-художественном произведении, в значительной степени формируя своеобразие и неповторимость воплощённого в художественном дискурсе индивидуально-авторского почерка. При рассмотрении художественного дискурса с позиций означенного направления детально анализируются практически все составляющие коммуникативного процесса, который в данном случае, как известно, воплощается в эстетически осложнённом виде, что и обуславливает разного рода трансформации используемого словесного материала. «Лингвистические факторы общения включают отбор и организацию языковых средств разных уровней в их текстовом воплощении с учётом не только языковой системы, «стоящей за текстом», но и речевой системности, обусловленной авторским замыслом. Среди экстралингвистических факторов общения для коммуникативной стилистики художественного текста актуальны личность автора и

адресата; цели и задачи, определяющие их первичную и вторичную коммуникативную деятельность; специфика сферы общения; характер ситуации; жанр и т. д.» [1, с. 157].

Настоящая публикации содержит некоторые наблюдения над своеобразием художественного драматургического диалога в аспекте его воздействия на адресата (читателя/зрителя) с помощью тех способов отбора и организации языкового материала, которые избираются автором для достижения своих целей.

Исследователи неоднократно обращали внимание на отличия диалога в художественном произведении от диалога, функционирующего в нехудожественной речи [см., например: 2, 4 и другие работы], прежде всего в связи с тем, что воплощаемый в диалоге коммуникативный акт в каждом случае осуществляется с разными целеустановками, в значительной степени подчиняющими себе все используемые и лингвистические, и иного рода средства. Помимо этого, на наш, взгляд, можно говорить и об отличиях диалогических структур, функционирующих в художественных дискурсах, различных по своей родо-литературной и жанровой принадлежности, в частности – в прозаических и драматургических произведениях.

Примечательно, что на эту особенность диалога обращают внимание не только исследователи разных типов дискурсов, но и авторы-писатели – в частности, авторы-драматурги ср., например: «... по сравнению с прозой драматургия обладает неизмеримо большей свободой и независимостью от бытовой детализации, от массы подробностей повседневности, костюма, внешности героев, пейзажа и вообще всяческой «атрибутики», от необходимости всё объяснять и обосновывать. В ней больше «внутреннего пространства», и в этом она более сродни поэзии, чем прозе. ...»

Едва ли бы Чехов-прозаик решился вложить в уста персонажа какого-нибудь рассказа слова: «Мы ещё увидим всё небо в алмазах», – вероятнее всего, в прозе это его самого покорило бы. А в драме можно – и не коробит, и не раздражает» [7, с. 458].

Как представляется, именно драматургический диалог позволяет максимально глубоко и всесторонне проанализировать всевозможные семантико-стилистические трансформации лингвистического материала, используемого для воплощения эстетически осложнённого содержания. В качестве подтверждения сказанного остановимся на фрагментарном рассмотрении диалога из созданной в 1998-м году пьесы Виктории Токаревой «Ну и пусть» (диалог происходит между главными героинями пьесы – подругами, студентками музыкального училища, одна из которых, Лариска, безответно влюблена в своего преподавателя, сорокалетнего Игнатия):

«Лариска поднялась, стала расчёсывать волосы, откидывая их.

Кира. А пудриться не будешь?

Лариска. Нет. Кожа должна чуть-чуть поблёскивать. И вообще запомни: надо красить что-то одно.

Кира. А волосы так зачем?

Лариска. Чтоб флюиды.

Кира. Ух, ты... Какая красивая ты, Лариска.

Лариска. Как ты думаешь, влюбится?

Кира. А куда денется? Лариска явилась на войну полов в полном боевом оперении!

Кира открывает шкаф, достаёт оттуда меховое манто.

Лариска. А твои не вернутся?

Кира. Они на дежурстве.

Лариска надевает меха.

Кира. Потрясающе!

Лариска. Но я же не приду на урок в шубе.

Кира. Правда, как кукла в дорогом магазине. Вот если бы я такая была...

Лариска. И что бы ты сделала?

Кира. Ничего. Села бы играть.

Лариска. Ты играешь каждый день по восемь часов. Не надоело?

Кира. Нет. Не надоело. Это форма моего существования. Я – репей.

Лариска. В каком смысле?

Кира. Репей стоит при дороге и ничего не боится, ни ветра, ни пыли. У него крепкие корни. И он защищён колючками. Его никто не сорвёт. Вот и я так хочу.

Лариска. Как?

Кира. Быть защищённой своим делом, как колючками. Ни от чего и ни от кого не зависеть. Только от дела. А дело в моих руках. И это никто у меня не отнимет.

Лариска. Не зависеть – это прекрасно!

Кира. А если это не понадобится второй стороне? Что тогда?» [5, с. 20 – 21].

Даже при поверхностном знакомстве с приведённым фрагментом очевидны образность и экспрессивность воплощённого в нём диалога, которые формируются системой использованных автором способов и приёмов обращения с языковым материалом; остановимся на наиболее показательных из них, обладающих выраженным речевоздействующим на адресата потенциалом. Безусловно, это прежде всего экспрессивный синтаксис, представленный в широком диапазоне проявлений: неполные, односоставные (*Кира. А волосы так зачем? – Лариска. Чтоб флюиды; Лариска. Как ты думаешь, влюбится? – Кира. А куда денется?* и т. д.); обилие парцеллированных конструкций (*Кира. Быть защищённой своим делом, как колючками. Ни от чего и ни от кого не зависеть. Только от дела. А дело в моих руках* и т. д.); восклицательные и вопросительные, в том числе и вопросительно-риторические, предложения (*Кира. Потрясающе!; Лариска. Не зависеть – это прекрасно!* и т. д.)

Среди лексико-семантических средств создания образности особое внимания обращают на себя метафорические выражения – как, например, Кирино сравнение себя с репьем, реализующееся в нескольких её репликах: *Кира. ... Я – репей. – Лариска. В каком смысле? – Кира. Репей стоит при дороге и ничего не боится, ни ветра, ни пыли. У него крепкие корни. И он защищён колючками. Его никто не сорвёт. Вот и я так хочу. – Лариска. Как? – Кира. Быть защищённой своим делом, как колючками.*

Изложенные наблюдения, безусловно носящие, в связи с ограниченностью объёма публикации, фрагментарный характер, тем не менее вполне убедительно, на наш взгляд, подтверждают целесообразность детального изучения драматургических дискурсов для более глубокого осмысления теории вербальной коммуникации в принципе, в частности – для более всестороннего изучения такого феномена коммуникативного процесса, как **адресат**. На необходимость более детального, в том числе и с позиций междисциплинарного подхода, рассмотрения означенной категории уже обратили внимание многие современные исследователи – ср., например: «В связи с проблематикой адресата в настоящее время актуальны ... направления исследований, ... которые в различных аспектах изучают процесс речевого общения. Особый интерес представляет «прочтение» имплицатур текста; раскрытие «техники» намека; классификация средств категории выделения; исчисление небуквальных выражений; иерархизация логических структур, не оформляемых языковыми средствами; изучение языковых реплик в модели «стимул» – «реакция» с точки зрения их речевоздействующего потенциала» [3, с. 23].

Литература

1. Болотнова, Н.С. Коммуникативная стилистика художественного текста / Н.С. Болотнова // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – М.: Флинта; Наука, 2003. – С. 157–162.
2. Васильева, А.Н. Художественная речь / А.Н. Васильева. – М.: Русский язык, 1983. – 256 с.
3. Лазуткина, Е.М. Адресат / Е.М. Лазуткина // Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник; под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева. – М.: Флинта; Наука, 2003. – С. 22–23.
4. Полищук, Г.Г. Разговорная речь и художественный диалог / Г.Г. Полищук, О.Б. Сиротина // Лингвистика и поэтика. – М.: Наука, 1979. – С. 188–199.
5. Токарева, В.С. Ну и пусть: Пьеса. Повести. Рассказы. / В.С. Токарева – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1998. – С. 7–74. (Серия «Очарованная душа»).

6. Тюпа, В.И. Адресат / В.И. Тюпа // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / [гл. науч. ред. Н.Д. Тмарченко]. – М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. – С. 14–15.
7. Эдлис, Ю. Записки недотепы. Размышления post factum / Ю. Эдлис // Эдлис Ю. Собрание сочинений в 5 томах. – Т. V. – М.: Изограф, 1999. – 464 с.

ТИПОЛОГИЯ МОДЕЛЕЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Е. М. Маркова

*Словакия, Трнава, Университет Св. Кирилла и Мефодия
Россия, Москва, Московский государственный областной
университет*

В статье речь идет о типологии фразеологической концептуализации действительности в славянских языках. На материале фразеологии русского и чешского языков, тематически связанной с обозначением умного и глупого человека, устанавливается универсальный характер базовых метафор, или культурных кодов, и национально специфический характер некоторых ассоциаций, лежащих в основе единиц вторичной номинации.

Ключевые слова: концептуализация, фразеологическая номинация, типология, славянские языки

TYPOLOGY OF MODELS OF PHRASEOLOGICAL CONCEPTUALIZATION OF REALITY IN SLAVIC LANGUAGES

This article talks about the typology of phraseological conceptualization of reality in Slavic languages. It determines the universal nature of basic metaphors, or cultural codes, and the nation-specific nature of some associations, underlying secondary nomination units, on the material of the Russian and Czech phraseology, thematically related to the designation of an intelligent and stupid person.

Keywords: conceptualization, phraseological nomination, typology, Slavic languages

Выявление универсалий фразеологической объективации действительности и лингвокультурных особенностей того или иного языка, объективированных во фразеологических

номинациях, осуществляется с помощью сравнения фразеологических единиц двух или нескольких языков, относящихся к одной тематической группе. Анализ явлений вторичной номинации, в том числе фразеологии, в билингвальном аспекте обнаруживает общность многих моделей, по которым осуществляется вторичная объективация действительности.

Взгляд на родной язык через призму другого, родственного или неродственного языка, открывает большие возможности не только для выявления специфики своего языка, но и установления единообразия, сходства, типологических черт, присущих языкам. Универсальными в разных языках оказываются логические механизмы языковой объективации, единообразием отличается целый ряд базовых метафор, или культурных кодов: соматический, артефактный, фитонимический, зоонимический, речевой, социальный, кулинарно-гастрономический, технический и др. Вместе с тем их различное образное наполнение свидетельствует о специфике видения мира представителями того или иного этноса, обусловленной их национально-культурными особенностями.

Фразеология, номинирующая людей по наличию или отсутствию у них ума, составляет огромный массив в экспрессивном фонде любого языка. Глупость оценивается как безусловно негативное качество, что выражается фразеологическими номинантами с предлогами, имеющими отрицательную семантику: *без тормозов, без царя в голове*.

Глупость связана с мотивами беспорядка, смещения, недостатка, прерывания процесса и др. К примеру, сквозной мотив смещения реализуется с помощью следующих мотивационных признаков (частных мотивов): утрата опоры (*сбить с грунта*); кривизна, наклон (*криво повязан*, (прост.) *мозги набекрень*); нарушение траектории движения (*сойти с ума, умом крякнуться*). Частный случай реализации этого мотива – образ поломки механизма, нарушения порядка в нем: *шарики за ролики зашли, сдвиг по фазе, клепок недостает, шариков / винтиков не хватает, съехать/сойти с катушек, съехать с рельс*, чеш. *haraši*

tu v kouli (букв. 'у него звенит / гремит в шаре'). Типичным для фразеологической актуализации образа глупого человека является и мотив нарушения целостности предмета, ассоциирующегося с головой, напр. в чеш. *ruplo (luplo / prasklo) tu v kouli (v bedně)* ('у него треснуло / лопнуло в шаре / ящике'). Подобная деформация может быть связана с ударом по голове, что отражают такие фразеологические единицы, как рус. *пыльным мешком ударенный* – чеш. *pytlem praštěný* 'мешком ударенный', а также чеш. *praštěný pavlačí* 'ударенный галереей, балкой'.

Во фразеологизмах, номинирующих неумного человека, закреплен перенос «покрытие, верхняя часть» → «голова», причем для характеристики глупца используется образ сдвинувшейся, пришедшей в движении крыши, башни и т. п.: рус. *крыша, башня* в выражениях *башню снесло, крыша поехала* (о человеке, совершающем глупые, безрассудные поступки), чеш. *věž* во фраземе *straší tu ve věži* (букв. 'у него нечисто в башне'). Образ «поехавшей крыши» присутствует в следующих вариативных номинациях, явно преобладающих в русском языке: *крыша едет, поехала, течет, ползет, потекла; крышу оторвало; башню снесло, сорвало; чердак заклинило; чердак поехал, потек* и т. п.

Картину разрухи и беспорядка при фразеологической разработке образа неумного человека дополняет ещё одна важная тема: тема отсутствия кого-чего-л. (рус. *не все дома, без царя в голове*, чеш. *nemít všech pět pohromadě* 'не иметь все пять вместе'), а также присутствия нечистой силы (напр., в чеш. *šplouchá tu na maják* ('у него нечисто в башне')).

Для актуализации образа глупого человека типичным для славянских языков является сравнение человека с деревом, в особенности с дубом, из-за гулкого, тупого звука при ударе о древесину дуба, неподвижности дерева: рус. *дуб дубом, дубовая голова* 'о тупом человеке', *как дуб* 'о крепком, но упрямом и тупоголовом человеке'; чеш. *má dubovou hlavu* 'твердолобый', *dubová palice / hlava* 'дубовая голова, башка'; *hloupý jako dub* ('глупый как дуб'); *jako když mluvíš do dubu* ('как с дубом

говоришь'). Другое направление развития древесной метафоры – подключение образов деревьев с легкой древесиной, задействующих признак легковесности: *пробковое дерево, тупой как пробка*.

Использование дерева в качестве строительного материала дает взаимодействие растительной метафоры со строительной. «Появляется мотив обработки дерева (обтесывания, обстругивания и т. п.), который теснейшим образом связан с представлением о культуре и образованности человека» [2, с. 375], ср. *полено неструганое, чурка с глазами*, чеш. *blbý jako roleno* 'тупой как полено'. Отсутствие ума у человека подчеркивается и с помощью замены его на мусор, отходы от производства, чаще всего древесные: рус. *у него в голове опилки, солома; голова мякиной набита*; чеш. *tá v hlavě piliny / drtiny / otruby* 'у него голове опилки / стружки / отруби'.

Типичным для номинации глупца является сравнение с обувью. Использование «обувной» метафоры для обозначения глупости человека вполне естественно: в семантике слов, обозначающих обувь, имплицитно присутствует не только сема округлости, ассоциирующаяся с глупостью (ср. рус. выражение *круглый дурак*), но и сема низа, сниженности, приземленности, которая дает негативные коннотации, т. к. обувь наиболее удалена от головы и является своеобразным антиподом последней (ср. рус. *сибирский валенок*, чеш. *hloupý jako bota* 'глупый как ботинок').

Отдельные культурные коды способны притягиваться друг к другу, пересекаться, обмениваться номинативным материалом – и это нередко имеет этнокультурную обусловленность. Взаимодействие «обувной» и «социальной» метафор проявляется, например, в следующих фраземах: рус. *как сибирский валенок, лаптем щи хлебает, jako farařové boty* 'как ботинки приходского священника', «обувной» и зоонимической метафор в чеш. *hloupý jako hovězí boty* 'как коровьи ботинки'. В качестве наращения к «обувной» метафоре задействуются и названия старой, поношенной обуви: напр., рус. *тупой как старый башмак*, чеш. *hloupý jako stare boty* 'глупый как старые

ботинки'. Таким образом, модель «обувь» – «глупый человек» обнаруживает взаимодействие и с моделью «хлам, мусор» – «дурак».

Социальный код представлен номинациями представителей тех слоев, которые обладают в сознании номинатора низким социальным статусом, – провинциалов, жителей деревни, периферии, сказочных образов крестьян-простофиль: напр., рус. *Маша с Уралмаша, как умная Маша, сибирский валенок, тульский пряник, Иванушка-дурачок*, чеш. *hlouřý Honza*.

Широкую сеть вторичных номинаций традиционно представляют названия животных – зоонимы (коза, курица, птица традиционно относятся к «глупым» животным), а также фразеологизмы, основанные на зоонимических образах, ср. рус. *глуп как осел, как баран, как сивый мерин, смотреть как в афишу коза, баранья башка, куриные мозги*; чеш. *hlava skorová* 'баранья башка', *jít jako ovce za beranem* 'идти как овца за бараном' (рус. *как стадо баранов*), *mluví jako koza před smrtí* 'говорит как коза перед смертью'; *je (s kým) řeč jako s kozou na ledě* 'с ним говорить как с козой на льду', *rozumět jako koza petrželi* 'понимает как коза в петрушке' (ср. с рус. *как свинья в апельсинах*), *mít slepičí mozek* 'иметь куриные мозги', *ptačí mozeček* 'птичий мозг'. Вместе с тем есть и спецификации в образной реализации зоонимического кода для выражения представления о глупом человеке. В русской лингвокультуре этот образ получает эталонное сравнение также с уткой: *доходит как до утки*, (грубо-прост., презр.) *вумная как вутка*, а в чешской – с образами гусыни (чеш. *hlouřá husa* 'дура'), а также молодого бычка (*bulík*), что получило развитие во фраземе *věšet bulíky na nos* (букв. 'вешать бычки на нос'), откуда глагол *bulíkovat* 'дурачить, морочить голову'. Отсутствие ума у человека фразеологически актуализируется и с помощью образов мелких насекомых, обосновавшихся в голове вместо мозгов, напр. в чеш. *tá švába na mozku* 'у него таракан в мозгу', ср. с рус. *у каждого свои тараканы*.

Со стороны речи глупца может характеризовать, с одной стороны, неспособность хорошо говорить, косноязычие, отсутствие вразумительных высказываний, что выражают рус.

(прост.) *ни бэ, ни мэ, ни кукареку* и чеш. *hlouřý až bičí* (букв. ‘тупой до мычания’). С другой стороны, глупого может отличать и пустая болтовня, ненужное многословие, что отражают номинации: рус. *бесструнная балалайка*; рус. *молотъ из пустаго в порожнее* и чеш. *mlít volovinu* (от *vůl*) ‘молотъ глупости’.

Образ умного человека в меньшей степени представлен в виде эталонов, ввиду того что ум в оценке человека является нормой, а эталонному сравнению чаще всего подвергается то, что отстывает от нормы, в данном случае – глупость. Одним из стереотипных метафорических представлений об умном человеке является признак заполненности какого-либо вместилища, помещения умом, в противовес пустоте, свойственной дураку: напр., рус. *ума палата* находит аналог в чешском *má fůru rozumi* ‘у него вагон ума’, а также широта лба как вместилище ума во ФЕ *семи пядей во лбу*.

Хорошее знание чего-либо объективируется чаще всего в разных культурах с помощью образа руки, ладони как чаще всего находящейся перед глазами: рус. *знать как свои пять пальцев* / (реже) *как свою ладонь*, чеш. *znát jako svou dlaň* ‘знать как свою ладонь’. В чешском языке образ пальцев для вербализации рассматриваемого значения конкретизирован: о человеке, который хорошо знает что-либо, могут сказать – *má v malíčku* (букв. ‘у него есть в мизинце’). В чешском языке «подключена» для выражения данного значения также обувная и вестонимическая метафоры, не задействованные в этом значении в русском: ср. чеш. *znát jako své boty* ‘знать как свои ботинки’, *znát jako svou kapsu* ‘знать как свой карман’ / *jako svou vestu* ‘знать как свой жилет’. Для реализации данного значения используется в обоих языках и религиозный код: и в русском, и в чешском языках хорошее знание чего-либо ассоциируется со знанием основной христианской молитвы: рус. *знать как Отче наш* и чеш. *znát jako otčenáš*.

Приведённый материал демонстрирует моделируемость как основной принцип развития фразеологической семантики и стереотипический характер основных моделей при вторичной номинации. Несмотря на то что конкретная реализация этих

моделей в языках может быть национально специфичной, их сближает и общая коннотативная характеристика, выражающаяся в отрицательной или положительной оценке номинанта, что в конечном счете является целью вторичной объективации. При этом обращает на себя внимание преобладание единиц с негативной коннотацией, номинирующих глупого человека, дурака, выражающих неодобрительное отношение говорящих к ним, что связано с известными особенностями мировосприятия, при котором положительные явления воспринимаются как норма, а потому остаются без внимания, а отрицательные вызывают неприятие, осуждение, что закрепляется в языке. Базовые метафоры смещения, кривизны, поломки, беспорядка, тупого звука, издаваемого деревом, незаполненной емкости, обуви усиливаются признаками ветхости, мусора, примитивности, что в целом имплицитно выражает отрицательную коннотацию образа глупого человека.

Литература

1. Алефиренко, Н.Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм / Н.Ф. Алефиренко. – М., Элпис, 2008. – 271 с.
2. Березович, Е.Л. Языковой образ дурака: этнолингвистический аспект / Е.Л. Березович, Т.В. Леонтьева // Язык культуры: семантика и грамматика. – М.: Индрик, 2004. – С. 368-383.
3. РСС – Русский семантический словарь. В 3-х т. / Под общей ред. Н.Ю. Шведовой. – М., 2002.
4. ССРЯ – Мокиенко, В.М. Словарь сравнений русского языка / В.М. Мокиенко. – С.-Пб., 2003.
5. Klégr, A. Tezaurus jazyka českého / A. Klégr. – Praha, 2007.
6. Mokienko, V. Česko-ruský frazeologický slovník / V. Mokienko, A. Wurm. – Olomouc, 2002.

О СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ В ИССЛЕДОВАНИИ ИСТОРИЧЕСКОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Н. Х. Низаметдинова

*Россия, Москва, Московский государственный областной
университет*

В статье рассматриваются понятия синхронии и диахронии применительно к историческому словообразованию. На основе анализа значительного количества сложных слов XI-XVII вв. устанавливается, что только на основе синхронии возможно адекватное определение словообразовательной структуры производных. Диахронический подход следует применять при изучении возможных эволюционных структурных изменений.

Ключевые слова: синхрония, диахрония, историческое словообразование, словообразовательная структура, производные, сложные слова, производящие

ABOUT THE SYNCHRONIC AND DIACHRONIC STUDY OF HISTORICAL WORD-FORMATION

The article discusses the concept of synchrony and diachrony in relation to the historical derivation. On the basis of a significant number of complex words XI-XVII centuries established that only on the basis of an adequate definition of synchrony might formative derivative structure. Diachronic approach should be applied in the study of the possible evolution of structural changes.

Keywords: synchrony, diachrony, historical derivation, derivational structure, derivatives, complex words, producings.

Понятие синхронии представляется совершенно несовместимым с понятием историческое словообразование для тех ученых, которые практически никогда не пытались исследовать словообразование на историческом материале. Между тем анализ конкретного исторического материала позволяет безусловно установить, что только на основе формально-семантического соотношения производных с непосредственно производящими (мотивирующими) словами, существующими в языке изучаемого периода, то есть на основе синхронии, можно адекватно определить словообразовательную

(далее – СО) структуру производных и далее объединить их в словообразовательные типы. При этом данный период ограничивается хронологическими рамками, в пределах которых сохраняются формально-семантические связи производного и производящих. Такие временные рамки называют лингвистическим временем [Вяч. Вс. Иванов: 1958, с.68; Кубрякова: 1968, с.121; ср. также Фердинанд де Соссюр: 1977, с.133]. На следующем, диахронном, этапе исследования прослеживаются изменения СО структуры производных (словообразовательных типов, моделей) на протяжении исторического развития языка. В связи с этим нам представляется справедливым высказывание Фердинанда де Соссюра: «...диахронические события всегда в действительности носят случайный и частный характер, несмотря на видимые исключения из этого» [Фердинанд де Соссюр: 1977, с. 126].

Для правильного установления СО структуры историку языка следует скрупулезно изучать формально-семантические и хронологические связи сопоставляемых слов.

Например, существующее и в современном русском языке сложное слово *властолюбец* (в древнерусском языке *властолюбьць*) впервые зафиксировано в памятнике XII в. – Ефремовской кормчей (ГИМ, Син., №227, 67). Для периода XII – XVI вв. это слово следует рассматривать как сложение, так как формально-семантически и хронологически оно соотносилось со словами *власть* и *любець* (*любьць*). Наиболее ранняя фиксация слова *любець* (*любьць*) /«тот, кто любит что-л.»/ относится к XI в. (Словарь из Пандекта Антиоха по сп. XI в. арх. Амфилохия, 64), наиболее поздняя фиксация отражена в памятнике XVI в. Великие Минеи Четии митрополита Макария (Окт.19–31, 1700). Для периода позднее XVI в. слово *властолюбьць* (*властолюбец*) следует трактовать как сложносuffixальное. Именно так оно определяется в словообразовательных словарях современного русского языка (см., например: А.Н. Тихонов. Словообразовательный словарь русского языка. – М.: Русский язык, т.1, с. 560).

Объектом нашего исследования являются сложные слова русского языка XI–XVII вв., извлеченные из рукописных и словарных источников [Низаметдинова: 2014, с. 22–23].

На основе синхронии нами разработаны 1) понятие сложное слово; 2) критерии различения сложных и производносложных слов (слов, образованных от сложных аффиксальным способом); 3) критерии различения сложений и сложносуффиксальных слов; 4) принципы словообразовательно-семантической классификации сложных слов; установлены 1) категории сложных слов (сложения, сложносуффиксальные слова, сращения, суффиксальные сращения); 2) явления словообразовательной омонимии и неединственности мотивации [Низаметдинова: 2014, с. 28–69].

Под сложным словом мы понимаем лексему, формально и семантически мотивированную двумя (или более) самостоятельными словами и обладающую единством грамматического оформления [Низаметдинова: 2014, с. 28].

В зависимости от способа словообразования¹ мы выделяем такие категории сложных слов, как сложения, сложносуффиксальные слова, сращения и суффиксальные сращения.

Сложениями называются слова, образованные путем сложения двух знаменательных слов при помощи соединительного гласного или (реже) без соединительного гласного; при этом одно из них (I-й компонент) выступает в виде чистой основы, а другое (II-й компонент) – в виде самостоятельного слова. Например: *душеспаситель, богоизбранный, естествословити* и т.д.

Сложносуффиксальными являются слова, образованные в результате одновременного действия словосложения и суффиксации². Например: *правдодѣльство, златоперный, благовѣстити* и др.

---

¹ Г.А. Николаев, например, считает, что образование сложных слов относится к способу сложение, внутри которого выделяются более частные способы образования сложных слов [Николаев: 1987, с.11-12].

² См. высказывание И.С. Улуханова о происхождении смешанных способов словообразования: «Каждый смешанный способ словообразования связан с определенным несмешанным способом, точнее с определенной группой слов аналогичного морфемного состава в пределах несмешанного способа» (ср., например, сложение первопечатник и сложносуффиксальное второегодник) [Улуханов: 2001, с. 38].

К сложным словам мы относим, следуя давней традиции, идущей от В. Гримма, сращения.

Сращения представляют собой лексикализованные словосочетания. Например: *присноживый*, *дльготръпѣти* и др.

Суффиксальными сращениями³ называются слова, образованные путем одновременного действия сращения и суффиксации. Например: *многострадалецъ*, *борзоходный*.

Мы не рассматриваем в категории сложных слов простые префиксальные образования, исходя из принципиального функционально-семантического различия корневой морфемы и аффикса. Хотя, как известно, в истории зарубежного и отечественного языкознания существовала другая точка зрения. Так, М.В. Ломоносов, А.Х. Востоков, И.Ф. Калайдович, Ф.Ф. Фортунатов, К. Бругман, А.Мейе, Ф. Миклошич, И.В. Ягич, М.Н. Сперанский и др. относили к композитам префиксальные слова. Это связано с традицией, восходящей к древнегреческому языку, и обусловлено лексическим происхождением приставок и тем, что они функционально ближе к корневым морфемам, чем суффиксы, так как не обладают классифицирующим свойством, уточняют значение опорного компонента, подобно первой основе сложного слова.

По характеру значения приставки близки к предлогам и наречиям. Чем ближе префиксы к наречиям, тем они семантически насыщеннее. В этих случаях префиксальное и сложное образования могут становятся синонимами. Ср., например, слова *премилостивый* и *многомилостивый*.

О синхронном статусе словообразовательной структуры сложных слов красноречиво свидетельствуют обнаруженные нами в источниках исследования фрагменты текста, в которых присутствуют производящие единицы сложных слов. Приведем некоторые из них:

---

³ Термин «суффиксальное сращение» введен нами.

баснотворецъ ← **творецъ баснемъ**: Еврипид, **творецъ баснем** еллинским (Алф.¹, 79)⁴;

бѣлорыбица ← **бѣлая рыбица**: Послано цесареву послу...2
бѣлые рыбицы свѣжие (Рим. имп. д. II, 166);

благодать←**дать блага**: Всяка бо **дать блга** и всякъ даръ съвршенъ (Жит. Еутх. 11. Мин. Чет. Апр. 100);

благожитие ← **благо житие**: Радуется о ней мужь ея, дѣть бо мужеви своему **блго** все **житие** (Лавр. лет., 79);

блюдолизати ← **блюда(-ы) лизати(-ь)**: Да как учинился попенком, такъ по боярскимъ дворамъ научился **блюды лизать** (Ав. Кн. бес., 304);

браконейскусныи ← **не искусныи браку**: **Неискусъна браку**, рожышия Ба въплъщенаго... (Мин. окт., 40);

винодавѣць ← **виноу давѣць**: Дионись же бѣ именовашесе въ елинехъ. оучитель пьянству и **виноу давѣць** (КР 1284, 156г);

врагопособникъ ← **пособникъ врага (-ов)**: **пособники** их явных **врагов**... на христиан нападаютъ (Пов. напад. татар., 31);

вслюбезный ← **любъзнъ въсѣмъ**: Всепрѣдне Стефане, лучедостоинъ бывъ, тѣмъ **любъзнъ** бысть **въсѣмъ** (Мин. окт., 199. 1096 г.);

гнилословие ← **гнило слово**: Всяко **слово гнило** изъ усть ваших да не исходит (ВМЧ, Дек. 24, 1948);

законопрѣстоупникъ ← **прѣстоупникъ законуу**: **Прѣступникъ законуу** и заповѣди (Панд. Ант. XI в. л. 91);

крѣвоточени~ ← **крѣви точениѣ**: Жена нѣкая, соущи въ **точении крѣвии** лѣтѣ вѣ (Мр. V. 25. Остр. Ев);

лъжепослоухъ ← **лъжи послоухъ**: **Лъжи послоухъ** не боуди (Лук. XVIII.20. Юр. Ев. П. 1119 г.);

поутьшьствие ← **поути шьствие**: Того бо **поути шьствия** соуть прискрѣбнаа, послѣдъ радованьна (Нест. Жит. Феод. 12);

---

⁴ В статье используются шифры памятников письменности, используемые в Словаре русского языка XI-XVII вв. См.: Словарь русского языка XI-XVII вв. Указатель источников. – М.: Наука, 1975.

воднотрудный (недугъ) ← **вод(ь)ныи трж(у)дъ**: Члвкъ нѣкыи, имыи **водьныи трждь**, бѣ прѣдъ нимъ (Лук. XIV. 2. Остр. ев.). Отекъ **водны<м> трукдом>**, оумре (Георг. Ам. (Увар.) л. 6);

водовзводный ← **взводити(-ь) воду**: Уговорился **водовзводнаго** дѣла работникъ Галахтионко Никитинъ **взводити воду** на всѣ три дворца и на конюшню и въ садъ (Заб. Дом.быт. I, 610);

вселюдский ← **в(ь)си людие**: И **всьи людие** радовахуся о всѣхъ славныхъ (Лук. XIII, 17) Остр. ев., 237);

водосвятный ← **сватити воду**: ... **воду святиль** и мѣста церковные кропиль святою водою (АЮБ I, 65);

всесоставный (вьсесоставный) ← **всь съставъ**: С нѣ Бии чловѣкъ бысть... приимъ же **съставъ всь** члвчьскаго рода (Толк. лит. Германа, 339).

Словообразовательный статус сложений может быть установлен в случае синхронного присутствия в языке соответствующего сращения – сложного слова, возникшего в результате лексикализации словосочетания. В этом случае связь с производящим словосочетанием осуществляется опосредованно через сращение.

Ср.: **богомързкыи** - **богумързкыи**: А церкви свята претвориша на Латынское **богумерзское** служение (Новг. 1 л. 6857 г.);

законооучитель – **законоуоучитель**: Фарисеи и **законоуоучителю** (Лук. V. 17. Остр. ев.);

злопамятникъ (**зьлопамятникъ**) - **злупамятникъ**: Инако бо цѣнитъся клеветникъ и **злупамятникъ** (Пролог (БАН), 127).

В ряде случаев производящее словосочетание может быть восстановлено на основе греческого соответствия. Ср.: **Разумѣни Бие** в нихъ явѣсть (γνωστὸν τ). Злат. цѣп. д. 1400 г. Сл. христ. (Рим. I. 19). Зд. возможный дословный перевод греческого текста **разумѣние Бога**. Данное словосочетание соответствует сложному слову **богоразумѣнию** (Изб. 1073 г. 34).

Таким образом, исследование конкретного исторического материала позволяет сделать вывод о том, что только на основе

живых формально-семантических связях производных и производящих, то есть на основе синхронии, возможно первоначальное установление словообразовательной структуры производных и в истории языка. Изучение дальнейших возможных изменений словообразовательной структуры производных происходит на основе диахронии.

Литература

1. Иванов, Вяч.Вс. Вероятностное определение лингвистического времени / Вяч.Вс. Иванов // Вопросы статистики речи. – Л.: Изд.-во ЛГУ, 1958. – С. 62–73.
2. Кубрякова, Е.С. О понятии синхронии и диахронии / Е.С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – 1968. – № 3. – С. 112–123.
3. Низаметдинова, Н.Х. Сложные слова в русском языке XI–XVII вв.: словообразовательная структура, семантика, морфемика. – М.: Изд-во МГОУ, 2014. – 264 с.
4. Николаев, Г.А. Русское историческое словообразование / Г.А. Николаев. – М.: Изд-во Каз. ун-та, 1987. – 152 с.
5. Соссюр, Ф. Курс общей лингвистики / Фердинанд де Соссюр. // Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1977. – С. 31–285.
6. Улуханов, И.С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания / И.С. Улуханов. – М.: Наука, 2001. – 256 с.

ПАРАДИГМАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ МЕДИЦИНСКОГО ДИСКУРСА

Е. А. Пономаренко

*Россия, Симферополь, Медицинская академия имени
С.И. Георгиевского ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»*

В статье обосновывается применимость понятия «парадигмы» в медицинском дискурсе. Освещаются исторические факты, повлиявшие на формирование парадигмальных связей в структуре профессионального медицинского дискурса. Предлагается типологическая классификация речевых жанров, обслуживающих сферу институционального (медицинского) дискурса.

Ключевые слова: медицинский дискурс, парадигма, нозологическая парадигма, клиническая парадигма.

PARADIGMAL APPROACH TO THE RESEARCH OF SPEECH GENRES OF MEDICAL DISCOURSE

In the article the applicability of concept “paradigms” in the medical discourse is substantiated. The historical factors which influence to formation of paradigmatic relations in the professional medical discourse. In the article the typological classification of speech genres used in the sphere of institutional (medical) discourse is first presented.

Keywords: medical discourse, paradigm, nosologic paradigm, clinical paradigm

В настоящее время активно изучается медицинский дискурс. Об этом свидетельствует стремительно возрастающее число публикаций. В центре внимания учёных оказываются лингвопрагматический и когнитивный аспекты (С.В. Вострова, Ю.В. Рудова, Э.А. Столярова), проблемы медицинского терминообразования (С.И. Маджаева, О.В. Нашиванько, В.Ф. Новодранова). Весьма продуктивным представляется аспект исследования, ориентированный на выявление закономерностей продуцирования устного медицинского дискурса врачом и пациентом, отраженных в дискурсивном знании врача (М.И. Барсукова Л.С. Бейлинсон, Р. Водак, Н.В. Гончаренко, В.В. Жура). Несмотря на множество направлений, существующих при изучении медицинского дискурса, в работах ученых почти не освещаются вопросы, связанные с функционированием речевых жанров.

Цель настоящей статьи – продемонстрировать обусловленность развития речевых жанров от исторических научных парадигм.

Первоначально понятие «парадигма» использовалось в лингвистике и риторике. Позже оно получило широкое распространение в методологии науки. В 1962 году американский ученый Т. Кун опубликовал работу «Структура научных революций», где рассмотрел глубокие связи науки и общества в их историческом развитии. Исследователь разработал понятие научного сообщества как логического субъекта научной деятельности. Научное сообщество у Т. Куна имеет единую систему стандартов – *парадигму*, которую учёный может принять

без доказательств. Под *парадигмой* понимались «признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают модель постановки проблем и их решений» [3, с. 31].

Медицинский дискурс как неотъемлемая часть медицинской практики должен обнаруживать прямую зависимость от современной ему научной парадигмы. В теоретически обобщенном виде возможно говорить о наличии двух исторических парадигм: **нозологической** и **клинической** (включающей и деонтологическую).

Нозологическая парадигма. В настоящее время универсальным методом диагностики, применяемым во всех областях медицины, является *сбор анамнеза*, который определяется как «совокупность сведений, получаемых при медицинском обследовании путем расспроса самого обследуемого и/или знающих его лиц. Изучение анамнеза, как и расспрос в целом, не просто перечень вопросов и ответов на них. От стиля беседы врача и больного зависит та психологическая совместимость, которая во многом определяет конечную цель – облегчение состояния пациента» [1, с.53]. Очевидно, что основополагающим для составления картины заболевания и достижения терапевтической цели выступает медицинский дискурс, то есть живое непосредственное речевое взаимодействие врача и пациента.

Как известно, в древности болезнь представлялась наказанием богов либо внедрением в организм человека некоей сущности или враждебного духа, вызывающего различные нарушения. Подобные детали мифологической картины мира сохранились в формах суеверий и народной медицины (знахарства). Впервые мистическая природа болезни была отвергнута Гиппократом, который противопоставил ей учение о болезни как последствии естественных факторов, связанных с нарушением питания, привычек или характера человека.

Естественнонаучная парадигма Аристотеля вместе с учением Гиппократа оказала огромное влияние на исследования Галена (II в. н.э.). Гален положил начало анатомическому

изучению человеческого тела и фармакологии, а также систематизировал все представления и достижения античной медицины в виде единого учения, которое сформировало парадигму медицинской науки средневековья.

Идея Галена была подхвачена Авиценной (X-XI вв.), основоположником оздоровительной физкультуры. Под лечением в системе Авиценны понималась профилактика заболеваний в современном её понимании. Индивидуального подхода к пациенту еще не существовало, при назначении лечения учитывался лишь возраст больного, а надлежащий курс лечения мог получить только состоятельный больной, социальный статус которого позволял бы ему пользоваться услугами врача.

Учения Аристотеля, Галена и Авиценны были положены в основу средневековой медицины. Только на рубеже XV-XVI вв. этой парадигме была противопоставлена «спагирическая» медицина Парацельса, базой которой послужил «корпус Гиппократов». Болезнь, считал Парацельс, есть следствие дисбаланса в теле человека неорганических веществ, образующих все прочие тела природы.

Таким образом, на протяжении двух с половиной тысяч лет объектом медицины было тело человека, знания о котором ещё не были сведены в стройную систему и которое рассматривалось в отрыве от индивидуального психоэмоционального опыта пациента. В этот период времени при посещении врача имел место бытовой дискурс с элементами профессионального, относящимися к этиологии, патогенезу и идентификации болезни согласно общепринятой номенклатуре и классификации. Так, в некоторых художественных произведениях сохранились фрагменты диалогов доктора с больным, из которых очевидно, что до появления клиники в общении врача с пациентом преобладали *фатические* речевые жанры, речевой жанр *медицинского предписания*, речевой жанр *доказательства* (в частности, по отношению к авторитету медицины), речевой жанр *сентенции*, речевой жанр *постановки диагноза*, иногда мнимонаучного, оформленного с помощью терминов средневековой медицины. Речь доктора изобиловала греческими

и латинскими терминами – наименованиями болезней и анатомической лексикой, что считалось признаком «учености» и, следовательно, профессиональной компетенции. Отсутствие схемы анамнеза исключало возможность тесного сотрудничества между доктором и пациентом. При этом игнорирование собственных патологических переживаний больного, неучитывание имманентной стороны патологического процесса предполагало полную пассивность пациента и, независимо от доверия или недоверия к доктору, вверение своего здоровья его профессиональной компетенции. Вопрос, типичный для пациента XVII века, был не «*Чем я болен?*», а, например, известный нам по пьесе Мольера «Мнимый больной»: «*Скажите, доктор, как вы меня находите?*».

Клиническая парадигма. Как утверждает французский врач и крупнейший философ XX века Мишель Фуко (1926 – 1984), «принцип, согласно которому медицинское знание формируется у самой постели больного, датируется не ранее чем концом XVIII века» [5, с.93].

Становлению института клиники в Европе способствовали социальные изменения в эпоху французской Республики. Это было связано не только с наследием деятелей Просвещения, тенденцией к антропологизму и развитием естественнонаучных, следовательно и медицинских знаний, но и с официальной антиклерикальной политикой. На смену «*богоугодным заведениям*» пришли муниципальные госпитальные учреждения, позволившие наблюдать, диагностировать и оказывать лечение множеству пациентов, которые были сгруппированы по болезням одного типа. Благодаря тому, что при таких больничных учреждениях стали располагать и морги, анатомы впервые получили возможность делать вскрытие непосредственно после факта смерти и получать сведения о патоморфогенезе. Таким образом начали устанавливаться причинно-следственные связи между различными сферами медицинского знания. В процессе патоморфологических исследований выяснилось, что одно следствие может иметь не одну причину, и что каждая болезнь имеет аутентичную конфигурацию симптомов. Выявлению этих

симптомов должна была служить уже не *нозология* и не патологическая анатомия, а *анамнез*. Таким образом, *клиническая* модель общения врача и больного представляет собой результат *научной* парадигмы Нового времени, и формой её выражения стал медицинский дискурс.

Появление клиники как исторического факта, отмечал М. Фуко. Он подчеркивал, что «Эта новая структура отмечается, но, конечно, не исчерпывается, мелким и решительным изменением, замещающим вопрос: “Что с Вами?”, с которого начинался в XVIII веке диалог врача и больного с его собственной грамматикой и стилем, другим, в котором мы узнаем игру клиники и принцип всего дискурса: “Где у Вас болит?”» [5, с.93].

Собственно клиническим дискурсом (в рамках медицинского) является ближайший анамнез. Он «отвечает на вопросы, при каких условиях и каких симптомах развивалась настоящая болезнь до обращения к врачу, каковы основные жалобы, как функционировали главнейшие органы и каково было лечение» [2, Т. 1, с. 594]. Таким образом, перед врачом стоит задача получить максимум информации о патологическом статусе, используя для этого определенные иллокуции. Поскольку диалогическое единство является основной структурной единицей дискурса, – вопросно-ответные единства, используемые в медицинском дискурсе, представляют собой последовательность иллокутивных актов. Содержание каждого иллокутивного акта определяется той единицей информации, подтверждение или неподтверждение которой хотят получить соотносимо с нозологической «сеткой» симптомов. Логические принципы конъюнкции или дизъюнкции, лежащие в основе такого расспроса, формируют схему, или структуру, и эта «комбинаторная изменчивость простых форм» образует эмпирическое разнообразие» патологической картины.

Иллокуция диалогического единства определяет концептуальное наполнение речевого жанра, оформляющего диалог, как более крупной, чем речевой акт, единицы. Так, например, *квеситив* как иллокутивный акт определяет речевой

жанр *врачебного вопроса*, *реквестив* – РЖ *просьбы*, *инъюнктив* – РЖ *медицинского предписания*, *констатив* – РЖ *диагностирования и постановки диагноза* и т.д. При этом речевые жанры, обслуживающие сферу институционального дискурса, мы можем представить в виде следующей типологической классификации [4, с. 119–120]:

1) **аутентичные РЖ**, то есть соответствующие логико-смысловым моделям дисциплинарной матрицы (в речевом взаимодействии врача и больного это РЖ *жалобы*, *указания при объективном исследовании*, *постановки диагноза*, *медицинской рекомендации*). Например, *Лихорадка* замучила. *Каждый день, как двенадцать часов, голова начинает болеть, потом жар как пойдет... Часа два потреплет и отпустит* (Булгаков, Тьма египетская);

2) **комплементарные РЖ**, то есть жанры, непосредственно не относящиеся к институциональному дискурсу, но взаимно дополняющие его и составляющие некое функциональное единство. Подобные РЖ связаны с эмоционально-психологическим компонентом интеракции и с социальным анамнезом (РЖ *просьбы*, *мольбы*, *убеждения*, *обвинения*, *благодарности*). Например, *Через полчаса я собрался уходить. Прачка вдруг засуетилась, торопливо полезла в сундук и протянула мне засаленную трехрублевку. – Примите, батюшка ... за труды ... – сказала она. – Уж как вы старались, спаси вас царица небесная!* (Вересаев, Записки врача).

3) **периферийные РЖ** – все РЖ, кроме комплементарных, которые необязательно могут появляться в институциональном дискурсе (например, РЖ *предостережения*, *угрозы*, *инвективы*); – *Бить тебя, баба, да некому, сказал он. – Отчего ты раньше его не приводила? Рука-то ведь пропадающая! Гляди-кась, дура, ведь это сустав болит! – Вам лучше знать, батюшка... – вздохнула баба* (Чехов, Беглец);

4) **экстернальные**, или **внеположные РЖ**, то есть принципиально невозможные для данного типа дискурса или как минимум для одного из коммуникантов. Например, в речевой модели «врач – пациент» не может присутствовать РЖ

осуждения, хвастовства и т.п. со стороны врача, так как это противоречит принципам медицинской этики.

В пропорциональном соотношении набор аутентичных жанров уступает многообразию других, комплементарных и периферийных. Однако именно парадигма жанров, подчинённых целевым установкам медицинского дискурса, продиктованном дисциплинарной матрицей, является сдерживающим фактором, конституирующим институциональный дискурс. Она позволяет врачу выстраивать диалогическую структуру в рамках заданной темы. Обусловленность речевых жанров клиническими (анамнезическими) парадигмами, имеющими логико-смысловой алгоритм, позволяет констатировать явление связанности и взаимообусловленности речевых жанров между собой, продуцирования жанровых цепочек в речи. Взаимозависимость речевых жанров задаётся рядом экстралингвистических факторов, которые обусловлены сменой нозологической парадигмы парадигмой Нового времени (клинической).

Литература

1. Большая медицинская энциклопедия: [гл.ред. Н.А. Семашко] : 35-ти т. – М.: Акционерное общество «Советская Энциклопедия», 1928. – Т. 30.
2. Большая медицинская энциклопедия : [гл. ред. Н.А. Семашко] : в 35-ти т. – М. : Акционерное Общество «Советская Энциклопедия», 1928. – Т. 1.
3. Кун, Т. Структура научных революций / Т.Кун. – М. : ООО «Издательство АСТ», 2002. – 608 с.
4. Пономаренко, Е.А. Классификация речевых жанров институционального (медицинского) дискурса (на материале произведений русских писателей-врачей) / Е.А. Пономаренко // Жанры речи. – Саратов : Саратовский государственный университет, 2015. – № 1. – С. 117–121.
5. Фуко, М. Рождение клиники / М. Фуко. – М. : Смысл, 1998. – 310 с.

ЛИНГВИСТИКА В ПРАКТИКЕ ИНОЯЗЫЧНОГО ОБУЧЕНИЯ

А. А. Ховалкина

*Россия, Симферополь, Медицинская академия имени
С.И. Георгиевского ФГАОУ ВО «КФУ имени В.И. Вернадского»*

В статье рассматриваются принципы построения курса русского языка в высшем специальном учебном заведении.

Ключевые слова: концепция, обучение языку, изучение языка.

LINGUISTICS IN THE PRACTICE OF FOREIGN LANGUAGE LEARNING

This article is issued the principles of construction of the course of the Russian language in the higher special educational institution.

Keywords: conception, teaching of the language, learning of the language.

Вопрос, чему мы обучаем, уча русскому языку иностранных граждан, вновь и с еще большей остротой встал перед образовательным подразделением Медицинской академии Крымского федерального университета – кафедрой русского языка.

Относительную устойчивость сложившейся за последние десятилетия практики преподавания русского языка иностранцам вначале поколебало, а затем и взорвало появление большого числа учащихся со сформированными коммуникативными навыками. Это лица, изучавшие русский язык в национальной школе, или получившие среднее образование в русскоязычных школах и колледжах, или природные носители русского языка.

Оставляя в стороне вопрос о том, что цели образовательной политики в работе с таким контингентом не определены, обратимся к научным разработкам Института преподавания русского языка в национальной школе Академии педагогических наук СССР и к концепции его руководителя – академика Н.М. Шанского.

Н.М. Шанский, известный ученый-лингвист с широким кругом научных интересов, в вопросах организации обучения языку в русской и национальной школе опирался на

сложившуюся в дореволюционной России традицию, привнесенную в школу советской эпохи академиком Л.В. Щербой [5]. Как и Л.В. Щерба, а до него и И.А. Бодуэн де Куртенэ, Н.М. Шанский исповедовал принцип единства теории и практики, что получило отражение в предложенном им термине «лингводидактика», несущем идею преломления теории языка в практику обучения и преподавания. Ему же принадлежит и концепция по обучению русскому языку в национальной школе, развившаяся в целое направление, известное под названием «русский язык как неродной».

Разработка этой концепции шла параллельно с разработкой концептуальных основ преподавания «русского как иностранного», в чем-то солидаризируясь с ней, но в чем-то и дистанцируясь от нее. Тот шквал новизны, который принесло бурно развивавшееся коммуникативное направление, был по достоинству оценен и отчасти воспринят направлением «русский как неродной». «Трудно найти сейчас в методической литературе по русскому языку монографию или даже статью, в которой бы развитие речи не провозглашалось первоочередной задачей преподавания русского языка нерусским школьникам. Словосочетания «практическое овладение языком» и «коммуникативные цели обучения» принадлежат ныне к самым частотным в нашем лингводидактическом языке. Но для понимания специфики курса русского языка в национальной школе этих выражений явно недостаточно» [4, с.3]. Коммуникативные цели обучения, провозглашенные главным принципом в обучении русскому языку как иностранному, по мнению разработчиков концепции, могут быть применены в национальной школе только на этапе начального и среднего школьного образования. На завершающем этапе, то есть к моменту окончания средней школы, русский язык должен был стать «вторым родным языком в условиях продуктивного билингвизма». Таким образом «методика обучения (...) всё больше и больше превращается в «методику преподавания» и «методику изучения» [там же, с.3-4].

Как можно видеть, национальная школа, не исключившая из своих образовательных программ русский язык, нацеливает не только на овладение русской речью, но и на изучение языка как «орудия познания и формы существования знания», как «общественного явления и семиотической системы» [2, 3]. Именно таких студентов, в логику обучения которых была заложена идея активного билингвизма и полного выравнивания с русскоговорящими ровесниками, получает в последние годы Медицинская академия.

Хотя по условиям зачисления иностранных студентов на международный факультет группы формируются из студентов как прошедших полный курс обучения на подготовительном отделении, так и приехавших из республик бывшего Советского Союза с разной степенью владения языком, обучаться они должны на основании общих принципов, по одним программам и учебникам. Предполагается, что все они преодолели этап «обучения языку» и находятся на этапе «изучения языка» как орудия познания и формы существования знания, общественного явления и семиотической системы.

Теоретическую разработку этого этапа преподавания русского языка в иноязычной аудитории находим в работах академика Н.М. Шанского и сотрудников Института преподавания русского языка в национальной школе. Столкнувшись с тем обстоятельством, что в каждой республике Союза объём и содержание учебного предмета «русский язык» определяется исходя из специфических особенностей родного языка, Н.М. Шанский обосновывает необходимость разумной унификации содержания учебного языкового материала с опорой на «базисный русский язык современности».

Базисный русский язык, выделенный на основе системного описания путём компрессии и минимизации и с учётом особенностей самого русского языка и законов его естественного функционирования, создаёт прочную лингвистическую основу для построения нормативного курса – «одного и единого для всех учащихся».

Эта – центральная – идея концепции представляется весьма продуктивной для решения практических задач обучения и в высшей школе. Отсутствие единого типового учебника для всех иноговорящих, приехавших получить профессию на русском языке, со всей очевидностью свидетельствует об отсутствии объединяющих начал, то есть об отсутствии подобной концепции для изучения русского языка в высшей школе независимо от особенностей родного языка студента и избранной им профессии. Кроме того, в господствующей в настоящее время стратегии иноязычного образования не выделяются в качестве приоритетных функции мышления и познания как несвойственные коммуникативному направлению.

Если согласиться с тем, что направление «русский как иностранный» исчерпывает себя на стадии решения практических задач, то направление «русский как неродной», опирающееся на теорию языка на заключительном этапе школьного образования, содержит в себе те положения, которые могут лечь в основу концепции обучения русскому языку в высшей школе.

Это, как представляется, прежде всего, теоретическое и практическое обоснование типового характера учебного предмета «русский язык» и создание единых типовых учебно-методических комплексов, «выступающих как строгое системное целое средств обучения, все компоненты которого неразрывно связаны между собой и имеют каждый собственное назначение в учебном процессе» вокруг основного пособия – учебника. (Учебник – по замечанию К.Д. Ушинского – фундамент хорошего преподавания) [3].

Представление о том, что учебное заведение, выпускающее специалиста любого профиля – инженера, архитектора, врача – призвано силами сотрудников кафедры, разрабатывающей узкопрофильные пособия, насыщенные терминологией и специальной лексикой, обеспечить достаточный уровень владения языком, безосновательно. На это обращал внимание и Л.В. Щерба: «Пользуюсь случаем, чтобы подчеркнуть ошибочность обывательского мнения, будто технические

термины составляют главную трудность при чтении специальных иностранных текстов: незнакомство с предметом для одних и плохое знание данного общего языка для других – вот истинные причины трудности специальных технических текстов» [цит. по: 1]. Это авторитетное мнение академика Л.В. Щербы поддерживает идею унификации содержания основного пособия курса русского языка – учебника, выводящего всех учащихся на гарантированное и прочное владение «общим языком».

Содержание учебной программы старших классов национальной школы ставится в параллель с программой изучения родного языка: «определённый круг теоретических сведений по лексике, фразеологии, фонетике и грамматике не только служит основой для речевых и правописных умений и навыков, но и в какой-то мере является самостоятельным образовательным курсом» [4, с.3]. Таким образом, теория языка становится поводом для выработки не только речевых, но и ортологических навыков – умения правильно говорить и грамотно писать. Как известно, коммуникативный принцип обучения языку не ориентирует на вопросы ортологии.

Установлено, что переход от практических целей («язык обучения») к теоретическим («язык преподавания и изучения») требует дополнительных стимулов и мотиваций, формирующих интерес к русскому языку. Одной из задач при формировании этого курса является «выявление занимательно-стимулятивных форм и приёмов обучения, которые основывались бы на внутренней занимательности русского языка как лингвистического явления и учебного предмета» [3, с.202]. Вспомним кстати, что сам Н.М. Шанский был мастером занимательных рассказов из жизни слов.

В концепции учитывается также, что изучение языка традиционно сопряжено с чтением литературных текстов, а на завершающем этапе обучения в школе – с чтением художественной литературы, которая по традиции входит в обязательный литературный минимум, используемый для развития спонтанной речи учащегося [там же, с.200].

Учитывая цели обучения на завершающем этапе школьного образования, академик Н.М. Шанский оговаривал необходимость формирования минимума теоретических сведений, обеспечивающих осмысленное владение языком. Известно, что коммуникативный подход не предполагает овладения языком путём осмысления его структуры и механизмов действия.

И, наконец, ставя лингвистику во главу угла и отводя ей главную роль в курсе обучения и изучения, в дидактической части своей концепции Н.М. Шанский уделяет внимание методическим технологиям: правильной и обоснованной презентации в определённых дозах и определённой последовательности научно отобранного материала. Методическая технология призвана определить не только подачу изучаемого языкового материала, но и рациональную и эффективную систему тренировочных упражнений, прогнозирование, профилактику и устранение интерференции, а также совершенствование частных лингводидактических приёмов и методов. Но, при всей своей значимости, методические технологии стоят на втором месте после лингвистического описания языкового материала в учебных целях.

В поисках решения поставленных самой практикой образования вопросов и обратившись к государственным образовательным стандартам высшей школы находим требование «развивать способность к абстрактному мышлению, анализу и синтезу».

Ещё в 1904 году, выступая на I съезде преподавателей русского языка, и академик Ф.Ф. Фортунатов, и тогда ещё молодой преподаватель Л.В. Щерба говорили о том, что язык является орудием не только общения, но и мышления, а педагогическая цель изучения грамматики равнозначна изучению математики. Она состоит в развитии мыслительных способностей учащихся, в освоении методов индукции (восхождение от примеров к обобщениям) и дедукции (движения от правил к примерам), в изучении форм языка в связи с мышлением [1, с.117].

Говоря об инструментарии этого направления в обучении, связанном с развитием мышления, обратим внимание на то, что высокой степенью обобщённости обладают все грамматические категории, а также явление гиперонимии и гипонимии (родо-видовые отношения), генерализации и другие, служащие инструментом понимания и дисциплины мышления.

На фонологическом уровне это учёт качества звука, в частности, противопоставление твёрдых и мягких согласных фонем, что влияет на выбор варианта служебной морфемы и находит отражение в графике и орфографии.

На морфемном уровне это выделение и осознание морфемы как абстрактной, умозрительной единицы, реализуемой в речи в виде морфов (алломорфов). Обращение к морфемной структуре слова позволяет собирать внимание вокруг значения корневой или служебных морфем, видоизменяющихся в зависимости от позиции в слове (в частности, фонемного чередования на шве морфем).

На словообразовательном уровне это анализ слов с прозрачной и расчленённой семантикой и знакомство с техникой создания новых понятий – вторичных номинаций.

На морфологическом уровне это умение по формальным показателям установить грамматическую категорию – часть речи, этот речемыслительный феномен, передающий связь с определёнными содержательными структурами знания и выступающий в роли члена предложения при коммуникации.

На лексическом уровне это знакомство с иерархическими отношениями внутри лексической системы, с явлением, отражающим родо-видовые связи в реальном мире и языковой системе.

На синтаксическом уровне это правила соединения слов в предложения и правила соединения предложений в текст и дискурс. Это восхождение на уровень абстрактного мышления от понятий, отражающих денотат, к понятиям, не имеющим денотата, а также другие операции по работе со словом, высказыванием, текстом.

В итоге, это возвращение в лингвистику.

Таким образом, выявив принципы, задачи и тенденции, заложенные в обучении русскому языку в национальной школе и совместив их с требованиями, предъявляемыми к современному высшему профессиональному образованию, сделаем для себя некоторые практические выводы.

Представляется целесообразным включить в концепцию обучения русскому языку в высшем специальном учебном заведении следующие положения из концепции «русский как неродной»:

- теоретическое и практическое обоснование типового характера учебного предмета «русский язык» и создание единых типовых учебно-методических комплексов;

- унификацию содержания основного пособия курса русского языка – учебника, выводящего всех учащихся на гарантированное и прочное «общее владение» языком;

- включение в образовательные цели вопросов ортологии – орфоэпии и орфографии;

- выявление и использование занимательно-стимулятивных форм и приёмов обучения, основанных на внутренней занимательности русского языка как лингвистического явления и учебного предмета;

- привлечение текстов художественной литературы для развития спонтанной речи учащегося;

- формирование минимума теоретических сведений, обеспечивающего осмысленное владение языком;

- вопрос приоритетности лингвистического знания.

Таким образом, имея целью выравнивание контингента обучающихся под единую программу, считаем возможным приравнять курс обучения в довузовской форме образования (на подготовительном отделении) к курсу обучения в начальных и средних классах национальной школы. И в том и в другом случае обучение построено на принципах коммуникативного подхода, где главной целью является выработка и развитие речевых навыков. Что же касается обучения русскому языку в высшем специальном учебном заведении, то здесь логичен переход от принципов коммуникативности к принципам осознанности и

осмысленности совершаемой речевой деятельности. В этом случае курс обучения русскому языку студентов из Ближнего Зарубежья можно рассматривать как курс, продолжающий в качестве преемственности курс обучения в старших классах национальной школы, и предложить его, за неимением специально разработанной концепции обучения, студентам из Дальнего Зарубежья как отвечающий требованиям высшей школы и единственно приемлемый в сложившейся ситуации.

Литература

1. Колесов, В.В. Л.В. Щерба / В.В. Колесов. – М.: Просвещение, 1987. – 160 с.
2. Шанский, Н.М. Содержание и структура школьного учебника русского языка для нерусских / Н. М. Шанский // Русское языкознание и лингводидактика. – М.: «Русский язык», 1985. – С. 203-215.
3. Шанский, Н.М. Методика преподавания русского языка в национальной школе: достижения и проблемы / Н. М. Шанский // Русское языкознание и лингводидактика. – М.: «Русский язык», 1985. – С. 194-203.
4. Шанский Н.М. Русский язык как учебный предмет в национальной школе / Н. М. Шанский, М. Б. Успенский // Русский язык в национальной школе. – 1973. – № 3. – С.2-9.
5. Ховалкина, А.А. Педагогические идеи Л.В.Щербы в аспекте преподавания языков. – Изъ глубины возвахъ...: Сборник статей по проблемам образования и воспитания в высшей школе / А.А. Ховалкина. – Симферополь: Дом Писателей им. Домбровского, 2014. – С.19-27.

ФРАЗЕОЛОГИЯ НА СЛУЖБЕ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА

И. В. Абрамец

Украина / ЛНР, Луганск,

*Луганский государственный университет имени
Владимира Даля*

В статье показана значимость фразеологизмов в реализации основных свойств политического дискурса: частоты и креативности политических метафор и их эвфемистичности.

Ключевые слова: политический дискурс, метафора, фразеологизм, эвфемизм, креативный, кризис.

PHRASEOLOGY IN THE SERVICE OF THE MODERN POLITICAL INTERNET-DIS COURSE

The following questions has been shown in this article: meaning of phraseologisms, when it realize the main properties of the political discourse, periodicity and creativity of the political metaphors and its euphemistic properties.

Keywords: political discourse, metaphor, phraseologism, euphemism, creative, crisis.

«Фразеологические единицы, благодаря своему коннотативному макрокомпоненту, имеют место в политической речи, выступают как яркое выразительное средство, а также реализуют прагматическую функцию языка» [3, с.54]. Сам политический дискурс не является ни объектом, ни предметом данного исследования. Но и не просто источником материала. Это один из ареалов, как оказалось, компактного проживания ФЕ, в котором у них важная функция – они работают на политическую метафору. А политическая метафора – это основной инструмент политического дискурса, то есть инструмент политического манипулирования. Для исследователя-лингвиста это очень интересный и столь же обширный материал для работы. Именно политическая метафора привлекает исследователей к изучению политического дискурса. Научная библиография по этой проблеме огромна. В России политический дискурс и метафору изучают А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов, В.И. Карасик, Т.Г. Скребцова, А.П. Чудинов, Е.И. Шейгал и

многие другие. Из зарубежных исследователей обычно называют Дж. Лакоффа, М. Джонсона, К. де Ландсхеер, Г. Лассвелла. Последнему, как указывает Т.Г. Скребцова, «зарубежные исследователи приписывают роль первопроходца в изучении языка политики. На Западе хорошо известны его суждения о зависимости стиля языка от политической ситуации. Особенно часто цитируются его слова о том, что некоторые изменения в стиле языка могут предвещать назревающий кризис или постепенное ослабление демократии» [2, с.41].

Итак, теория политического дискурса не предмет данного исследования. Его объектом являются фразеологизмы, а предмет (аспект) исследования – их функция в политических текстах, которая состоит в создании политической метафоры.

Из того, что написано о метафоре в политическом дискурсе, важным для настоящей статьи является утверждение, гипотеза о метафорах как показателях кризисности общественно-политической ситуации. Кризис вызывает активизацию метафор в двух параметрах: частота употребления и креативность. Автор гипотезы – голландская исследовательница К. де Ландсхеер. На русском материале гипотеза проверена А.Н. Барановым [1, с.214-243].

Текстовым материалом для данной работы послужили интернет-тексты на тему «Геополитика и кризис в Украине как ее проявление». Вот в этом сегменте просматривались сайты, блоги, интернет-газеты (Русская Правда). И этот материал подтвердил, что:

1. Частота употребления метафор, в том числе и ФЕ-метафор, столь высока, что стремится к беспредельности. В качестве примера взята статья из интернет-газеты «Русская Правда» «Нефтяные эмиры тоже плачут» (<http://ruspravda.info/Neftyanie-emiri-tozhe-plachut-16226.html>).

Уже в заглавии статьи прецедентный текст, ставший устойчивой формулой. И таких материалов очень много. Вот перечень ФЕ из этой статьи: *Страна 404, запасаться вазелином, страна бензоколонка, золотой миллиард; Богатенькие буратины Кувейта тоже плачут; падение цен, изо всех сил, не фиг было идти на поводу, печатные станки зеленой бумаги, норма*

отпуска, не более 1000 карат в одни руки, затянуть кушаки, уволить ¾ гарема к свиньям собачим, Большой Мир, врезать дуба, никому мало не покажется, выйти из стадии лабораторных пробирок, горькая судьбина, Страна Вечнозеленого Укропа, победное шествие по граблям, вляпаться двумя ногами по самое не балуй, не рой другому яму, чувствительная мозоль, будь она неладна, сообщающиеся сосуды; Если где-то чихнут, то в другом месте тут же обделаются; Живы будем не помрем; аномальное количество принцев на квадратный метр территории, «уважаемые люди», самому себе выкопать могилку, при особо удачном стечении обстоятельств, как звезды сложатся, концы с концами не сведет, хуже ножа острого, ниспосланные Аллахом долгие годы жизни; Дармоеды тоже кушать хотят; сорить деньгами, создать своими руками множество врагов, остаться без штанов, действовать в том же ключе, оно бы и хрен с ней, пока суть да дело, мир идет в разнос, сукины дети.

2. Второй признак политических метафор как показателя кризисности – их **креативность**, т. е. творческий характер. «Параметр креативности сам по себе очень информативен для характеристики метафоричности дискурса, так как он дает качественную оценку используемым метафорам. Увеличение креативности метафоричности дискурса свидетельствует не только о кризисности ситуации, но и о чрезвычайной актуальности проявлений кризиса для СМИ, так как каждая используемая метафорическая модель представляет собой одну из альтернатив осмысления ситуации и, соответственно, разрешения кризиса» [1, с.117]. Креативность по отношению к фразеологизмам – это: а) их возможные преобразования; б) отбор особо экспрессивных ФЕ; в) появление новых. Все это можно найти в вышеприведенной строфе из интернет-газеты «Русская Правда». Здесь лишь отметим, что различных трансформаций ФЕ очень много, но параметры данной статьи не позволяют на этом вопросе остановиться. Поэтому приведем пару примеров использования ФЕ в наиболее сильной для них позиции – в заголовке: «NIMARS»? НЕ СМЕШИТЕ МОИ «ИСКАНДЕРЫ»!

([http://social.politpuzzle.ru/blog/43131418386/%ABHIMARS%BB ...](http://social.politpuzzle.ru/blog/43131418386/%ABHIMARS%BB...)); Выборы в Приднестровье: у пропасти, во лжи (<https://regnum.ru/news/polit/2017668.html>).

Одной из тенденций отбора ярких эмоционально-экспрессивных ФЕ является увлечение интернет-журналистов (и их читателей, что очевидно из комментариев) самой сниженной частью словаря русского языка – нецензурной. Конечно, мат – сильное средство выражения отрицательной оценки, это смело, экспрессивно, иногда остроумно, нестандартно (было!) для языка политики. Но ведь речь идет о снижении стиля политического интернет-дискурса до уровня, который народ называет фразеологизмами *по самое не балуй* или *ниже пояса*. То есть всеобщая матерщинизация населения коснулась и политического дискурса. И этого так много, что оно перестало быть неформатом, тенденцией. Это устоявшееся явление, факт. Неудобно приводить примеры, но они есть. И в немалом количестве.

Но у тренда к всеобщей матерщинизации есть противовес в виде **эвфемизации** политического дискурса. По этой проблеме имеется большая литература. Вот некоторые характерные заголовки: Тенденция эвфемизации политического дискурса; Понятие политического дискурса и явления эвфемии; Эвфемизация и политкорректность как отличительные особенности современного политического дискурса; Эвфемизация и дисфемизация как стратегии уклонения от истины (<https://www.google.com.ua/search?q=Эвфемизация+политическ...>).

Небольшой экскурс в эвфемизацию связан с тем, что в этом процессе активны фразеологизмы. Речь идет о перифрастических оборотах, созданных взамен слов и ФЕ явно нецензурного характера – *послать (отправить) в пеще эротическое путешествие* и *северный пушной зверек*.

ФЕ *северный пушной зверек*, скорее всего, детище 21 в, финальная стадия превращений очень ругательного слова: *п....* → *п...ец* → *пинец* → *песец* → *северный пушной зверек*. Примеры: Кажется, нашей фирме пришел-таки **северный пушной зверек**;

«Песец» пришел! УФАС признало рекламу МОТИВа... (<https://www.google.com.ua/search?q=Северный+пушной+зверек...>). Есть употребление в функции заголовка – **«К кому стучится северный пушной зверек»**. Значение раскрывается в следующем фрагменте текста: «Для США этот процесс несет в себе множество угроз вплоть до перспективы утраты лидирующих позиций доллара в мировых финансах» (<http://chipstone.livejournal.com/1282669.html>)

Эвфемизм *послать (отправить) в пешее эротическое путешествие* более употребителен в разговорной речи, но и в политических текстах встречается: Кого и куда **послать?** Журналиста **в пешее эротическое путешествие**; Значит, так, вокруг России выстроить забор бетонный в два метра... ПаРашу куда-нибудь, **в пешее эротическое путешествие**; Обычно сдерживаюсь... **Посылаю. В пешее эротическое путешествие** (<https://www.google.com.ua/search?q=послать+пешее+эротич...>).

Лингвистическая интерпретация приведенных материалов может быть только одна: это эвфемизмы нецензурных и других малоприличных выражений, ставшие устойчивыми и воспроизводимыми в готовом виде. Таким образом, статус фразеологических единиц мы им можем присвоить.

Существует мнение, что срок жизни эвфемизмов короток – они уходят из употребления вместе с разрешением кризисной ситуации. Поживем – увидим. Тем более что сегодняшний кризис, кажется, надолго.

Литература

1. Баранов, А.Н. Дескрипторная теория метафоры / А. Н. Баранов. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 632 с.
2. Скребцова, Т.Г. Современные исследования политической метафоры / Т. Г. Скребцова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2005. – Вып. № 1. – С. 35-46.
3. Сопова, И.В. Фразеология и лингвокультура в формате политического дискурса / И. В. Сопова // Научный результат. Серия «Вопросы теоритической и прикладной лингвистики». – 2016. – № 1 (7). – С. 53-57. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/art...>

ЦВЕТОВАЯ ЛЕКСИКА В РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ

В. Н. Алиева

Россия, Симферополь, Таврическая академия

ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

В статье анализируется цветовая лексика в сказочных текстах из сборников А.Н. Афанасьева, определяются особенности функционирования цветообозначений и частотность их употреблений.

Ключевые слова: цветовая лексика, цветовой символизм, цветовая картина мира, цветовое обозначение.

COLOR LEXICON IN RUSSIAN FOLK TALES

This article analyzes the color vocabulary in the texts of fairy collection A.N. Afanasyev, determined by the peculiarities of color terms and the frequency of their use.

Keywords: color vocabulary, color symbolism, color picture of the world, color-coded.

Сказки – один из наиболее ярких жанров фольклора. Александр Николаевич Афанасьев, издатель сборника «Народных русских сказок», внес особый вклад в изучение языка фольклора. Цветовая лексика, использованная в данных сказках, является важнейшим языковым средством выражения цветовой картины мира русского народа. В связи с тем, что сказка отражает особенности мироощущения народа, анализ цветовой лексики позволяет составить представление об особых проявлениях в народной жизни, раскрывает не только качественную характеристику предметов окружающего мира, но и символизирует ценности народа. Для того чтобы проанализировать цветовую картину мира в русских сказках, следует рассмотреть специфику текстов из сборника А.Н. Афанасьева [3; 4]. Предмет исследования – цветовая лексика, на основе которой выявляется состав и наиболее употребительные цветообозначения, Теоретической базой исследования послужили работы М.К. Азадовского, А.Н. Афанасьева, Н.Б. Бахилиной, А.А. Брагиной,

А.П. Василевича, А. Вежбицкой, В.Г. Кульпиной, В.Я. Проппа, А.Д. Синявского, Р.М. Фрумкиной, В.И. Чичерова.

Сказка как жанр связана с явлением цветового символизма, который в контексте выражается через эпитеты, метафоры, сравнения [13]. Цветовая символика у разных народов формировалась по-разному и отличается специфическими особенностями. Однако выделяется традиционная система цветовых обозначений, которая связывает определённые цвета с объектами или понятиями: *белый* – чистота, добро; *чёрный* – несчастье, зло; *жёлтый* – золото, солнце; *синий* – вода, небо; *красный* – огонь, кровь и др.

Сказки символичны. *Белый* цвет, к примеру, является одним из основных элементов цветовой символики культурных ценностей русского народа. *Белый* представляет собой большую цветовую интенсивность, выражая ряд светлых тонов, в противовес *чёрному* цвету, с которым соотносится малая цветовая интенсивность или ее отсутствие [12]. В энциклопедии знаков и символов О. В. Вовк *белый* цвет рассматривается как «природный символ света и дня», замечательное воплощение истины и добра, чистоты и невинности, божественности и жертвенности» [7]. Однако не во всех культурах этот цвет воспринимается подобным образом, для стран Востока *белый* – цвет траура. [14, с.33]. В русской традиции цветом траура, печали и горя является *чёрный*: *В том государстве печаль великая; дома чёрным сукном покрыты, люди словно сонные шатаются. - Расскажи, бабушка, отчего так в вашем государстве весь народ припечалился и все дома чёрным сукном завешены* («Два Ивана солдатских сына») [А. Афанасьев]. Белый цвет в антонимической паре с *чёрным* цветом приобретает положительную символику: *Вдруг подкатилась к крыльцу коляска, и приехала королевна – сама вся черная, и люди черные, и кони вороные. На другой день приезжает во дворец королевна – уже с головы по грудь белая стала, и люди ее и лошади – тоже* («Заколдованная королева»). Но в некоторых контекстах проявляется другая символика, *белый* цвет – это болезнь, печаль: *На княжьем дворе, белы как платочки, холодны как платочки, лежали братцы рядышком*

(«Белая уточка») [А. Афанасьев]. В данном контексте *белый* ассоциируется с болезнью и смертью. В сказках наиболее яркими эпитетами-сочетаниями являются цветообозначения с символическим смыслом «красота, человеческая внешность»: *бела грудь, белые руки, белолицая*.

В исследуемых сказочных текстах цветообозначение *золотой* выражается посредством 439 лексем, включая краткие и сложносоставные прилагательные, страдательные причастия, имена существительные. Среди хроматических цветовых лексем *золотой* занимает первое место как по количественному составу, так и по частоте его употребления.

Золотые предметы основываются на прямой мифической связи золота с огнем [3]. *«Вот летели они, летели; говорит орел царю: – Погляди, что позади нас? – Обернулся царь, посмотрел: – Позади нас дом красный. – А орел ему: – То горит дом меньшей моей сестры...»*; *«...Посреди моря остров виднеется, на том острове стоят горы высокие, а у берега что-то словно огнем горит. – Никак пожар виден! – говорит купеческий сын. – Нет, это мой золотой дворец»* («Морской царь и Василиса Премудрая»). *Огонь – золото – солнце – радуга – красный дом – красная девица* – так волшебным образом переливаются цвета на правах синонимических признаков [12, с. 5–6].

В русском языке *желтый* – прямое наименование цвета и является в структуре языка основным, однако в сказках *желтый* цвет низкочастотный, зато цветообозначение *золотой* занимает первое место по частотности. Круг определяемых лексемой *золотой* имён существительных в русской сказке охватывает как наименования предметов обихода, например, в сочетании с лексемой *ложка, посуда, чаша, блюдо, чарка, поднос, молоточек, таз*, так и описания человеческой внешности и предметы одежды – *борода, кудри, головушка, пуговка: в пуговицах были бы львы золотые* («Данило Бессчастный»); ...и сюда также отнесем цвет волос: *У него была жена Настасья-золотая коса и три сына: Петр-царевич, Василий-царевич и Иван-царевич* («Три царства – медное, серебряное и золотое»).

Иногда прилагательное с лексемой *золотой* употребляются и в прямом значении: *золотое кольцо* (10), *золотые серьги* (1), *золотой перстень* (4): *Царевна подарила ему свое золотое кольцо* («Сказка о молодце-удальце, молодильных яблоках и живой воде»).

Персонажи, наделенные волшебной силой, описываемые в сборнике с помощью лексемы *золотой*, чаще всего животные, птицы, рыбы: *золотая рыбка* (15), *свинка золотая щетинка* (17), *золотая утица* (1), *златогривый конь* (40), *златорогий олень* (9), а также элементы их внешности: *хвостик* (3), *рога* (1), *перышки* (5), *гребешок* (5) и т. д.

Некоторые волшебные явления и дары природы также обозначены *золотым* цветом роскоши: *Спустились с лестницы в роуцу, в той роуце золотые цветы растут* («Ночные пляски»); *И присудили так: пусть-де Мартынка за единые сутки построит дворец, и чтоб от того дворца до королевского был сделан хрустальный мост, а по обеим сторонам моста росли бы деревья с золотыми и серебряными яблоками, на тех на деревьях пели бы разные птиц* («Волшебное кольцо»); *Глядь – стоит яблоня с золотыми и серебряными яблочками* («Иван Быкович»).

Довольно часто в русских народных сказках встречаются волшебные предметы золотого цвета: *...а вот тебе мой подарок: серебряное донце, золотое веретенце* («Перышко Финиста ясна сокола»); – *Кукареку! Боярин, боярин, отдай наши жерновцы золотые, голубые* («Петух и жерновки»).

Лексема *золотой* в этих примерах реализует оценочное значение – «замечательный», «приносящий благо, помощь, добро» [6].

Типичными для сказочных контекстов является применение *метафорических сочетаний*, состоящих из имён прилагательных и имён существительных: «*золотой шар*», «*золотая карета*», «*золотая маковка*», «*золотой мост*». Это символы власти, богатства: *А стрелец сидит в золотой беседке*. («Пойди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что»); *Иван переночевал ночь*,

встал поутру, явился к государю и стал просить на поход с золотой казны («Волшебный конь»).

Цветовая лексема с корневой морфемой *-золот-* встречается в алломорфном варианте *-золоч-* (раззолоченный, вызолоченный), выраженной страдательным причастием прошедшего времени, в значении «покрытый позолотой, тканый золотом», «окрашенный в золотой цвет»: *Опять едет в раззолоченной карете семисотный купец* («Золотая гора»); *Бухтан Бухтанович опять глядит никуды, что на стул: стул был вызолоченный*. («Бухтан Бухтанович»).

Символом благой счастливой жизни являются эпитетосочетания *золотое царство, золотой дворец, золотое крыльцо*: *Смотри, чтоб завтра к рассвету на седьмой версте на море стояло царство золотое и чтоб оттуда до нашего дворца сделан был мост золотой* («Три царства – медное, серебряное и золотое»).

Кроме представленных лексем в сказочном тексте выявлены сложносоставные лексемы – колоративы *златогривый конь* (40), *золотохвостый олень* (7), *златоперый ериш* (3), *златокрылая щука* (2). Сложные лексемы в русских сказках выражены в основном именами прилагательными; 79 выявленных примеров употребления сложносоставных колоративов являются эпитетами (описание волшебных животных): *...недалеко от дворца есть тихий пруд, в том пруде златоперый ериш плавает*; («Иван Быкович»); *«Да коли пойдет на правду, я добыл тебе и свинку золотую щетинку, и оленя золоторогого, и коня золотогривого»*. («Свинка золотая щетинка, утка золотые перышки, золоторогий олень и златогривый конь»). В сказочных текстах используются краткие прилагательные: *златы/а*: (яблочки) – 1; (нитка) – 1; (трубочка) – 1: *стали они по реченьке ходить, злату рыбку ловить* («Белая уточка»).

В текстах функционируют цветовые обозначения, выраженные именем существительным *золото*, передающим переносное метонимическое значение: *золотом* (изукрашен дворец) – 1; (вышивать) – 2; (шито платье) – 2; (будет платье) – 1; *золотом-серебром* (изукрашен ковер) – 1: *... у того короля был*

славный дворец выстроен, весь золотом изукрашен («Бесстрашный»); *Изукрашен ковер златом-серебром, хитрыми узорами шитое* («Царевна-лягушка»).

Таким образом, наиболее высокочастотной цветовой лексемой является *золотой* цвет, который вербализуется посредством 439 лексем и включает краткие и сложносоставные прилагательные, страдательные причастия, имя существительное. Кроме представленных лексем в сказочных текстах выявлены сложносоставные лексемы – колоративы: *златогривый* конь, *белокаменные* палаты, *белоярая* пшеница.

Постоянные эпитеты, метафоры, фразеологические выражения, имеющие в своем составе ласкательно-уменьшительные суффиксы, являются отличительным признаком языка народной поэзии; в сказках А.Н. Афанасьева они встречаются в большом количестве.

В результате подсчета определилась частотность самых распространенных эпитетов, а именно: *красная девица/девушка* (184); *серый волк* (79); *синее море* (38); *зеленый луг* (38); *белый свет* (29); *золотое царство* (24); *черный ворон* (13).

Лексемы «золотой», «белый», «черный» стоят в первых рядах по частотности цветовых обозначений. Цветовая лексика сказок – компонент народной культуры и материал для формирования современного русского языка, поэтому дальнейший анализ цветообозначений представляется перспективным.

Литература

1. Афанасьев, А.Н. Древо жизни / А.Н. Афанасьев. – М.: Современник, 1982. – 589 с.
2. Афанасьев, А.Н. Поэтическое воззрение славян на природу / А. Н. Афанасьев. – М.: Издание К. Солдатенкова, 1865. – Т.1. – 784 с.
3. Афанасьев, А.Н. Народные русские сказки: В 3-х т. / А.Н. Афанасьев. М.: – Наука, 1984. – Т. 1. – 539 с.
4. Афанасьев, А.Н. Народные русские сказки: В 3-х т. / А.Н. Афанасьев. М.: – Наука, 1985. – Т. 2. – 490 с.
5. Бену, А. Символизм сказок и мифов народов мира / А. Бену. – М.: Алгоритм, 2011. – 464 с.

6. Брагина, А.А. Лексика языка и культура страны: Изучение лексики в лингвострановедческом аспекте / А.А. Брагина. – М.: Русский язык, 1981. – 176 с.
7. Вовк, О. Энциклопедия знаков и символов / О. Вовк. – М.: «Вече», 2006. – 528 с.
8. Гете, И.В. Учение о цвете. Теория познания / И. В. Гете // [пер. с нем.] – 3-е изд. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 200 с.
9. Зуева, Т.В. Русский фольклор: Учебник для высших учебных заведений / Т. В. Зуева, Б. П. Кирдан. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 400 с.
10. Ожегов, С.И. Словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М.: ООО «ИТИ Технологии», 2003. – 944 с.
11. Панченко, А.М. О цвете в древней литературе восточных и южных славян [Электронный ресурс] / А. М. Панченко. – Режим доступа: <http://www.odrl.pushkinskiydom.ru>.
12. Синявский, А.Д. Иван-дурак: очерк русской народной веры / А. Д. Синявский. – М.: Аграф, 2001. – 464 с.
13. Славянские древности. Этнолингвистический словарь: В 5 т.: Т. 1 – 3; под ред. Н.И. Толстого. – М.: Международные отношения, 1995. – Т.1: А–Г. – 575 с.; Т.2: Д–К. – 687 с.; Т.3: К–П. – 693 с.
14. Фоли, Д. Энциклопедия знаков и символов / Д. Фоли; [пер. с англ.]. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: «Вече», 1997. – 512 с.

ТЕАТРАЛЬНАЯ СЕМАНТИЧЕСКАЯ СФЕРА КАК ИСТОЧНИК МЕТАФОРЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА

О. И. Андрейченко

Россия, Симферополь,

*Таврическая академия (структурное подразделение) ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»*

В статье осуществлен концептуальный анализ современной политической метафоры, определена фреймовая структура метафорической модели «Политическая действительность – театр» в политическом дискурсе.

Ключевые слова: политический дискурс, фрейм, политическая метафора, метафорическая модель.

THEATRICAL SEMANTIC SPHERE AS A SOURCE OF METAPHORS IN THE POLITICAL DISCOURSE OF THE LATE XX – EARLY XXI CENTURY

Conceptual analysis of contemporary political metaphor has been carried out, and framing structure of metaphorical model “Political reality – theater” has been defined in political discourse.

Keywords: political discourse, frame, political metaphor, metaphorical model.

Антропоцентричность давно является предметом исследования национальной культуры, языка. Еще Д. Овсяннико-Куликовский писал, что «искусство стремится к воссозданию и познанию всего человеческого, оно – антропоцентрическое и всю сумму ощущений перерабатывает в нормы человеческой психики» [4, с. 343-344].

Важным постулатом современной когнитивной лингвистики является дискурсивный подход к изучению языковых фактов. Метафоры, которые функционируют в языке, должны рассматриваться в дискурсе, в тесном взаимодействии с условиями их возникновения и формирования, с учетом авторских, прагматических установок. Современный политический дискурс богат метафорами, которые в текстах являются средствами оценочности, полемичности, манипулятивности, метафорические высказывания также образно характеризуют оппонентов, их взгляды, действия и т.д.

Политический дискурс, в частности структура, функции политической метафоры, составляет объект изучения в трудах И. Филатенко [5], О. Чадюк [6], К. Дацишин [2], А. Баранова, Ю. Караулова [1], А. Чудинова [7] и др.

По своему характеру метафора универсальна и интернациональна. В то же время она является глубоко национальной, поскольку основу ее составляет система духовных, морально-этических ценностей, производимых коллективным сознанием в процессе общественного развития. Таким образом, система метафор – это важная часть национальной языковой картины мира, национальной ментальности. Поэтому важно выявить в каждом языке

актуальные метафорические модели, которые «характеризуют восприятие этносом того или иного абстрактного понятия этой сферы и политики вообще» [9, с. 393].

Ведущее место в современном политическом дискурсе занимает метафора театра. Цель статьи – исследовать структуру и прагматический потенциал метафорической модели «Политика – театр».

Согласно представлениям современной когнитивной семантики метафорическое моделирование – это средство познания и оценки определенного фрагмента объективной действительности с помощью сценариев, фреймов, которые принадлежат к другой понятийной сфере. Каждый раз, интерпретируя, воспринимая метафору, адресат обращается к определенному пересечению понятийных сфер, с которыми связаны устоявшиеся ассоциации. То есть метафорическая модель характеризуется прагматическим потенциалом, закрепленной в национальном сознании оценкой. Так, осознание политической действительности как театра оценивается негативно, а соответствующие метафоры «характеризуются, как правило, пейоративной аксиологической маркированностью» [3, с. 65].

По мнению многих исследователей, метафора театра – это один из наиболее актуализированных типов интерпретации политики в публицистике [1; 7; 8, с 62-66]. Метафорическая модель «Политика – театр» часто помогает журналистам найти нужное метафорическое обозначение для описания политической жизни, поскольку семантическая сфера «театр» как исходная для создания метафоры является достаточно структурированной и хорошо известной носителям языка. Политические события происходят по определенному сценарию, в рамках определенного жанра и в соответствии с замыслом, постановкой режиссера, осуществляющего распределение ролей, устанавливающего порядок выхода актеров на сцену, смену декораций и т. д. Метафоры театра подчеркивают неискренность, театральность политического действия [10, с. 64]. Прагматический потенциал метафорической модели «Политика – театр» реализуется за счет закрепленной за моделью оценки: политические реалии – это

театральное действо, где только имитируется жизнь. Поэтому соответствующим метафорам присуща негативная оценка.

Метафорическую модель «Политика – театр» иллюстрируют следующие фреймы:

Фрейм «Виды зрелищ». Современная политическая жизнь часто метафорически представляется как некий вид зрелищ. Соответственно в этом фрейме актуализируются метафоры *спектакль, комедия, драма, балет* тощо, ср.: *Персонажи этой политической драмы не могли понять, к чему приведут их действия* [День, 01, 06]; *Страна погружается в шоу, водевили, ложь, обещания, которые никогда не будут выполнены* [Зеркало недели, 10, 09].

Фрейм «Люди, связанные с театром». Политическая жизнь – это театр, в котором каждому субъекту политической действительности отведена своя роль: *Что касается коммунистов, которые в паре с олигархами с нескрываемым удовольствием топят премьеру, то им в этом процессе пока отведена роль массовки, на фоне которой настоящие актеры добиваются желанной главной роли* [Литературная газета, 05, 02].

Политические актеры могут выступать *соло*, но часто, как показывает материал, они объединяются в *квартеты, трио, дуэты, хоры*: *К этому хору добавил свой голос и министр обороны ...* [Зеркало недели, 12, 04].

Фрейм «Зрители. Успех спектакля». Показательными для политического дискурса являются метафоры *зрители, публика, фиаско*, ведь выборы для политиков, политических партий – это премьера, которая, в зависимости от успеха у зрителей, может потерпеть *фиаско, провал* или, наоборот, иметь длинную театральную жизнь, ср.: *Поступило указание от “первых зрителей” государства* [Зеркало недели, 11, 01]. В случае успеха можно услышать аплодисменты от зрителей, которые будут свидетельствовать об успехе спектакля, ср.: *И все якобы услышали рукоплескание страны* [День, 01, 06].

Фрейм «Помещение театра, театральные реквизиты». Материал свидетельствует об использовании журналистами концепта театр для образной репрезентации современной

политической жизни: *Театр одного региона* [День, 08, 02]; *Большинство партий показали свое искусство на главной сцене государства* [Зеркало недели, 02, 04]. Для восприятия политики как срежиссированного действия свойственна негативная эмоционально-оценочная окраска.

Отрицательную коннотацию в контекст вносят концепты, обозначающие театральные реквизиты, поскольку характеризуют действия политиков, которые те скрывают за красивыми словами, ср.: *Падением театрального занавеса можно считать заявления некоторых чиновников* [День, 01, 06]; *Снять политические маски с тех политиков, которые в борьбе за власть забывают об интересах народа* [День, 04, 05].

Как и в театре, в политике руководство процессом может осуществляться скрытно, то есть *из-за кулис*, ср.: *Леонид Кучма вполне может планировать назначить достаточно слабого преемника – с тем, чтобы в дальнейшем самому управлять из-за кулис его руками* [Зеркало недели, 08, 02]; *Народ опять становится заложником игры за кулисами* [Зеркало недели, 12, 05].

Фрейм «Сценарий политической пьесы, ее элементы». Известно, что важные политические события готовятся с особой тщательностью: целая команда специально подготовленных людей работает над написанием сценария: *ВВП в 2004 году составит, по оптимистическому сценарию – 10%, а по пессимистическому – 6,5%* [Зеркало недели, 01, 04].

Таким образом, метафора театра в политическом дискурсе конца XX – начала XXI века используется для аргументации мысли, для отстаивания собственной позиции, как средство манипулирования сознанием адресата политического дискурса. Через семантическую структуру метафор с исходной сферой театр авторы газетных материалов достигают иронического звучания текста, в котором выражают пренебрежительное отношение к политическим событиям или лицам. Прагматическое содержание театральных метафор нацеливает реципиента на оценку важности политической реалии.

Литература

1. Баранов, А. Очерк когнитивной теории метафоры / А. Баранов, Ю. Караулов // Русская политическая метафора. Материалы к словарю. – М. : Институт русского языка АН СССР, 1991. – 193 с.
2. Дацишин, Х. П. Метафора в українському політичному дискурсі (за матеріалами сучасної періодики): автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.01.08 “Журналістика” / Х. П. Дацишин. – Л., 2005. – 18 с.
3. Кудрявцева, Л. О. Сучасні аспекти дослідження мас-медійного дискурсу: експресія – вплив – маніпуляція / Л. О. Кудрявцева, Л. П. Дядечко, О. М. Дорофєєва, І. О. Філатенко, Г. А. Черненко // Мовознавство. – 2005. – № 1. – С. 58–66.
4. Овсяннико-Куликовский, Д. Н. Литературно-критические работы в 2-ух т. / сост., подгот. текста, примеч. И. Михайловой ; вступ. ст. Ю. Манна. – Т. 1. Статьи по теории литературы; Гоголь, Пушкин, Тургенев, Чехов. – М. : Худож. лит., 1989. – 541 с.
5. Філатенко, І. О. Сучасна політична метафора в російськомовній газетній комунікації України: когнітивно-прагматичний опис: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.02 “Російська мова” / І. О. Філатенко. – К., 2003. – 20 с.
6. Чадюк, О. М. Метафора у сфері сучасної української політичної комунікації : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.01 «Українська мова» / О. М. Чадюк. – К., 2005. – 20 с.
7. Чудинов, А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / А. П. Чудинов. – Екатеринбург, 2003. – 248 с.
8. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – М. : Гнозис, 2004. – 326 с.
9. Селіванова, О. О. Лінгвістична енциклопедія: [наукове видання] / О. О. Селіванова. – Полтава : Довкілля-К, 2010. – 844 с.
10. Стоянова, Е. Театральная метафора в политическом дискурсе (на материале языка российских и болгарских масс-медиа) / Е. Стоянова // Аспекты контрастивного описания русского и болгарского языков. – Шумен, 2006 – С. 58–79.

ПРАВИЛА РЕЛЯТИВИЗАЦИИ В АФРОАМЕРИКАНСКОМ ВАРИАНТЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Е. Л. Богуславская

*Россия, Екатеринбург, Уральский государственный
педагогический университет*

В работе рассматриваются факторы, ограничивающие вариативность относительных местоимений в афроамериканском варианте английского языка.

Ключевые слова: афроамериканский вариант английского языка, относительное предложение, языковая вариативность.

RELATIVIZATION RULES IN AFRICAN AMERICAN ENGLISH

The article deals with the main factors influencing the use of relative pronouns in African American English.

Keywords: African American English, relative constructions, language variation.

Афроамериканский английский (ААЕ) является вариантом английского языка, происхождение которого до сих пор вызывает оживленные дискуссии. Согласно распространенной теории, ААЕ, как явление особого рода, зародился на Юге Соединенных Штатов Америки на базе англокреольских языков. Вместе с тем, за последние 20-30 лет собрана обширная доказательная база сходства афроамериканского английского с диалектами Великобритании.

Помимо происхождения ААЕ актуальной является проблема конвергенции/дивергенции ААЕ и литературного английского языка [3, 5]. В поле зрения ученых попал вопрос о возможной декреолизации ААЕ под влиянием престижного стандартного варианта, а также тенденции, связанные с приостановлением процесса сближения в отсутствие мотивации овладения литературным языком. Расхождения ААЕ и литературного английского языка наиболее очевидны в области морфологии, именно морфология дает самый обширный материал для сопоставительных и диахронических исследований. Отличия

синтаксических структур не столь выражены, однако и их изучение позволяет сделать ряд выводов относительно специфики ААЕ [1].

Данная статья посвящена анализу использования относительных местоимений в ААЕ. Ситуативная вариантность в системе относительных местоимений английского языка проявляется в возможности выбора более разговорной или более формальной формы в зависимости от ряда социальных факторов, в том числе ситуации общения, статуса говорящего, отношений между коммуникантами, формы коммуникации (письменная, устная). В определенных условиях возможно появление нулевого средства связи ($\emptyset$), т.е. опущение относительного местоимения. Таким образом, можно выстроить последовательность моделей по возрастанию степени формальности: 1) a girl $\emptyset$ I know; 2) a girl *that* I know; 3) a girl *who* I know; 4) a girl *whom* I know.

Помимо ситуативных переменных на выбор относительного местоимения влияют и лингвистические факторы. Целью анализа было выявление лингвистических переменных и установление их статистической значимости при выборе имплицитного или эксплицитного средства связи в относительных конструкциях ААЕ. Исследование подчинено диахроническому принципу: материалом послужили тексты записей устной разговорной речи носителей ААЕ начала и конца 20 века [2]. К числу лингвистических факторов, потенциально влияющих на употребление относительных местоимений, были отнесены: 1) тип определяемого (принадлежность к той или иной части речи); 2) семантика определяемого по признаку одушевленность/неодушевленность; 3) функция атрибутивного комплекса (определяемое слово + придаточное определительное) в составе главного предложения; 4) функция относительного местоимения в придаточном предложении; 5) контактное/дистантное расположение определяемого и придаточного определительного.

Для обработки данных была использована программа GoldVarb, представляющая собой инструмент статистического анализа, позволяющий изучить принципы варьирования

лингвистических единиц при одновременном воздействии нескольких групп факторов. Очевидным преимуществом подобного многомерного анализа по сравнению с одномерными вычислениями процентных отношений является возможность измерения значимости каждого фактора с учетом одновременного воздействия всех других известных переменных. В результате выстраивается иерархия факторов по степени убывания значимости. На начальном этапе анализа формулируется теоретическая модель вариантности, так называемое «переменное правило» [4]. В нашем случае – правило опущения относительного средства связи в афроамериканском варианте английского языка. Все случаи эксплицитного употребления относительного местоимения были противопоставлены случаем бессоюзного подчинения, что позволило выстроить двучленную модель зависимых переменных. Реализация правила (выбор варианта) зависит от наличия/отсутствия того или иного фактора. Взаимоисключающие факторы объединяются в группы и рассматриваются в качестве независимых переменных, в то время как факторы внутри каждой группы представляют собой возможные величины переменного фактора. Основным условием анализа является потенциальная возможность одновременной реализации каждой величины группы с любым фактором (величиной) других групп.

Для работы с программой все факторы получают символьное обозначение, а единицы выборки кодифицируются цепочкой символов, отражающих комбинацию факторов в каждом отдельном случае. Данные заносятся в специальный файл программы и преобразуются программой в таблицы частотности по группам. Для каждого фактора вычисляется *вероятность* реализации переменного правила, т.е. вероятность опущения относительного местоимения. Вероятность (p) представляет собой величину между нулем и единицей и показывает значимость каждого фактора, его влияние на зависимую переменную. Значение p больше 0,5 свидетельствует о том, что данное условие способствует применению правила, p меньше 0,5

означает, что данный фактор не поддерживает применение правила. Значение p равно 0,5 говорит о нейтральности фактора. В ходе анализа для выявления независимого влияния каждого фактора программой используется алгоритм «максимальной вероятности», выявляющий все возможные сочетания факторов в исходных данных и вычисляющий для каждой комбинации соотношение случаев применения правила к общему числу единиц данной модели. Малозначимые факторы выявляются и устраняются при сравнении результатов, включающих данную группу факторов, с результатами вычислений, где данная группа отсутствует. Для исключения случайных совпадений процедура анализа включает проверку значимости результатов, при которой устанавливается, что наблюдаемое распределение данных не случайно и является статистически значимым.

В современном афроамериканском английском две группы факторов: тип определяемого (часть речи) и одушевленность/неодушевленность были признаны нерелевантными при реализации правила опущения относительного местоимения. Из оставшихся трех групп наиболее значимой оказалась синтаксическая функция атрибутивного комплекса в составе главного предложения. Наименее значимый фактор – контактное/дистантное расположение определяемого и придаточного определительного. Относительные местоимения чаще всего опускаются в тех случаях, когда атрибутивный комплекс является предикативом (вероятность $p = 0,726$). При функционировании в качестве подлежащего экзистенциальной конструкции вероятность опущения также довольно высокая ($p = 0,518$). Остальные позиции в составе данной группы факторов не благоприятствуют бессюзному подчинению ($p < 0,5$).

Выборка из текстов начала 20 века показала релевантность только двух групп факторов. Как и в современном ААЕ, наибольшую значимость имеет синтаксическая функция атрибутивного комплекса, в которой вероятность опущения относительного местоимения особенно велика при предикативном функционировании атрибутивного комплекса

($p=0,804$) и в экзистенциальных конструкциях ($p=0,891$). Второй по значимости фактор - семантика определяемого по признаку одушевленность/неодушевленность: неодушевленные антецеденты благоприятствуют опущению относительного местоимения ($p=0,745$). Другим отличием от современного ААЕ является то, что синтаксическая функция относительного местоимения в придаточном предложении не оказывает самостоятельного влияния на реализацию правила опущения средства связи, как и положение антецедента и определительного придаточного.

Таким образом, данные анализа двух временных срезов демонстрируют наличие в правилах релятивизации ААЕ не подверженной диахроническим изменениям константной величины (функция атрибутивного комплекса в составе главного предложения), оказывающей наибольшее влияние на опущение относительного местоимения. Указанная характеристика отличает ААЕ от литературного английского, в котором основное значение имеет синтаксическая функция относительного местоимения, и не допускается его опущение в роли субъекта. Вместе с тем статистические показатели релевантности других факторов выявляют тенденцию конвергенции ААЕ и литературного английского языка.

Литература

1. Богуславская, Е.Л. Тенденция к грамматикализации адвербиальных относительных конструкций в афроамериканском английском / Е.Л. Богуславская // Казанская наука. – Казань, 2013. – № 3. – С. 119-121.
2. Bailey, G. The Emergence of Black English: Text and Commentary / G. Bailey, N. Maynor, P. Cukor-Avila. – Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins, 1991. – 349 p.
3. Cukor-Avila, P. The Evolution of AAVE in a Rural Texas Community: an Ethnolinguistic study. Ph. D. dissertation. The University of Michigan, 1995. – 280 p.
4. Labov, W. Contraction, deletion, and inherent variability of the copula / W. Labov // Language. 1969. – № 45. – P. 715-762.

5. Wolfram, W. The Development of African American English / W. Wolfram, E.R. Thomas. – Oxford & Malden: Blackwell Publishers Ltd., 2002. – 237 p.

АТТРИБУТИВНЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ И ИХ СЛОВОПОРЯДОК В ПОЭЗИИ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

Н. В. Буц

*Россия, Симферополь, Научно-образовательный центр
ноосферологии и устойчивого ноосферного развития
ФГАОУ ВО «КФУ имени В.И. Вернадского»*

В статье рассматриваются особенности словоупорядка атрибутивных словосочетаний в поэзии М. Цветаевой.

Ключевые слова: поэзия, атрибутивное словосочетание, опорные слова.

ATTRIBUTIVE PHRASES AND THEIR OF WORD ORDER IN THE POETRY OF MARINA TSVETAEVA

In the article consider features of word order of attributive phrases in the poetry of M. Tsvetaeva.

Keywords: poetry, attributive phrases, basic words.

Проблема изучения языка художественной литературы на всех этапах развития филологии тесно связана с более широкими задачами исследования языка и стилей художественной литературы, а также языка того или другого писателя. В качестве исследуемого материала мы выбрали сборник стихотворений М. Цветаевой, изданный в 1983 году Татарским издательством. (всего свыше 150 стихотворений и циклов стихов). Цель исследования состоит в том, чтобы выявить, что же является главным в поэзии М. Цветаевой с позиций синтаксического строя. В подлинной поэзии слова «должны стоять, звучать и излучать смысл так, дабы создавалось впечатление, что они не должны и не могут быть расположены иначе, означать что-то иное и звучать по-другому» [3, с.114]. Мы хотим узнать, всегда ли поэтессе удаётся добиваться такого расположения слов, когда, по выражению Л.Н. Толстого, «чувствуешь, что иначе нельзя

сказать» [3, с.113]. Объектом исследования избраны атрибутивные словосочетания, которые при изучении порядка слов в структуре предложения поэтического текста представляют интерес, т.к. с их помощью достигается образность, эмоциональность, художественная конкретизация. Словарь лингвистических терминов определяет свободный порядок слов как «синтаксическое свойство языка, допускающего перестановку (перемещение) членов высказывания без изменения их синтаксических (грамматических) функций» [1, с.342]. Всякий другой порядок по отношению к общепринятому порядку слов в предложении воспринимается как «перестановка, в результате которой «переставленный элемент» предложения оказывается выделенным и таким образом привлекает к себе внимание (приобретает особую психологическую или стилистическую коннотацию)» [1, с.176]. Это происходит благодаря инверсии, нарушающей обычное расположение составляющих предложения слов и словосочетаний. Особенность инверсии поэтической речи заключается в том, что «стих складывается не просто по законам синтаксиса, а по законам ритмического синтаксиса, т.е. такого, в котором обычные синтаксические законы усложнены ритмическими требованиями» [6, с.316]. Стих оформляет речь не только ритмически, но и синтаксически, так как в стихах связь слов с другими словами «определяется не только линейной последовательностью слов, но и принадлежностью его к известному ритмико-синтаксическому разделу» [6, с. 314]. «При анализе синтаксического строя стихотворной речи следует отметить, что её синтаксис, «крепко связанный ритмом, легче выносит сложность синтаксического строения» [6, с.313]. Слов в стихотворной строке гораздо меньше, чем в строке прозаической. Поэтому каждое слово приобретает особую значимость, весомость и образную силу. Лев Толстой признавал, что «стихами можно выразить короче и сильнее то, что иначе так сказать нельзя» [5, с.165]. Каждое из словосочетаний обладает «семантической цельностью и грамматической устроенностью, которая заключается не только в наличии определенной связи, диктующей форму зависимого слова, но и в определенном

порядке компонентов словосочетания» [2, с.33]. При изменении стержневого слова – изменяется и зависимое. Изучая порядок слов в словосочетаниях, мы исследуем не просто словопорядковые модели, а функционирование словосочетаний в предложении.

Результаты. В сборнике «Стихотворения» [9.] М. Цветаевой на 2430 строк приходится свыше 1096 атрибутивных словосочетаний и только 147 субстантивных. Словосочетания в поэтическом тексте имеют четыре нормативных типа расположения компонентов. Первый тип – прямой контактный. В соответствии с ним в атрибутивных словосочетаниях зависимое слово находится в препозиции к главному. Наиболее часто встречаемая модель расположения компонентов в этих словосочетаниях, когда в препозиции находится имя прилагательное: прекрасный пояс, дивных сил, мальчишескую боль, цветные бусы, багряных облаков, каменное крыльцо, нынешний февраль и т.д. (всего 545 примеров). В стихах М. Цветаевой более 231 атрибутивных словосочетаний, в которых в препозиции к главному слову находятся местоимения: моим весельем, этой пули, вашей юностью, таких обещаний, свой черед, твою руку в каждом доме, твоими очами и др. Как исключение препозиция числительного к имени существительному: первый треск.

Нередки случаи употребления этой модели расположения компонентов, в которых к одному стержневому слову относится несколько зависимых: и какой героический пыл этот светлейший лик, в каждом случайном звуке, в одной невероятной скачке, за всю мою безудержную нежность и др.

Второй тип расположения компонентов – контактный инверсивный, он встречается в сборнике стихотворений М. Цветаевой реже (228 примеров). В атрибутивных словосочетаниях зависимый компонент занимает постпозитивное положение. В постпозиции чаще всего находится имя прилагательное, реже местоимение, как исключение – причастия и числительные: в час дурной, волной неизбывной, камень безрукий, время дневное, молодость моя, щедростью твоей,

простотой своей, дыханием твоим, в башмачке одном, ручьёв ниспадающих, душ раскаленных и др.

Случаи инверсионного словопорядка встречаются не только между главным и зависимым компонентами, но и между зависимыми (если их несколько): *смертельной твоей судьбой, о гранитные ваши колена, над червонным моим Кремлем, над жарким его шатром, последняя моя ночь, красный один башмачок* и др.

Третий тип расположения компонентов – дистантный прямой порядок, который имеет всего 30 случаев употребления. Чаще всего дислокация вызвана глаголом: *ты черную насылаешь метель, чёрный читает чтец, унылой обволакивает ризой, гремучий опрокинулся прибой, сердечную мне высосали кровь, червонные возблещут купола, летающие в ночь поезда* и др.

Компоненты атрибутивных словосочетаний разъединяются и группой слов: *этот даром истраченный порох, кудельную расправить бабке нить, сердечную мне высосали кровь* и др.

Четвертый тип расположения компонентов (дистантный) используется поэтессой в виде исключения (всего 4 примера): *веки ввалились тёмные; яблоко спадает спелое, жеребка не гоните чёрного*. Во всех примерах главный и зависимый компоненты разъединены глаголом.

Итак, на 2430 исследуемых строк сборника стихотворений М. Цветаевой приходится 1096 атрибутивных словосочетаний.

Выводы. Нами произведён анализ особенностей словопорядка поэтических текстов М. Цветаевой. Речь непосредственно идёт о словопорядковых моделях атрибутивных словосочетаний (исследовано более 1096), их употреблении и функциях в стихах поэтессы. М. Цветаева выделяет эмоционально-значимые компоненты не только с помощью переноса, но и разбивкой самого зависимого компонента, находящегося и без того в сильной позиции (в конце строки), введением удвоенного (утроенного) предлога, а также обособлением компонентов с помощью тире. В предложении часто встречаются словосочетания в неполном виде, придающие

интонационную незавершенность, тем самым выделяющие дополнительной паузой словосочетания в предложении. Поэтесса «обладает уникальным слухом, чутьём языковой стихии и любовью к ней, выразительнице и воплотительнице стихии смысловой» [4, с.14]. Секрет воздействия поэзии М. Цветаевой раскрыт ею самой: «Равенство дара души и глагола – вот поэт!» [7, с.18]. Она ищет слова, преобразует их, подбирает их по звуковому, фонетическому сходству, так как считает, что в этом «сходстве слов больше, чем гармония – смысл» [8 с.19]. Владение всеми изобразительными средствами, чуткое отношение к слову позволили М. Цветаевой выразить свою страстную, противоречивую душу, эстетически воздействовать на читателя, умело используя при этом поэтический синтаксис.

Литература

1. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: Сов. Энциклопедия, 1966. – 605 с.
2. Грамматика современного русского литературного языка – М.: Наука, 1970. – 767 с.
3. Кожин, В.А. Стихи и поэзия / В.А. Кожин. – М.: Сов. Россия, 1980. – 224 с.
4. Кудрова, И. Рецензия на сборник Б. Ахмадулиной «Сад» / И. Кудрова. // Октябрь. – 1988. – № 9. – С.234–235.
5. Прокопович, Н.Н. Словосочетание в современном русском литературном языке / Н.Н. Прокопович. – М.: Просвещение, 1965. – 311 с.
6. Томашевский, Б.В. О стихе. Статьи / Б.В. Томашевский. – Л.: Прибой, 1959. – 471 с.
7. Тынянов, Ю.Н. Проблема стихотворного языка / Ю.Н. Тынянов. – М.: Просвещение, 1981. – 301 с.
8. Цветаева, М.И. Сочинения. В 2 т. / М.И. Цветаева. – М.: Художественная литература. – Т.2. – 1980. – 561 с.
9. Цветаева, М.И. Стихотворения. / М.И. Цветаева. – Казань: Тат. Книжное изд-во, 1983. – 272 с.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ *ВТОРИЧНОСТЬ* КАК КОНСТРУКТ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ

Л. В. Валеева

*Россия, Симферополь, Таврическая академия ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»*

В статье рассматривается релятивистская семантика категории *вторичность* как основа терминообразования. Демонстрируются типы терминов с конструктом *вторичность*, указываются способы их образования и развития.

Ключевые слова: категория, термин, вторичность, семантика

THE SEMANTIC CATEGORY OF SECONDARY AS CONSTRUCT THE SYSTEM TERMS

The article discusses the relativistic semantics of the category of the secondary as the basis of term formation. Demonstrate the types of terms with the construct of the secondary, specify the ways of their formation and development.

Keywords: category, term, secondary, semantics

Профессиональная коммуникация является важной составляющей жизни современного человека. В лексической системе русского языка активны процессы терминологизации, формирования специализированных слов, что приводит к двум параллельным тенденциям: увеличению сегмента профессиональной лексики и свободного функционирования терминов в повседневной речи носителей русского языка.

Интерес к лексике специального назначения возник во второй половине прошлого столетия. В результате многочисленных исследований (О. С. Ахманова, Л. Ю. Буянова, Г. О. Винокур, Б. Н. Головин, С. В. Гринев-Гриневич, В. П. Даниленко, Т. В. Жеребило, И. С. Куликова, В. Н. Прохорова и др.) выделяют две совокупности терминов: терминологию и терминосистему.

Под терминологией понимается система, которая сформировалась не сразу, а по мере накопления и осмысления знаний в какой-либо сфере деятельности. Терминосистема же

создается осмысленно, термины сознательно отбираются, а иногда специально создаются.

Главным признаком термина является название им специального понятия [1]. К основным характеристикам термина относят высокую информированность, однозначность, точность, экспрессивную нейтральность [2, с.10]. Термин – это слово, вступающее в системные отношения с другими словами и образующее замкнутую систему.

Терминообразование тесно связано с системностью и категоризацией языковых единиц. Категоризация с античных времен рассматривается как средство познания и описания действительности. Категории представляют собой «ячейки» знаний разной степени открытости и иерархической значимости. Категориальные структуры накапливают и фиксируют информацию, в результате чего в языке различают семантические категории с четкими и нечеткими границами. Последовательная верификация семантических категорий выделила функционально активные группы, организующие и диагностирующие когнитивные способности человека. К ним относятся языковые знаки с семантикой релятивности. Обобщенное значение релятивности тиражирует различные виды отношений, в том числе порядка и унификации накопленного опыта человечества, и представляет собой активную систему с подвижными границами. Семантика *вторичности* организует отношения универсального типа и связана с семантикой порядкового числительного *второй*. Она включает два компонента: один восходит к значению числа *два*, другой компонент представляет коммуникативное и социальное обоснование отношений порядка.

В современной лексикографической практике номинация *вторичный* и семантическая категория, ядром которой она является, реализуют значение упорядоченности в системе содержательных моделей повторяемости (происходящий или совершаемый во второй раз), хронологической или функциональной характеристики (представляющий собой вторую, позднейшую ступень в развитии чего-либо) и оценочности (второстепенный, побочный) [4, с. 239]. Различная

в количественном и качественном отношении коммуникативная активность компонентов с семантикой релятивной упорядоченности реализуется в терминосистеме, построенной с помощью конструкта *вторичный*. В современном русском языке семантическая категория *вторичность* формирует термины-слова и многочисленные термины-словосочетания во всех областях научного знания.

В металингвистическом корпусе русского языка активно функционируют термины, в которых *вторичность* выступает в качестве опорного слова: *вторичность сознания, вторичность информации, вторичность природы, вторичность индекса, художественная вторичность* и под., и в роли объяснительно дифференцирующей части научного понятия: *вторичная структура, вторичная система, вторичный знак, вторичная функция, вторичная форма, вторичная память, вторичный признак, вторичный рынок, вторичный эффект, вторичная профилактика, вторичный столбняк, вторичный предикат, вторичный дефицит, вторичное смягчение* и под.

В терминосистеме современного русского языка востребован семантический маркер производности как элемент функциональной семантики категории *вторичности* – «следующая (позднейшая) ступень в развитии чего-либо». Тождественность словоформ *вторичный* и *производный* регистрируется эксплицитно – с помощью уточняющих или пояснительных конструкций: *Каждая форма предложения имеет собственное значение; на основе этого значения могут образоваться значения **вторичные, производные*** (Русская грамматика, Т.2, 1980); ***Вторичность** материи означает убеждение в **производности** материи и природы от сознания, их обусловленности сознанием* (Ацюковский, Краткий политэкономический толковый словарь, 2004). Релевантность конструкта *вторичный* значению языкового знака *производный* устанавливается практикой научного дискурса и сформированными металингвистическими навыками специалиста. Например, термин *вторичная память* определяется с помощью компонента *производный* в результате изменения

процедуры передачи информации. Повторное поступление информации изменяет статус полученных знаний и порождает постоянные знания и возможность их воспроизведения в будущем: **Вторичная** память связана с припоминанием событий, произошедших дни, недели, месяцы или даже годы назад (Электронный ресурс: <http://studme.org/>); Информация, поступающая в первичную память, держится около 20-30 сек., если она повторяется, то протекает в долговременную (**вторичную**) память, либо удерживается и потом забывается (Электронный ресурс: <http://psyhoterapevt.ru/kognpsy.htm>).

Семантический компонент *повторный* в структуре категории *вторичность* указывает на стабильность, фиксированность и известность когнитивной процедуры. Употребление конструкта *вторичный* в значении *повторный* обусловлено вниманием к стратегическому элементу, организующему терминируемый объект. *Волны Лява и волны Рэлея. Продольные объемные сейсмические волны называют также первичными волнами, или P-волнами, от слова primary, а поперечные — вторичными волнами, или S-волнами, от слова secondary* (За науку, 2011) – выделение первичных и вторичных волн не связано с порядком их появления. Центральным элементом рассматриваемого блока научной информации является понятие *сейсмическая волна*, которая в зависимости от ее физической характеристики может быть продольной, или первичной, и поперечной – вторичной.

Компонент *побочный* в структуре семантической категории *вторичность* указывает на проявление мотивированной оценки в термине и на необходимость отсылки к понятийному аппарату конкретной отрасли знаний. По мнению Н.М. Нестеровой, вторичность тождественна культурной опосредованности [3]. В политической терминологии категория *вторичность*, наряду с семей повторности, активно реализует сему «побочное действие»: **Вторичная** занятость правящей верхушки должна караться законом (Twitter.com). Культурный и социальный опыт наполняет языковую категорию *вторичность* характеристикой – заурядность, подражание чему-либо другому. В политической

терминологии закрепляются языковые стандарты, реализующие оценочную семантику *второсортный*: *Всю эту политическую кухню на Украине смело можно назвать вторичной* (Globalaffairs.ru) или *Активисты Майдана, как оказалось, люди вторичные* (Politikaonline.ru). Специализация значения «второсортности» наблюдается в профессиональной лексике работников медиасферы. Ср.: *Произведения Дарьи Донцовой считаются вторичными на рынке литературы* или *На взгляд литературных критиков, многие современные авторы вторичны*.

В терминообразовании отмечаются процессы сужения и расширения исходных значений конструктов, формирующих научные понятия. Иерархический принцип вербализации отношений порядка отражается на развитии гиперо-гипонимических связей в системе терминов с элементом *вторичный*.

В метаязыке современной лингвистики закрепляется вспомогательная модель *вторичное значение*, которая наполняется конкретным содержанием в зависимости от научного контекста. Активная модель в элементе *вторичный* расширяет спектр термина *значение* как выражения отношений: языкового знака и действительности, словоформы и другого языкового знака, словоформы и субъекта речи и под. Термин *вторичное значение* учитывает функциональные, контекстуальные, варианты сопутствующие характеристики глагола, имени, временной формы глагола и т. п. Например: *Часть существительных имеет наряду с основным процессуальным значением вторичные конкретные значения: «орудие, средство осуществления действия» (зажигание, заземление, крепление, удобрение); «единичный предмет или совокупность чего-либо как объект или результат действия ...* (Русская грамматика, Т.1, 1980). В дальнейшем *вторичное значение* конкретизируется в единицы следующего, понятийно производного уровня терминологических наименований. Многие междометия этой группы (обслуживающие сферу этикета) способны развивать *вторичные значения* и функционировать в

качестве средств экспрессивно-эмоционального выражения удивления или несогласия, отпора, противодействия (Русская грамматика, Т.1, 1980) – вторичные значения преобразуются в значения производного уровня – экспрессивно-эмоционального выражения.

Таким образом, дискурсивный компонент релятивности, репрезентирующий семантику порядка в структуре универсальной категории *вторичность*, является основой ее активного участия в терминообразовании. Конструкт *вторичность* реализует все семантические ресурсы категории, создавая термины стабильного и маргинального, динамического и статического, однозначного и многозначного типа. Термины с компонентом *вторичность / вторичный* востребованы в метаязыке различных научных областей.

Литература

1. Гринев-Гриневиц, С.В. Введение в терминоведение / С.В. Гринев-Гриневиц. – М.: «Академия», 2008. – 255 с.
2. Квитко, И.С. Термин в научном документе / И.С. Квитко. – Львов: Выща шк., 1976. – 150 с.
3. Нестерова, Н.М. Вторичность как онтологическое свойство перевода: дисс. на соискание ученой степени докт. филол. наук: спец. 10.02.19 – «теория языка» / Н.М. Нестерова. – Пермь, 2005. – 368 с.
4. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; [гл. ред. А. П. Евгеньева]. – 3-е изд. стереотип.– М.: Русский язык, 1985. - Т. 1. – 696 с.

СТИХОТВОРНЫЙ ТЕКСТ С ПОЗИЦИЙ ДИСКУРСИВНОЙ ПЕРФОРМАТИВНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А.С. ПУШКИНА)

Е. Н. Горбачева

*Россия, Астрахань, Астраханский государственный
университет*

В статье дается общая характеристика стихотворных произведений с позиций дискурсивной перформативности: выявляются способы актуализации в них фактогенной и стратегической перформативности.

Другими словами, рассматриваются случаи, когда стихотворения становятся коммуникативной фактуализацией явлений и языковым осуществлением поступка.

Ключевые слова: поэтический дискурс, дискурсивная перформативность, фактогенная / стратегическая перформативность, перформативные стратегии.

THE TEXT OF POETRY FROM THE POINT OF VIEW OF DISCOURSE PERFORMATIVITY (BASED ON THE VERSES BY A.S. PUSHKIN)

The article studies general characteristics of the text of poetry from the point of view of discourse performativity: there are pointed out the means of actualization of fact-generating and strategic performativity in them. In other words, there are studied the cases when verses become communicative facts or communicative deeds.

Keywords: poetic discourse, discourse performativity, fact-generating / strategic performativity, performative strategies.

Дискурсивная перформативность, понимаемая нами в широком смысле как коммуникативная фактуализация явлений и в узком – как языковое осуществление поступка, предполагает возможность моделирования дискурса в двух направлениях: 1) выявление способов актуализации фактогенной перформативности; 2) выявление способов реализации стратегической перформативности.

Под **фактогенной перформативностью** дискурса мы понимаем его способность конституировать факты, причем, по нашему мнению, допускается конституирование фактов двух видов: 1) фактов как актуальных моментов действительности (в таком случае следует говорить об актуализации в дискурсе фактуальной перформативности); 2) фактов как культурных явлений (при этом актуализируется фактуально-событийная перформативность) [1, с. 6].

Факты первого типа актуализируются в поэтическом дискурсе посредством эмотивных речевых действий и перформативов (высказываний, эквивалентных определенным действиям) четырех видов: клишированных, эксплицитных, имплицитных и транспонированных.

Эмотивным речевым действиям в поэтическом дискурсе соответствуют, на наш взгляд, лирические стихотворения дескриптивного характера, в которых прямо или косвенно актуализируются различные эмоции поэта: радость («Зимнее утро»), грусть («На холмах Грузии лежит ночная мгла», «Зачем безвременную скуку Зловещей думою питать...», «Зимний вечер», «Зимняя дорога»), восхищение («Красавица», «Гречанке»), любовь («Няне», «Я помню чудное мгновенье»), страх («Не дай мне бог сойти с ума») и др. В упомянутых стихотворениях эмоции выражаются посредством апелляции к тому или иному эмоциональному концепту. Например, поэт актуализирует грусть, описывая окружающую грустную атмосферу или природный пейзаж: *Наша ветхая лачужка / И печальна, и темна...; Выпьем с горя; где же кружка? / Сердцу будет веселей...* («Зимний вечер»); *Сквозь волнистые туманы / Пробирается луна, / На печальные поляны / Льет печально свет она...* (Зимняя дорога»).

Кроме этого, эмоции могут актуализироваться прямо, в самом стихотворном тексте, как в стихотворении «Зимняя дорога» (*Грустно, Нина: путь мой скучен...*), либо определяться жанровым названием, например: в «Элегии» («Безумных лет угасшее веселье...») выражается печаль поэта, вызванная невозможностью вернуть прошлое и неотвратимостью унылого будущего (*Безумных лет угасшее веселье / Мне тяжело, как смутное похмелье...; Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе / Грядущего волнуемое море...*). Такое настроение задается названием – «Элегия», которое означает «лирическое стихотворение, проникнутое грустью и посвященное преимущественно любовным мотивам или каким-нибудь размышлениям общего характера» [3].

Что касается перформативов, то из вышеперечисленных видов наименьшим образом в поэзии А.С. Пушкина представлены клишированные и эксплицитные перформативы. Необходимо отметить, что это касается поэтического дискурса любого другого автора: как правило, поэты не выражают прямо свои коммуникативные намерения, что, вероятно, обусловлено

стремлением автора создать произведение с завуалированным смыслом, допускающее неоднозначную его интерпретацию со стороны читателя.

Тем не менее, в ряде стихотворений А.С. Пушкина находим клишированные и эксплицитные перформативы. Например, в «Вакхической песне» используется клишированный перформатив из сферы ритуального дискурса – «да здравствует(ют)...!»: *Да здравствуют нежные девы / И юные жены, любившие нас!; да здравствуют музы, да здравствует разум!; Да здравствует солнце, да скроется тьма!*. Благодаря многократному повтору данного перформатива стихотворение звучит как песня, оправдывая свое название.

Эксплицитный перформатив используется в стихотворении «Признание»: *Я вас люблю - хоть я бешусь...; И, мочи нет, сказать желаю, / Мой ангел, как я вас люблю!*. В стихотворении «Заклинание» коммуникативные намерения автора актуализированы в самом названии: оно совпадает с именем соответствующего речевого акта / жанра и, согласно «Толковому словарю русского языка» Д.Н. Ушакова, означает действие по глаголу «заклинать»: «умолять с торжественной настойчивостью во имя чего-нибудь святого, высокого» [3]. В тексте стихотворения заклинание выражается посредством перформативного глагола «звать» и апеллятива (речевого акта с иллюкуцией взывания, просьбы) «сюда, сюда!»:

Я тень зову, я жду Лейлы:

Ко мне, мой друг, сюда, сюда!

Имплицитно выраженные перформативы – это высказывания, отвечающие, по М.Л. Макарову, главному критерию перформативности – эквивалентности: грамматически они не соответствуют эксплицитно выраженному перформативу, но замещают его на уровне действия, выполняя перформативную функцию [2, с. 165].

Имплицитно выраженные перформативы – совет и уверение – находим в следующем стихотворении А.С. Пушкина:

Если жизнь тебя обманет,

Не печалься, не сердись!

В день уныния смиришь:

День веселья, верь, настанет <...>.

Императивное предложение «*Не печалься, не сердись!*» в рассмотренном примере можно трансформировать до эксплицитного перформатива директивного характера «Я советую тебе не печалиться и не сердиться», а предложение «*День веселья, верь, настанет*» - до персуазивного (убеждающего) эксплицитного перформатива «Я уверяю тебя, что...».

В стихотворении «Фонтану Бахчисарайского дворца» актуализируется имплицитно выраженное приветствие: *Фонтан любви, фонтан живой! / Принес я в дар тебе две розы...* То же коммуникативное намерение актуализируется в стихотворении «И.И. Пущину» («Мой первый друг, мой друг бесценный!..»). Несмотря на то, что приветствие относится к этикетным высказываниям, мы полагаем, что в поэтическом дискурсе оно носит более глубокий характер, нежели этикетность: скорее, приветствие является косвенным выражением сильных эмоций. То же самое можно сказать относительно других речевых действий, прямая иллокуция которых состоит в этикетизации общения. Так, возможно, в послелицейском стихотворении А.С. Пушкина «Простите, верные дубравы!» основное коммуникативное намерение автора заключается в выражении грусти, вызванной его прощанием с воспоминаниями юности и с мироощущением, свойственным этому периоду жизни.

Транспонированные перформативы – это речевые действия, совмещающие в себе несколько иллокуций. Явление перформативного транспонирования встречается в стихотворении А.С. Пушкина «Добрый совет», где соответствующее речевое действие выражается посредством императивных конструкций «*Давайте пить и веселиться, / Давайте жизнь играть...*», «*Пусть наша ветреная младость / Потонет а неге и вине...*», которые более свойственны выражению пожелания.

Актуализация **фактов второго типа** - как культурных явлений, событий – представляет собой актуализацию фактуально-событийной перформативности посредством

перформативного дискурса (на уровне действий он соответствует поступку), который мы определяем как текст в ситуации личностно обусловленного волевого принятия решений и осуществления свободного ответственного выбора [1, с. 6].

Средством актуализации смысла реального общения в данном случае являются ценностно-нагруженные коммуникативные действия. Например, в стихотворении А.С. Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» происходит апелляция к ценности искусства как некой благотворной силы:

*И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал.*

В стихотворении «(Из Пиндемонти)» поэт апеллирует к ценности свободы:

*Иные, лучшие, мне дороги права;
Иная, лучшая, потребна мне свобода:
Зависеть от царя, зависеть от народа –
Не все ли нам равно? Бог с ними.*

Говоря о фактогенной перформативности дискурса, следует отметить, что способность дискурса конституировать факты может снижаться за счет его карнавализации или этикетизации либо повышаться за счет его ритуализации (данное явление мы называем **градацией фактогенной перформативности**).

Приведем пример снижения фактогенной перформативности дискурса в поэзии А.С. Пушкина, которое достигается посредством приема карнавализации, т.е. юмористического либо иронического переосмысления высказывания, «переворачивания» дискурсивных ценностей и иллокуций, облечения юмористического / иронического содержания в привычную (неюмористическую / неироническую) форму:

*Моя эпитафия
Здесь Пушкин погребен; он с музой молодою,
С любовью, леностью провел веселый век,
Не делал доброго, однако ж был душою,*

Ей-богу, добрый человек.

Стилизация данного стихотворения под эпитафию – надгробную надпись – производит иронический эффект, но снижает фактуальность высказывания, поскольку теряется сакральность его содержания, свойственная надписям подобного типа.

Стратегичность дискурсивной перформативности заключается в системе способов коммуникативного осуществления поступка, а именно стратегий, которые мы называем перформативными, поскольку, как было отмечено ранее в данной статье, поступок на речевом уровне осуществляется посредством перформативного дискурса. Мы выделяем четыре перформативные стратегии в зависимости от изменения ценностного статуса субъекта, объекта (текста) или адресата коммуникации: устанавливающую, подтверждающую, трансформирующую и оспаривающую.

Устанавливающая перформативная стратегия, направленная на статусное самоопределение или распределение социальных и коммуникативных ролей, используется, в частности, в стихотворении А.С. Пушкина «Узник»: *Мы вольные птицы; пора, брат, пора!..* Автор в декларативно-экспрессивной форме посредством тактики субъектной идентификации определяет свою роль свободолюбивого человека. Та же тактика применяется в стихотворении «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...», в котором автор идентифицирует себя как истинного поэта, заслужившего себе поэтическое бессмертие:

*Нет, весь я не умру – душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит –
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.*

Подтверждающая перформативная стратегия, используемая в поэтическом дискурсе А.С. Пушкина, направлена на подтверждение недоминирующего субъектного позиционирования в стихотворении «Отцы пустынноики и жены непорочны...», где автор обращается с молитвой к Богу и просит избавить его от любоначалия (властолюбия) и празднословия и даровать ему добродетельные качества характера и поведения:

*Владыко дней моих! Дух праздности унылой,
Любоначалия, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей.
Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи.*

Высказывание апеллятивного характера – молитва – является языковым выражением тактики недоминирующего субъектного позиционирования, поскольку адресант осознанно и намеренно ставит себя в более уязвимое положение перед адресатом, признавая его нравственное либо социальное преимущество (в данном случае речь идет об абсолютном преимуществе).

В стихотворениях «Жуковскому» и «К портрету Жуковского» подтверждающая перформативная стратегия направлена на подтверждение дружественного субъектного позиционирования, что достигается посредством похвалы и выражения положительного отношения к адресату: *Ты прав, творишь ты не для многих...; Блажен, кто знает сладострастье / Высоких мыслей и стихов!; Его стихов пленительная сладость / Пройдет веков завистливую даль...*

Трансформирующая перформативная стратегия, направленная на демонстрацию субъектом изменения (улучшения либо ухудшения) в отношениях с адресатом, используется в эпиграмме А.С. Пушкина «На Каченовского»:

*Бессмертною рукой раздавленный зоил,
Позорного клейма ты вновь не заслужил!
Бесчестью твоему нужна ли перемена?
Наш Тацит на тебя захочет ли взглянуть?
Уймись – и прежним ты стихом доволен будь,
Плюгавый выползок из гузна Дефонтена!*

Поскольку данная эпиграмма на историка, литературного критика и издателя «Вестника Европы» М.Т. Каченовского была первой в ряду эпиграмм, адресованных ему поэтом, в ней реализуется трансформирующая стратегия, объективирующая ухудшение субъектно-адресатных отношений (в последующих

эпиграммах на М.Т. Каченовского – «Хаврониос! Ругатель закоснелый...», «Клеветник без дарованья...», «Как! Жив ещё Курилка журналист?» – реализуется подтверждающая стратегия, так как в них автор подтверждает свое конфронтационное позиционирование по отношению к адресату).

Оспаривающая перформативная стратегия, направленная на демонстрацию субъектом сомнения в объективности / необъективности или ложности / истинности излагаемой адресатом информации, в доминирующей / недоминирующей роли его статуса, используется в оде А.С. Пушкина «Вольность» посредством тактики дискредитации адресата – абсолютных монархов. Это выражается, в частности, в строчках, которые имеют обвинительный характер:

*Увы! куда ни брошу взор –
Везде бичи, везде оковы,
Законов гибельный позор,
Неволи немощные слезы <...>.*

Та же тактика дискредитации адресата, но уже в отношении народа, реализуется в стихотворении «Свободы сеятель пустынный...». В нем поэт обвиняет народ в пассивности и бездействии: *Паситесь, мирные народы! / Вас не разбудит чести клич; Наследство их из рода в роды / Ярмо с гремящими да бич.*

Итак, в стихотворных произведениях А.С. Пушкина актуализируется фактогенная перформативность обоих видов – фактуальная и фактуально-событийная, а также реализуется стратегическая перформативность посредством четырех перформативных стратегий.

Литература

1. Горбачева, Е.Н. Дискурсивная перформативность: признаки, типы, жанры: автореф. дисс. на соискание ученой степени докт. филол. наук : спец. 10.02.19 – «теория языка» / Е.Н. Горбачева. – Тамбов, 2016. – 40 с.
2. Макаров, М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М.: Гнозис, 2003. – 280 с.
3. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. проф. Д. Ушакова. – М.: ТЕРРА, 1996.

ТЕМА ТЕКСТА КАК ИНСТРУМЕНТ КОМПРЕССИИ ИНФОРМАЦИИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Д. А. Ичкинеева

Россия, Уфа, Башкирский государственный университет

В статье рассматривается понятие темы текста в контексте исследования механизмов компрессии информации.

Ключевые слова: текст, тема, микротема, компрессия, семантическое картирование текста.

THE THEME OF THE TEXT AS DATA COMPRESSION TOOL IN PROFESSIONAL COMMUNICATION

The article discusses the concept of the theme of the text in the context of data compression mechanisms research.

Keywords: text, theme, microtheme, compression, semantic charting of the text.

Тема текста часто становится объектом лингвистических исследований. При этом, при всём разнообразии определении данного понятия в рамках одного лингвистического направления, исследователи сходятся во мнении о компрессионном характере темы в отношении всего содержания текста.

Тема как компрессия содержания текста рассматривается в стилистике текста, содержание при этом становится конкретным решением темы – «содержание – материал действительности, использованный для раскрытия темы, те факты, явления, которые подверглись обработке в речи» [7, с. 42]. В лингвистике текста тема понимается как «смысловое ядро текста, конденсированное и обобщенное содержание текста» [6, с. 17]. При этом функция темы текста состоит в организации его смысловой целостности [6, с. 17]. Тема целого речевого произведения есть продукт синтеза микротем, каждая из которых представляет собой тему ССЦ (СФЕ, строфы) [3, 5, 6, 8, 9].

Тема текста является одной из интегральных единиц информационного пространства текста, представляя собой один из видов текстовой компрессии. В качестве подобных

информационных конструкторов можно рассматривать идею текста, концепт текста, основную мысль текста, смысл текста, текстовую макропропозицию – в основе каждого из них лежит особый способ (метод) обработки текстовой информации [1].

Как отмечает Н.И. Жинкин, «в конечном счете, во всяком тексте, если он относительно закончен и последователен, высказана одна основная мысль, один тезис, одно положение. Всё остальное подводит к этой мысли, развивает ее, аргументирует, разрабатывает» [4, с. 150]. Таким образом, восприятие и анализ информации, заложенной в тексте, происходит через определение его основной мысли, т.е. темы текста.

В то же время определение темы представляет собой сложный мыслительный процесс, механизмы которого нуждаются в исследовании: «Тема не может быть выведена путем механического сложения частных тем, излагаемых отдельными главами, параграфами, абзацами, сверхфразовыми единствами и основная мысль крупного произведения» [2, с.175].

Полагаем, что выявить механизмы компрессии информации при формулировании темы можно при помощи семантического картирования текста, предполагающего проведение психолингвистического эксперимента и последующую обработку полученных данных [1].

В ходе психолингвистического эксперимента перед информантами ставятся задачи:

- 1) прочитать текст, определить его тему;
- 2) выделить микротемы текста и назвать их;
- 3) к каждой микротеме выписать слова, представляющие ее в тексте;
- 4) подчеркнуть в тексте слова, наиболее значимые для его понимания (ключевые слова).

Количество групп и слов в группах полагалось произвольным. Время проведения эксперимента не ограничивалось.

Реципиентами могут выступать разные группы информантов в зависимости от тематической направленности текста. Так, с художественным текстом работают студенты–

филологи, с текстом естественно-научной направленности студенты-«естественники». Необходимое количество реципиентов установлено эмпирически и составляет 40-50 человек. Информантам в группе предоставлялся один текст, с которым они работают индивидуально.

Выбор студентов-специалистов в той области, которой посвящён текст в качестве информантов, неслучаен, так как данный эксперимент принципиально отличается от многих других тем, что реакции, полученные в результате проведения эксперимента, рассматривались в качестве интерпретации текста. Реципиенты в ходе эксперимента включаются в аналитическую исследовательскую деятельность, направленную на структурирование содержательно-смыслового пространства текста.

Информанты работают с текстом, определяют в тексте тему, микротемы, каждая из которых затем выступает наименованием лексико-семантической группы, составляющих ее слов. В процессе работы подготовленный информант, производя распределение слов текста по микротемам, опирается как на значения слов, так и на их контекстуальные связи. Этому способствуют начальные задания: определения темы текста, с помощью чего осуществляется первичный синтез его содержательно-смыслового пространства, позволяющий начать интеллектуальное движение в сторону анализа целостности, определения структурных ее единиц – микротем, синтез которых приводит к теме [1].

Таким образом, данный метод позволяет выявить стратегии формулирования темы (а, следовательно, компрессии информации) представителями разных предметных областей при определении следующих параметров:

1) процентного соотношения одинаковых формулировок темы текста (полученные реакции подтверждают наличие идентичных формулировок);

2) локализации слов, представляющих тему в тексте (полученные реакции также свидетельствуют об использовании слова или фразы из текста при формулировании темы текста);

3) взаимосвязи формулировки темы текста с формулировками, количеством и размером микротем;

4) взаимосвязи формулировки темы текста с ключевыми словами;

5) зависимости всех указанных параметров от параметров физического пространства текста (размера самого текста, количества предложений и абзацев).

Литература

1. Белоусов, К.И. Графосемантическое моделирование структурного синтеза тематического пространства текста / К.И. Белоусов, Д.А. Ичкинеева // Филология и человек. – №1 – Барнаул : Алтайский государственный университет, 2011 – С. 26-38.
2. Долженко, С.Г. Единство темы как выражение смысловой целостности художественного текста: на примере англоязычных художественных произведений / С.Г. Долженко // XXIII Ершовские чтения. – Часть 2. – Ишим : Ишимский государственный педагогический институт им. П.П. Ершова, 2013. – С. 156-158.
3. Дымарский, М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст. На материале русской прозы XIX-XX вв. / М.Я. Дымарский. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 328 с.
4. Жинкин, Н.И. Речь как проводник информации / Н.И. Жинкин. – М. : Наука, 1982. – 160 с.
5. Лосева, Л.М. Как строится текст / Л. М. Лосева; – М. : Просвещение, 1980. – 94 с.
6. Москальская, О.И. Грамматика текста / О.И. Москальская. – М. : Высш. шк., 1981. – 183 с.
7. Одинцов, В.В. Стилистика текста / В.В. Одинцов. – М. : Эдиториал УРСС, 2004. – 264 с.
8. Солганик, Г.Я. Синтаксическая стилистика / Г.Я. Солганик. – М. : Издательство ЛКИ, 2007. – 232 с.
9. Тураева, З.Я. Лингвистика текста. (Текст: структура и семантика) / З.Я. Тураева. – М.: Просвещение, 1986. – 127 с.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проекты № 15-34-01299 и 15-04-12015

ВЕНСКИЙ ДИАЛЕКТ И ЕГО РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ АВСТРИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ВАРИАНТА НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

И. М. Евтихова, М. В. Карандей

Россия, Симферополь, ГБОУВО РК «КИПУ»

Австрийский национальный вариант немецкого языка – это система вариантов, характерных для Австрии. Венский диалект географически принадлежит семье баварских диалектов, однако исторически он обуславливает образование австрийского национального стандарта. Его влияние распространяется в первую очередь на лексику австрийского стандарта.

Ключевые слова: национальный вариант, национальный стандарт, диалект, венский диалект

THE VIENNESE DIALECT AND ITS ROLE IN THE FORMATION OF THE AUSTRIAN NATIONAL VARIANT OF GERMAN

The Austrian national variant of the German language is a system of variants that are characteristic to Austria. Viennese dialect geographically belongs to the family of the Bavarian dialects, but historically it causes the formation of the Austrian national standard. His influence felt primarily on the language of the Austrian standard.

Keywords: national variant, national standard, dialect, the Viennese dialect.

Постановка проблемы. Проблематика определения национального варианта немецкого языка тесно связана с идентичностью и определением территории, на которой немецкий язык используется для общения. Среди территориальных единиц, объединенных частотностью употребления немецкого языка, следует выделить такие, которые носят историко-культурный собственно немецкий, австрийский и швейцарский национальные признаки. Это прежде всего Люксембург, Южный Тироль, Лихтенштейн, Ельзас и Лотарингия, а также другие немецкоязычные ареалы, где немецкий язык употребляется в роли разговорного диалекта.

Дискуссия об австрийском варианте немецкого языка длится уже несколько столетий. Так, Инго Рафенштайн разграничивает устный и письменный вариант немецкого языка в Австрии.

Согласно Рафенштайну письменный язык практически не отличается от письменного языка в Германии. Что касается устного языка, то проблему составляет различие языковой системы на формальном и неформальном уровнях [5, с. 171].

Под австрийским национальным вариантом немецкого языка М. Д. Степанова понимает континуум вариантов, где в центре которых находится разговорный язык, а основа имеет диалектное происхождение.

Цель данной работы заключается в определении роли венского диалекта в развитии и формировании австрийского национального языка.

Петр Визингер в своем труде о баварском диалекте относит всю диалектную Австрию к Баварскому ареалу, давая следующее разделение:

- 1) среднебаварские (восточные и западные) диалекты;
- 2) территории в пределах среднебаварского диалекта: Нижняя Австрия и Вена, Верхняя Австрия, Нижняя и Верхняя Бавария;
- 3) южно-центральные баварские диалекты: Штирия с юго-восточной Нижней Австрией и Бургенланд; Зальцбург, Ауспеерланд, территория реки Инну в Тироле, Кицбюгель, южная часть Верхней Баварии;
- 4) южнобаварские диалекты.

Венский диалект сформировался из языка высших слоев общества. Он влиял на диалектную ситуацию внутри города и других регионов империи. Именно поэтому городской венский диалект можно сегодня услышать не только в Вене, но и во всей Нижней Австрии.

С начала XIX ст. можно проследить следующие этапы развития венского диалекта:

1. Старовенский (до времен правления императоров Франца (1792-1835) и Фердинанда (1835-48));
2. Средневенский (вторая половина XIX века, включая времена правления Франца Йосифа (1848-1916) и конец Первой мировой войны;)
3. Современный венский (с 1920-х годов до сих пор) [1, с. 98].

Во второй пол. XIX ст., когда в Вену пришел промышленный прогресс, повлекший увеличение рабочей силы, язык Вены испытывает славянские влияния. Так, чешские влияния на городской диалект были ощутимыми в таких рабочих районах города, Ottakring, Floridsdorf, Brigittenau, что указывает на начало формирования современного венского диалекта [2].

Фонетические особенности. Главной характеристикой нижнеавстрийских диалектов является открытый звук [a:] на месте долгого [o:], что перешло из средневерхненемецкого ô. Этот монофтонг происходит из венского языка верхних слоев общества (Herrensprache). В настоящем времени открытый [a:] меняется закрытым венским [o:] – [zdro:], [ro:d]. Дифтонг [ui], предположительно, заимствован из Herrensprache и представляет звук [u], который можно услышать к северу от реки Дунай, на север от Weinviertel и Waldviertel, в южной Jindfinchöv и Hradec, южной Чехии, например: gut [guid], Bruder [bruid].

Нынешняя лингвистическая ситуация Вены является такой же неоднозначной как и языковая история города. Одна черта, заимствованная из Herrensprache, - наличие звука [a:] на месте стандартного и инвариантного [ei], например: heiß [ha:s], breit [bra:d]. Закрытый звук [o:], появился лишь во второй половине XVIII столетия и выполнял функцию назального [en] после лабиальных f, ff, pf, велярного ch и sk, например: Ofen [o:vm], hoffen [hofm], hupfen [hupfn] [4, с. 212].

Подчеркивая лексико-семантические особенности языка Вены, следует учесть то, что они являются фонетически видоизмененными единицами стандартного языка. В пределах определенных слов выделяются такие семантические значения, которые нигде не встречаются кроме ареала венского диалекта, или такие, которые можно назвать территориальными дублетами, типичными для Вены, например: венский вариант *Kanalforellen*, австрийский *kanäuforön*, в то время как только в Вене употребляется слово *Ratte*.

В синтаксисе, в отличие от морфологии, венский диалект, как и австрийский национальный вариант немецкого языка, не слишком отличается от наднационального инварианта. Вместе с

тем следует обратить внимание на некоторые особенности, характерные для немецкой грамматики, которые встречаются и в венском диалекте. Например, согласно правилам, возвратное местоимение *sich* склоняется по лицам, однако в венском диалекте оно может не изменяться, например: *wir haben sich gut unterhalten* (литературный немецкий - *wir haben uns gut unterhalten*), *setzen wir sich!* (*setzen wir uns!*). Данное явление объясняется тем, что в разговорной речи вместо *wir*, употребляется неопределенное местоимение *man* в редуцированной форме *ma* (*setz'ma sich!*), с которым и согласуется возвратное местоимение. Кроме выше названного глаголы *sitzen*, *stehen*, *hängen* и др. во временных формах употребляются не со вспомогательным глаголом *haben*, а с *sein*, что является типичным для всех южно-немецких диалектов. В австрийском стандарте эти явления считаются нормой [3, с. 159].

Выводы. На основе изучения венского диалекта и определения его места в общенемецком и австрийском диалектном ареале можно сделать следующие выводы: 1) венский диалект имеет достаточно черт, по которым его можно характеризовать; 2) наряду с другими диалектами, распространенными на территории Австрии, городской диалект Вены принадлежит к ареалу тех вариантов немецкого языка, которые существовали до формирования австрийского национального варианта; 3) диалект лежит в пределах диалектологической карты, которая выделяет группу баварских диалектов, но его лингвистическая особенность состоит в истории становления и контактах с другими вариантами; 4) на основе выборки лексических единиц венского диалекта и сравнения его с единицами австрийского варианта, можно сделать вывод об эффективном влиянии варианта немецкого языка венского диалекта на формирование австрийского национального языка.

Литература

1. Бах, А. История немецкого языка / А. Бах; [перевод с немецкого Н.Н. Семенюк]. – М.: Издательство иностранной литературы, 1997. – 344 с.

2. Гухман, М.М. История немецкого литературного языка XVI-XVIII вв. / М.М. Гухман, Н.Н. Семенюк, Н.С. Бабенко; АН СССР, Институт языкознания; отв. ред. В.А. Ярцева. – Москва: Наука, 1994. – 248 с.
3. Домашнев, А.И. Очерк современного немецкого языка в Австрии / А.И. Домашнев. – М.: Высшая школа, 1987. – 297 с.
4. Sedlaczek, R. Das österreichische Deutsch. Wie wir uns von unserem großen Nachbarn unterscheiden / Robert Sedlaczek. – Wien: Ueberreuter, 2004. – 348 S.
5. Teuschl, Wolfgang. Wiener Dialektlexikon / Wolfgang Teuschl – Wien: Karl Schwarzer Verlag, 1990. – 268 S.

ИНТЕРНЕТ-НЕОГРАФИЯ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Е. А. Жданова

*Россия, Нижний Новгород, Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского*

Анализируются интернет-ресурсы, посвященные описанию новой лексики. Проводится классификация способов представления в сети Интернет лексических новаций и единиц, воспринимаемых как лексические новации.

Ключевые слова: неологизмы, онлайн-словари, электронная лексикография.

INTERNET-NEOGRAPHY AS OBJECT OF LINGUISTIC RESEARCH
Internet-resources, which devoted to the description of new words, are analyzed. Ways of representation lexical innovations and words, which are imagined as neologisms, in the Internet are classified.

Keywords: neologisms, online-dictionaries, computer lexicography.

Пополнение лексического состава – одно из наиболее заметных для носителей языка лингвистических явлений. На рубеже XX–XXI веков и исследователи-лингвисты, и рядовые носители русского языка фиксируют появление большого количества новых слов. Вместе с тем, значение нового слова, употребленного говорящим, может быть неизвестно слушающему, а это вызывает естественное затруднение в общении. В связи с этим особенно остро стоит проблема словарного описания новаций.

Активное внедрение Интернета в повседневную жизнь людей отразилось и в области толкования лексических единиц. Как отмечает Е.Г. Лукашанец, «новая форма коммуникации сделала возможным появление так называемых онлайн-словарей – словарей принципиально нового типа, существование которых не было возможно ранее» [3, с. 17]. «Наивную лексикографию» как форму языковой рефлексии говорящих анализирует и В.А. Ефремов: «Интернет-пользователь имеет возможность быть не только потребителем словарной продукции, но и ее творцом <...>. В эпоху интернета активный лингвист-любитель может и наблюдать за изменениями в языке, и предлагать те или иные единицы для включения в словарные издания, и собственноручно создавать словарные статьи» [2, с. 28].

В сети Интернет репрезентация новых слов и их толкований может быть представлена по-разному. Так, во-первых, неологизмы или единицы, воспринимающиеся как неологизмы, толкуются в онлайн-словарях типа «Словоново» (<http://www.slovonovo.ru>), «Словоборг» (<http://slovoborg.su>) и под., которые В.А. Ефремов определяет как «наиболее типичные образцы наивной лексикографии» [2, с. 29]. Показательным является представление новой лексики на сайте «Словоново». В словарной статье отражается заголовочное слово; время внесения слова на сайт; толкование; иллюстрации (непоследовательно); метки, сопровождающие лексическую единицу; читательский рейтинг. Такой достаточно продуманный характер словарного описания является, на наш взгляд, достоинством сайта. Вместе с тем, свободные возможности редактирования, отсутствие контроля со стороны профессиональных лексикографов и ответственности со стороны администраторов являются существенным недостатком онлайн-словаря, снижающим его авторитет. Указанные недостатки становятся очевидными при анализе представленной «новой» лексики. Новации легко обнаружить: они сопровождаются меткой «неологизм». За период 2008–2012 гг. представлено 45 лексических единиц с данной меткой. Однако далеко не все примеры можно считать неологизмами. Так, пользователи сайта

посчитали возможным отнести к ним давно существующие в языке образования типа *дурёха*, *бибика*, *рацуха*. Среди единиц, определяемых как неологизмы, отмечаются и окказиональные образования: *випрь* (1. VIP-персона на русский лад <...>; 2. VIP-персона на охоте), *зомбияка* ('зомбированный и агрессивный'), *кустырь* ('в противоположность пустырю, территория, поросшая кустарником'), *снежливо* ('<...> что-то среднее между «идет снег» и «дойдет» <...>') (здесь и далее толкования приводятся из источника – <http://www.slovonovo.ru>) и под. Наблюдаются примеры семантического обыгрывания значения слов: *обескураживать* ('отбирать курагу') и др.

На сайте «Словоборг» новую лексику достаточно трудно вычленишь из общего словника. Действующая вкладка «Недавнее» включает «новейшие поступления в словарь» [<http://www.slovoborg.su/slb.php?a=recent&sf=30>], но не отражает времени появления самой лексической единицы. Так, среди «новейших поступлений» находим единицы *кулугур*, *фразеологизм* и под. Аналогичную ситуацию можно наблюдать на сайте «My slang. Словарь современного языка»: в разделе «Новое» наряду с неологизмами типа *брексит* / *брекзит* отмечаются единицы типа *перманентный* или *подкаблучник* (<http://myslang.ru/words/new>).

Второй путь представления неологизмов в сети Интернет – относительно закрытые списки на разного рода сайтах (<https://www.adme.ru>, <http://slovo.yaxy.ru> и др.). На сайте <http://slovo.yaxy.ru> находится около 130 словарей различной тематики – «Орфографический словарь», «Словарь пейнтбольных терминов», «Словарь садовода» и др. В разделе «Новые слова и выражения» авторы пишут: «Новые слова очень часто быстро становятся модными и популярными у широкого круга людей. А для того, чтобы разобраться в том, что же они означают и создан данный словарь новых слов» [<http://slovo.yaxy.ru/2.html>]. Затем приводится перечень из 56 единиц, включающий, преимущественно, слова уголовно-тюремного жаргона: *базарить* ('разговаривать'); *быки* ('бандиты'); *воронок* ('милицейский уазик'); *отмазать* ('выкупить, внести залог') и под. (толкования

из источника – <http://slovo.yaxy.ru/2.html>). Очевидно, что квалификация подобных образований как новых не только некорректна с лингвистической точки зрения, но и общественно предосудительна, т.к. вводит непрофессиональных пользователей сети Интернет (например, школьников) в заблуждение относительно тенденций развития русского языка.

На сайте www.adme.ru, который создатели определяют как «сайт о творчестве» [<https://www.adme.ru/about/>], представлены публикации разнообразнейшей тематики, одна из которых называется «40 совершенно новых слов» и посвящена новым словам и выражениям, заимствованным из английского языка (в число которых входят и кальки): *iПалец (iFinger)* («палец, который оставляют чистым для того, чтобы можно было продолжать пользоваться смартфоном или планшетом, не запачкав его»); *именная засада (Name ambush)* («неловкая ситуация, когда вы сталкиваетесь со вроде бы знакомым человеком, но не успеваете вспомнить, как его зовут») и др. (толкования из источника – <https://www.adme.ru>).

Третий способ представления неологизмов в сети Интернет – пользовательские комментарии на форумах. Своеобразные «словарики» новых слов могут публиковаться в форме свободного комментария. Так, на сайте «Кошки-мышки» (<http://www.koshki-mishki.ru>) в разделе «Будем грамотными!» в июле 2012 года была размещена следующая запись одного из пользователей: «<...> И у меня возникла мысль о том, что для пользователей сайта "Кошки-мышки" нужно создать такой толковый словарь, который был бы всегда под руками» [<http://www.koshki-mishki.ru/forum/index.php?topic=2610.0>]. Далее этот же пользователь под темой «Новые слова современного русского языка» публикует более 60 словарных статей, в которых дается толкование как недавно возникших в русском языке слов типа *троллинг*, *чайлдфри*, *экшн-комедия*, *эмокиды*, так и давно существующих слов, которые относятся к книжной лексике: *аскеза*, *демиург*, *парадигма*, *прецедент* и др. Характер публикации свидетельствует о том, что автор при составлении словаря провел тщательную работу. Однако заявленная тема

(«новые слова») не вполне соотносится с представленными материалами.

Интернет предоставляет пользователям весьма широкие возможности в поиске необходимой информации. Вместе с тем, отсутствие контроля, свобода доступа к любой информации и возможность публиковать непроверенные данные представляют известную угрозу. В частности, электронные лексикографические (неографические) ресурсы, созданные дилетантами, могут распространять псевдонаучную информацию. В.А. Ефремов отмечает: «Главная опасность наивной электронной лексикографии заключается в том, что она <...> меняет представления о лексикографической и метаязыковой компетенциях языковой личности: уже сейчас подрастает поколение людей, которые в принципе не обращаются к традиционным (бумажным) словарям, полагая, что «все можно найти в интернете»» [3, с. 75]. Однако при этом забывается, что «найденное в Интернете» должно пройти критический профессиональный анализ.

В то же время, данные о «новых словах», представленные во всемирной сети, представляют известный интерес для лингвистов, демонстрируя, как в рамках непрофессионального сознания воспринимаются новые слова, что оказывается важным при отборе лексических инноваций или слов, кажущихся неологизмами. Лексические единицы, представленные на подобного рода ресурсах, действительно могут являться новыми или окказиональными и стать объектом профессиональных лингвистических исследований по неологии или словообразованию. Но нередко как новые трактуются слова, относящиеся к пассивной лексике, а также внешние и внутренние заимствования (в том числе из жаргона). Полезным представляется анализ подобных сайтов и при описании языковой картины современного носителя языка.

Литература

1. Ефремов, В.А. О новых формах наивной лингвистики в эпоху интернета / В.А. Ефремов // Антропологический форум. – 2014. – № 21. – С. 74–81.
2. Ефремов, В.А. Наивная лексикография как форма неографии: интернет-извод / В.А. Ефремов // Неология и неография: современное состояние и перспективы (к 50-летию научного направления). Тезисы Международной научной конференции. – СПб.: Нестор-История, 2015. – С. 28–29.
3. Лукашанец, Е.Г. Вариативность как специфическая черта онлайн-словарей сленга и разговорной лексики / Е.Г. Лукашанец // Вопросы лексикографии. – 2014. – №1 (5). – С. 16–31.

Интернет-источники

<http://www.slovonovo.ru>; <http://slovoborg.su>; <http://myslang.ru/words/new>;
<http://slovo.yaxy.ru>; <https://www.adme.ru/svoboda-kultura/40-sovershenno-novyh-slov-558555/>; <http://www.koshki-mishki.ru>

СЕМАНТИКА СЛОВА *ХЛЕБ* В УСТОЙЧИВЫХ СОЧЕТАНИЯХ И ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ

Е. В. Колосько

Россия, Санкт-Петербург,

Институт лингвистических исследований РАН

В статье исследуется семантическая структура слова *хлеб*, принадлежащего к базовому составу лексики русского языка. Отмечается понятийный «разрыв» при вхождении этого слова в состав русского литературного языка из среды народной разговорной речи. В русских народных говорах распространены устойчивые сочетания, в которых находят отражение все грани семантической структуры слова *хлеб*, что подтверждает слова учёных о принадлежности концепта *хлеб* к основополагающим элементам традиционной русской культуры. Метафоры, фразеологизмы и различные варианты русских пословиц свидетельствуют об исключительном значении хлеба в жизни русского человека, не только как продукта питания, но и как основы счастливой жизни. И это значение значительно глубже, чем представленные в словарях русского литературного языка значения ‘пища, питание, средство существования’.

Ключевые слова: ментальность, русские народные говоры, лексика, семантика, устойчивые сочетания, фразеологизмы, фольклор.

THE SEMANTICS OF THE WORD ХЛЕБ STABLE COMBINATIONS AND COLLOCATIONS RUSSIAN FOLK DIALECTS

The article examines the semantic structure of the word bread, belonging to the base composition of the vocabulary of the Russian language. There pornography "gap" when entering the word in the Russian literary language from among the folk speech. The Russian national dialects prevalent stable combinations, which reflects all the facets of the semantic structure of the word bread, which confirm the words of the scholars of the accessories of the concept of bread to the fundamental elements of traditional Russian culture Metaphors, phraseological units and different variants of the Russian proverbs, testify to the exceptional value of bread in life of the Russian man, not only as food stuff but also as bases of happy life. And it a value is considerably deeper, than presented in the dictionaries of literary Russian of value 'Food, feed', 'mean of existence'.

Keywords: mentality, Russian folk dialects, vocabulary, semantics, stable combinations, idioms, folklore.

В недавно вышедшем словаре русской ментальности слову *хлеб* была отведена большая статья. И это, конечно, не случайно. Известно, что хлеб – основная пища и символически ёмкое понятие славян. «Хлеб – божий дар», – гласит русская пословица [1, с. 552]. Эту мысль продолжает А.А. Потебня: «Хлеб свят не только потому, что он есть дар божий; он сам есть живое, божественное существо» [2, с. 763]. Кроме того, цитаты из произведений русских писателей подтверждают принадлежность концепта Хлеб к исконно русской культуре. Борис Шергин написал: «Дивные речи святых запечатлевались в сердцах и умах народа в течение тысячи лет. Вот на каких дрожжах из сырого теста человеческого ...выходила русская дежа. Вот на каких углях, вот в какой печи испёкся русский хлеб» (Праведное солнце) [3, с. 453].

Словари литературного языка, с XIX века отражают языковое восприятие господствующего, просвещённого, но далёкого от крестьянских реалий слоя общества. Они ставят на первое место значение слова *хлеб* – 'пищевой продукт, выпекаемый из муки'. Второе значение – 'зерно, из которого готовится мука'. За этими конкретными понятиями

располагаются абстрактные ‘пища, пропитание, средства к существованию’ [4, с. 601-602].

Если же мы обратимся к материалам русских народных говоров, то увидим целостный фрагмент русской языковой картины, обозначаемый словом *хлеб*. Русский крестьянин выращивал хлеб, лелея каждый росток. Поэтому значение ‘хлеб на корню’ нужно поставить на первое место.

В отличие от литературного языка в диалектной речи различается *однобылошный* и *куренистый хлеб* (здесь и далее приведены данные из картотеки Словаря русских народных говоров ИЛИ РАН [5]). Это ростки с одним или несколькими стволами. *Корнувший, лежалый хлеб* или *хлеб на лучках* – стебли, пригнутые к земле ветром или сильным дождём. *Рослый хлеб* – зерновые, которые быстро, хорошо всходят. Различается *хлеб в трубице* – зерновое растение, у которого формируется стебель. У *хлеба на колосу* формируется колос.

Очень важно, на каком месте вырастают зерновые культуры. *Подсечный хлеб* – зерновые, выросшие на новом, очищенном от леса поле. *Заложный хлеб* снят с целинной земли: *Заложный хлеб хороший бывает* (Новосиб.). Важно также в какую погоду убирается урожай. *Ведрённый хлеб* – созревшие зерновые, сжатые и обмолоченные в сухую погоду. Иначе *хлеб уйдёт на пол* – зерно из колосьев выпадет на землю. *Хлеб-зори* называют зарницы, которые по поверью помогают хлебу зреть.

Приведённые устойчивые сочетания показывают дифференциальные признаки в составе семантической структуры слова *хлеб*.

Диалектная речь демонстрирует и диаметрально противоположный семантической дифференциации языковой процесс. В некоторых говорах хлебом называют любую посевную культуру. *Не один хлеб на ней (земле) сеяли, а разный хлеб: подсолнух там или ещё что. Кукурузу, свёклу, просо, подсолнух – больше у нас никаких хлебов не было* (Воронеж.). Словом *хлеб* с XIX века в различных говорах называют урожай. *Пашут – три хлеба соймут, потом земля уж делается голодная, больше не пашут* (Архангельск.). Если такую землю не удобрить,

можно *вывестись с хлеба* – перестать получать урожай. О плохом урожае говорят *хлеб никто. Ой, морозцем прихватило, нынче хлеб никто* (Омск.).

Для крестьянина было важно достаточно большой или недостаточно большой сбор зерна для проживания от урожая до урожая. *Угорный хлеб* – недостаточно большой урожай. Слово *угорный* образовано от глагола *угорнуть* – завернуть, свернуть, а не от слова *угор* – возвышенность. *Угорно* – недостаточно, экономно. *Угорно хлеба, дров* – мало хлеба, дров, поэтому нужно экономить.

Однако, собрать урожай – ещё только полдела. Как говорит пословица о ненадёжности чьего-либо благополучия: *В копнах не сено, в кладах не хлеб, в долгах не деньги*. Выпекание хлебных изделий это сложный и трудоёмкий процесс, требующий навыков и умений, не менее важный, чем выращивание зерна. В русских народных говорах слово *хлеб* широко употребляется в сочетаниях, обозначающих процессы замешивания теста и выпекания в печи хлебных изделий: *растворить хлеб* – ‘затворить тесто для выпечки’; *завести хлеб* – ‘замесить тесто’; *выкатывать хлеб, катать хлеб* – ‘раскатывать тесто скалкой, придавая изделию форму’ и, наконец, *садить хлеб* – ‘помещать изделие для выпекания в печь’.

О работе домашнихстряпух говорят диалектные контексты: *У нас хлеб катали всегда мать и старшая невестка. К рассвету уже хлеб садили. Начала хлеб катать утром рано, и к вечеру чего только на столе не было* (Забайкалье). Поговорка о нерадивой, плохой хозяйке: *Хлебы в печь, а сама в нижний конец* (т.е. в самый дальний конец улицы) (Низовая Печора). Таким образом, семантическая структура диалектного слова *хлеб* концентрирует в себе весь процесс выращивания и изготовления самого широко распространённого в России выпечного изделия: значения ‘зерновое растение’, ‘посевы зерновых’, ‘урожай’, ‘зерно’, ‘мука’, ‘тесто’, ‘испечённое изделие’.

Возвращаясь к словарю русской ментальности, обращаем ваше внимание на то, что слово *хлеб* обозначает в первую очередь изделие из ржаной муки. Составители словаря включают

слова Пушкина: «Дорого бы я дал за кусок русского чёрного хлеба, который был им так противен» [3, с. 453]. И материалы русских народных говоров подтверждают доминирование семы ржаной во многих диалектных наименованиях. Особенно ярко эта сема проявляется в значениях слов, относящихся к говорам тех областей, где рожь мало выращивают. *На Урале, если вы спросите у казака хлеба, то он подумает, что вы просите чёрного хлеба. Надо спросить калача (Уральск.). У нас в семье хлеб не выпекаем, а только ситный (Ульян.).*

В значении слова **хлеб** также имплицитно присутствуют семы, которые проявляются в ряде словосочетаний, где на первый взгляд речь идёт только о питании. **Взять на хлеба** – принять кого-либо в свою семью, обеспечив ему питание вместе с другими членами семьи. *Зятя на хлеба взяли (Уральск.). Жить на хлебах* – быть обеспеченным питанием хозяевами дома. **В одном хлебе жить** – жить одной семьёй. **С хлеба долой** говорят о дочери, которую выдают замуж. Здесь чётко прослеживаются семы ‘дом’ и ‘семья’.

Особо важное значение в народном обиходе **хлеб** имеет, являясь атрибутом ритуальных действий. Так во время свадебного ритуала новых родственников встречают хлебом и солью, проявляя тем самым желание поделиться самым дорогим и, как мы теперь понимаем, принять нового члена в свою семью. Сочетание **хлеб-соль** означает не только каравай хлеба с солонкой. При сватовстве – это пирог и бутылка спиртного: *Когда просватали невесту, тоды принимают хлеб-соль от жениха и от родных его: пирог и бутылку водки. Выпили, поели, договорились (Дон.).* Перед венчанием жених и невеста сравнивают испечённые караваи хлеба и решают, чей каравай выше. Вот как об этом пишет автор смоленского областного словаря Добровольский: «Отворяется дверь, входит отец невесты и отец жениха, на руках у них по хлебу и они начинают мерить, чей хлеб выше» [6, с. 961]. Это приводит к шутливому решению, кто же будет главным в новой семье. Сочетание **идти с хлебом** означает свадебный обычай приходить на свадьбу с подарками. *Идём первый день на свадьбу и с хлебом идём, невестина родня к*

невесте, а женихова родня к жениху (Орл.). Сочетание *кроить хлеб* отражает свадебный обряд, по которому определяется умение невесты вести хозяйство: *Хлеб невеста кроит, смотрят (гости) как она его покроит, чтобы всем досталось* (Орл.).

Тесно связана со свадебным обрядом и традиционная встреча дорогого гостя, которая начинается с подношения на нарядном полотенце *благодарного хлеба* и соли. Отдельное значение слово *хлеб* имеет в составе сочетания *благословенный хлеб*. Благословенным хлебом называют небольшой хлебец, которым наделяют верующих в церкви во время всенощной службы.

Существуют продуктивные модели образования метафорических значений и фразеологизмов, характеризующих человека. И неслучайно лексическая база этих моделей включает слово *хлеб*. *Хлеб с солью* – о полном, упитанном человеке. Известное выражение *мало каши ел* о слабом, хилом человеке имеет вариант *мало хлеба съел*. *Из хлеба вышел* говорят о больном, ослабевшем человеке.

Самыми же символическими смыслами обладает слово *хлеб* в составе фольклорных произведений, загадок и пословиц. Фразеологизм *хлеб по воде пускать* является отражением народной мудрости: надо делать добро в ответ на добро, которое получаешь. Пословицы: *хлеб – батюшка, водица – матушка; рыба вода, ягода трава, а хлеб – всему голова; хлеб на стол – и стол – престол (а хлеб со стола, так и стол-доска)* показывают высокую степень почитания хлеба. «Нема хлеба, нема соли, нема счастья, нема доли», – поётся в народной песне [6, с. 961]. Широко распространена во всех говорах пословица *хлеба край, так и под елью рай*. Она имеет множество вариантов. Например, расширенный вариант *хлеба край, так и под ёлкой рай, а хлеба ни куска, так и в горнице тоска*. Все варианты говорят о важности хлеба в жизни русского человека, не только как продукта питания, но и как основы счастливой жизни. И это значение значительно глубже, чем представленное в словарях русского литературного языка ‘пища, питание, средство существования’. *Не от хлеба ходят, а ко хлебу* – говорит

пословица о разумном стремлении человека к лучшей, правильной жизни.

В заключении можно сказать, что семантика лексики русских народных говоров показывает, какой глубокий смысл русский человек вкладывает в слова молитвы: «Хлеб наш насущный даждь нам днесь».

Литература

1. Даль, В.И. Толковый словарь живаго великорусскаго языка: В. 4 т. / В. И. Даль. – С.-Петербург, Москва, 1882.
2. Потебня, А.А. Слово и миф / А.А. Потебня. – М.: Правда, 1989. – 624 с.
3. Колесов, В.В. Словарь русской ментальности / В. В. Колесов, Д. В. Колесова, А.А. Харитонов – Т. 2. – СПб: «Златоуст», 2014. – 592 с.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М.: «Русский язык», 1988. – 750 с.
5. Материалы картотеки Словаря русских народных говоров ИЛИ РАН.
6. Добровольский В.Н. Смоленский областной словарь / В.Н. Добровольский. – Смоленск, 1914.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Сводная диалектная и региональная лексикография; теория и практика»), проект № 13-04-00148.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ПРОЦЕССОВ ВНИМАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИМИ СРЕДСТВАМИ РУССКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КАУЗАЛЬНОЙ СЕМАНТИКОЙ)

О. В. Колесникова

Россия, Симферополь

*ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
им. В.И. Вернадского» (Таврическая академия)*

В статье рассмотрены фразеологизмы тематического поля «Процессы внимания». Представлены национально-культурные особенности данных фразеологических единиц, определено их место во фразеологической системе русского языка.

Ключевые слова: фразеология, идеографическая фразеология, фразеологизм, лингвокультурология.

REPRESENTATION OF ATTENTION PROCESSES OF PHRASEOLOGICAL MEANS OF THE RUSSIAN LANGUAGE (ON THE MATERIAL OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE CAUSAL SEMANTICS)

The article considers phraseological units of the thematic field "attention Processes". Ethnic and cultural specifics of phraseological units are presented. The place of the phraseological units in the phraseological system of the Russian language are defined.

Keywords: phraseology, ideographic phraseology, idiom, cultural linguistic.

Исследователи фразеологии не раз обращали внимание на ее антропологический характер (Прайд Ю.Ф., Селиванова Е.А., Телия В.Н., Эмирова А.М. и др.). Во фразеологии представлены те участки действительности, которые непосредственно связаны с человеком, с его чувствами, психическими особенностями, познавательными процессами и т.д.

Одной из наиболее важных задач современной фразеологии, а в частности фразеологической идеографии, является описание лингвистических и экстралингвистических принципов выделения отдельных фразеологических микро- и макросистем, которые

наиболее полно характеризуют мировоззрение человека, что отражается во фразеологической системе языка.

Актуальность нашего исследования заключается в реализации сочетания лингвокультурологического и системного подходов к изучению фразеологии, что позволит не только выделить и описать отдельные участки фразеологической системы, но и охарактеризовать их экстралингвистическую природу.

Новизна исследования состоит в попытке описания тематического поля «Процессы внимания» как элемента фразеологической системы.

Цель работы – вычленить фразеологизмы тематического поля «Процессы внимания» из фразеологической системы русского языка и представить их национально-культурную специфику.

Для обозначения совокупности языковых единиц, которые объединены общим смыслом и отображают понятийную, предметную или функциональную схожесть определённых явлений, в нашей работе используются термины «поле» и «группа». Термин «поле» обозначает большее количество, а термин «группа» – меньшее количество совокупности языковых единиц (а также фразеологических единиц). «Семантические группы объединяются в семантические поля, тематические группы – в тематические поля, идеографические группы – в идеографические поля. Идеографические поля, в свою очередь, образуют архиполя, которые являются наивысшим звеном в структуре идеографической иерархии как лексической, так и фразеологической систем языков» [3, с. 19].

Ю.Ф. Прадид предлагает следующую структуру идеографического поля фразеологических единиц (ФЕ) «Человек» [3, с. 37]:

Идеографическая группа Идеографическое поле	Человек: -Психические процессы -Деятельность -Индивидуально-психологические особенности
--	--

Тематическое поле «Процессы внимания» входит в идеографическую группу «Человек» и представлено следующими антонимичными фразеосемантическими группами (ФСГ): «Обращать внимание и «Не обращать внимания».

Данные ФСГ представлены ФЕ с семантикой каузации, описывающими каузальную ситуацию. Каузальная ситуация предполагает, что воздействие субъекта или события вызывает действие, состояние, изменение качества другого субъекта. Рассмотрим более подробно каждую из названных ФСГ.

Фразеосемантическая группа «Обращать внимание (44 ФЕ). ФЕ этой группы описывают ситуацию, когда субъект обращает всеобщее внимание, используя громкие звуки: *звонить (ударять) во все колокола; трубить / затрубить в (во все) трубы; кричать на всех перекрёстках* и т.д. Образы данных ФЕ основаны на древнейшем противопоставлении «близкий – далёкий». Достигнуть далёкого пространства можно было только при помощи громких звуков. В составе фразеологизмов *трубы, колокола* метафорически уподобляются языку как речевой способности человека и инструменту речи: *трубить, кричать, звонить* – распространять сведения на большое расстояние. Мы рассматриваем также ситуацию обращения субъектом внимания на что-л. незначительное: *тыкать / ткнуть в нос (носом); выискивать (ловить) блох*. Образ *выискивать (ловить) блох* мотивирован отождествлением осторожности и скрупулёзности действий при ловле блох придирчивости субъекта, который замечает даже мелочи. Компонент *нос* в структуре ФЕ *тыкать / ткнуть в нос (носом)* как наиболее заметная часть лица метонимически замещает человека вообще.

Ситуация обращения внимания может быть связана с ситуацией запоминания: *брать / взять на заметку; брать / взять*

на карандаш; брать / взять на примету; брать / взять на зарубку. При этом образы фразеологизмов мотивированы отождествлением обращения внимания письменной или умственной деятельности. Образ ФЕ *брать / взять на зарубку* основан на отождествлении оставления следов на дереве крепкому запоминанию.

Фразеосемантическая группа «Не обращать внимания» (32 ФЕ). Фразеологизмы данной группы вступают в отношения антонимии с ФЕ с семантикой ‘обращать внимание’. Фразеологизмы с указанной семантикой могут представлять намеренные (*закрывать / закрыть глаза на что; смотреть сквозь пальцы; поворачиваться / повернуться спиной к кому, к чему; сбрасывать (скидывать) / сбросить (скинуть) со счетов (счёта) кого, что* и т.д.) и реже ненамеренные действия субъекта (*упускать (выпускать) / упустить (выпустить) из виду; слона не приметить*). Ситуация, в которой субъект не обращает на кого-л. или что-л. внимания, может подразумевать нежелание воспринимать кого-л. или что-л.: *закрывать / закрыть глаза на что; пропускать / пропустить мимо глаз; пропускать / пропустить мимо ушей.* В составе этих ФЕ выступают компоненты *глаза* и *уши*, называющие органы восприятия и символизирующие орудие восприятия. Данные компоненты метонимически замещают самого человека.

Фразеологизмы с семантикой ‘не обращать внимания’ соотносятся с семантикой ‘проявлять пренебрежение, безразличие’: *махнуть рукой на кого, на что; пропускать / пропустить сквозь пальцы; смотреть сквозь пальцы; сбрасывать (скидывать) / сбросить (скинуть) со счетов (счёта) кого, что.*

Образ ФЕ *пропускать / пропустить сквозь пальцы; смотреть сквозь пальцы* восходит к архетипическому противопоставлению «закрытый – открытый» и к связанному с ним противопоставлению «тайный – явный». В основе образа данных ФЕ лежит метонимическое отождествление «зрение – видение», основанное на смежности понятий: орган зрения – зрение как перцептивное восприятие - видение, знание как

результат полного восприятия. Компонент *пальцы* символизирует преграду, мешающую видеть что-л. ясно, чётко, в полном объёме, что, в свою очередь, мешает осознать происходящее. ФЕ *махнуть рукой на кого, на что* соотносится с жестовым кодом культуры. Образ данного фразеологизма основан на отождествлении определённого жеста пренебрежению кого-л. или чего-л. ФЕ *сбрасывать (скидывать) / сбросить (скинуть) со счетов (счёта) кого* содержит метафору, в которой традиция считать уподобляется намеренному освобождению от чего-л. тяготящего.

ФЕ данной группы представляют также ситуацию, в которой субъект ненамеренно не замечает кого-л. или что-л.: *упускать (выпускать) / упустить (выпустить) из виду; слона не заметить*. В данном случае образы ФЕ основаны на метафоре «зрение – восприятие». Компонент *слон* в структуре ФЕ *слона не заметить*, источником которой является басня И.А. Крылова, обозначает большое животное и тем самым символизирует что-л. важное, значимое. Отождествление большого животного чему-л. значимому и привносит коннотации иронии, насмешки.

ФЕ с указанной семантикой соотносятся с ситуацией бездействия (*(и) в ус (себе) не дуть*): *Они-то сидят у себя дома (правда, у Раства уже нет ни дома, ни жены, но так ему, мерзавцу, и надо!), а Кратэра уже и самого нет на свете, но остальные сидят себе дома и в ус не дуют и не должны бояться... гриппа!..* (Л. Лагин. Атавия Проксима). В данном случае минимальное усилие (дуть в ус) отождествляется с бездействием.

Итак, фразеологизмы с семантикой ‘обращать внимание’ в большинстве случаев представляют ситуацию обращения всеобщего внимания. Кроме того, данные ФЕ используются для описания ситуации, когда субъект обращает внимание на мелочи или в ситуации запоминания.

ФЕ с семантикой ‘не обращать внимания’ представляют следующие ситуации: субъект проявляет нежелание воспринимать кого-л. или что-л.; субъект показывает пренебрежение к чему-л. или кому-л.; субъект ненамеренно не замечает кого-л. или что-л., и субъект бездействует.

Литература

1. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В.Н. Телия. – 2-е изд. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА. – 784 с.
2. Жуков, В.П. Словарь фразеологических синонимов русского языка / В.П. Жуков, М.И. Сидоренко, В.Т. Шклярков. – М.: Рус. яз., 1987. – 448 с.
3. Прадид, Ю.Ф. Фразеологічна ідеографія (проблематика досліджень) / Ю.Ф. Прадід. – К.; Сімферополь, 1997. – 252 с.
4. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОКРАЩЕНИЙ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТАХ

А. В. Лебедева

Россия, г. Симферополь, ГБОУВО РК «КИПУ»

В данной статье анализируются особенности функционирования сокращений в немецком языке, что в целом помогает определить некоторые тенденции языковых изменений. Был проведен анализ структурных и семантических особенностей аббревиатур и сокращений, употребляемых в современных немецкоязычных текстах. На основе проанализированного материала предпринята попытка дать оценку современной языковой ситуации в Германии. Проведено описание частотности употребления сокращений в немецком языке.

Ключевые слова: аббревиация, денотат, словарный состав, систематизация, лингвистические особенности.

THE PECULIARITIES OF ABBREVIATIONS IN THE GERMAN TEXTS

This article analyzes the peculiarities of abbreviations in the German language, which generally helps to identify certain trends of language change. The scientific novelty of this topic lies in the fact that the analysis carried out structural and semantic peculiarities of the abbreviations and acronyms used in contemporary German texts. On the basis of the analyzed material, an attempt to assess the modern language situation in Germany is taken. One of the objectives of this paper is to describe the frequency of use of abbreviations in German language.

Keywords: abbreviation, denotation, vocabulary, classification, linguistic features.

Актуальность исследования определяется развивающейся тенденцией современного немецкого языка к упрощению. Современное состояние языков характеризуется процессами интернационализации и глобализации, которые привели к появлению особого рода наименований объектов, понятий и концептов одновременно с повышенными требованиями к речевой экономии, в результате чего возник огромный пласт сокращенной лексики. Интерес к специфике создания аббревиатурных номинаций в разных языках и к особенностям их употребления в различных типах и жанрах речи обусловлен тем, что аббревиация оказывается одним из словообразовательных способов, отвечающих прагматическим установкам современности.

Актуальность и важность проблем, связанных с вопросом немецкого словообразования, постоянно привлекает внимание как зарубежных, так и отечественных исследователей. Значительными в этой области были работы Д.И. Алексеева, Е.В. Розена, А.Ю. Куткина, К.В. Манерова, А. Buchner, G. Bellmann, изучавших словообразовательные возможности немецкого языка как в историческом плане, так и с точки зрения современного состояния языка. Вместе с тем в этой области лингвистики имеется еще ряд вопросов, не получивших до сих пор достаточного освещения.

Целью данной работы является изучение особенностей функционирования сокращений в немецкоязычных текстах.

Для выполнения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- охарактеризовать учение о словообразовании как лингвистическую дисциплину;
- рассмотреть основные способы и средства словообразования в современном немецком языке;
- определить экстралингвистические и внутриязыковые факторы появления аббревиатур;

- дать тематическую классификацию сокращений в современном немецком языке.

Лексический состав любого языка является наиболее подвижным и изменчивым компонентом языка в пространственном плане. Поскольку слово несет, прежде всего, содержательную информацию, то оно фиксирует все изменения в жизни общества, которые последнее претерпевает. Слова в чем-то похожи на живые организмы: они рождаются, развиваются, взаимодействуют с другими единицами языка разных уровней, «умирают» или просто уходят «в отставку», поскольку больше не нужны. Развитие языка протекает под знаком его постоянного совершенствования и обновления. Источник одних изменений четко просматривается и связан с экстралингвистическими факторами, с влиянием социума, пользующегося данным языком. Существенные изменения, происходящие в экономической и общественной жизни, порождают множество новых явлений и понятий.

Под термином «аббревиация» понимается способ создания номинаций для тех понятий и реалий, которые были первоначально обозначены описательно с помощью атрибутивных словосочетаний, а затем сокращены, и аббревиатура – результат этого процесса [1].

Следует отметить, что в лингвистике отмечаются различные подходы к рассмотрению как аббревиатурного способа словообразования, так и аббревиатурных номинаций, поскольку среди исследователей нет единства в выявлении основных признаков сокращенных единиц.

Рассматривая различного рода сокращения, ведущие к упрощению формальной структуры языковой единицы, многие исследователи связывают данное явление с тенденцией к экономии языковых средств и умственных усилий, а также тенденцией к совершенствованию языковой формы. По мнению Е.В. Розена, в современном немецком языке эта тенденция очень сильна и соответствует тому общему культурному стремлению современного общества, которое может быть вызвано стремлением к сокращению текста.

Проведенное исследование подтверждает широкое использование аббревиации в немецкоязычных текстах как чрезвычайно продуктивного способа словообразования.

При классификации кратких форм слов и словосочетаний были определены три способа словообразования в современном немецком языке:

1.Контрактуры, то есть слова, возникшие вследствие усечения любой части слова или группы слов. В численном соотношении контрактуры представляют наиболее представительную группу сокращений. Среди контрактур различаются инициальные слова «Kopfwörter», поскольку от исходного слова в результате усечения остается лишь его начальная часть: Midi(kleid), Assi(stent), Disko(theke), Demo(nstration), Knautsch(kommode), Kombi(wagen), Krimi(nalfilm), Treff(punkt) и финальные контрактуры «Schwanzwörter», где в результате усечения остается финальная часть слова: (Motor)roller, (Amery) kanische, (Atom) bombe, (Schall)platte, (Ton)band, im(Durch)schnitt.

2.Слоговые аббревиатуры, то есть слова, возникшие вследствие усечения с одновременным стяжением начального и конечного компонентов сложного слова или каждого компонента словосочетания до размеров одного слова: Schiri – (Schiedsrichter), Schupo – (Schutzpolizei), Trafo – (Transformator), Stabü – (Staatsbürgerkunde), Mofa – (Motorfahrzeug), Gewi – (Gesellschaftswissenschaft).

3.Буквенные аббревиатуры, то есть слова, возникшие вследствие сокращения буквенной записи слова (или словосочетания) до одной или двух букв корня: WTO = die Welthandelsorganisation (Всемирная торговая организация), EG = Europäische Gemeinschaften (Европейские содружества), IWF = Internationaler Währungsfonds (Международный валютный фонд)[3].

Не менее значимым в теории аббревиации является вопрос о причинах и особенностях образования сокращенных единиц, так как правильно их определив, можно более точно представить себе возможности и перспективы аббревиатурного способа словообразования. Принято выделять экстралингвистические и внутриязыковые факторы порождения аббревиатур.

К наиболее распространенным экстралингвистическим (внешним по отношению к языку) причинам создания аббревиатурных номинаций можно отнести следующие:

1. научно-технический прогресс, социальные сдвиги, развитие межнациональных социокультурных связей и т. п.;
2. широкое использование механических и технических средств связи, требующих сокращения длинных словарных единиц.

Среди внутриязыковых причин отмечают:

1. общность языковых навыков говорящих, языковую привычку, контекст, частоту употребления в речи и «стереотипность» производящей единицы;
2. стремление произносить аббревиатурные номинации как единые слова;
3. влияние других языков на создание аббревиатур;
4. влияние разговорного и жаргонного языков;
5. строй конкретного языка.

Чаще всего возникновение различных аббревиатурных номинаций объясняется так называемым «законом экономии речевых средств», одним из важнейших прагматических принципов порождения сокращения, вызванным необходимостью рационализировать его материальную оболочку. Как принцип употребления он направлен на экономию времени, усилий и бумажной площади [2].

В ходе проведенного исследования были выявлены следующие тематические группы сокращений и аббревиатур, имеющих статус имен нарицательных и собственных:

1. Обозначение лиц, должностей, ученых степеней и т. д.

Например: Fr. - Frau – госпожа, Hr. - Herr – господин, Dr. - Doktor – доктор, Gen.- Dir. – Generaldirektor, Juli - Junger Liberaler – молодой либерал, Grumi - Gruppenmitglied – член группы, Hibi - Hilfsausbilder – служащий.

2. Названия комплексных объектов:

Организации, учреждения, комитеты

Например: FORATOM - Europäisches Atomforum – Европейский атомный форум, SCO - Schanghai - Organisation für

Zusammenarbeit – Шанхайская организация сотрудничества, DSU - Deutsche Soziale Union – Немецкий социальный союз.

Политические партии

Например: F.D.P. - Freie Demokratische Partei – Свободная демократическая партия, NPD - Nationaldemokratische Partei Deutschlands – Национал-демократическая партия Германии, ÖVP - Österreichische Volkspartei – Австрийская народная партия, SPD - Sozialdemokratische Partei Deutschlands – Социал-демократическая партия Германии, SVP - Schweizerische Volkspartei – Швейцарская народная партия.

Банки и финансовые институты

Например: АНВ - Außenhandelsbanken – банки для внешней торговли, ВА - Bankaktie – банковская акция, АК - Aktienkapital – акционерный капитал.

Спортивные общества

Например: DFB - Deutscher Fußball-Bund – Немецкая федерация футбола, DTB - Deutscher Tennis-Bund – Немецкая федерация тенниса, ЕМ - Europameisterschaft – чемпионат Европы.

Средства массовой информации

Например: WDR - Westdeutscher Rundfunk – Западногерманское радио, ZDF- Zweites Deutsches Fernsehen – Второе Германское телевидение[4].

Проведенное исследование позволило сформулировать следующие выводы:

1. Роль аббревиации в создании новых слов в языках мира в последнее десятилетие значительно возросла, поскольку наряду с национальными возникает целый ряд международных сокращений, знание которых крайне необходимы для адекватной коммуникации.

2. Сокращенные слова, являющиеся неотъемлемой частью словарного состава немецкого языка, активно подвергаются процессу адаптации, или лексикализации, становятся полноправными единицами языка предоставляя его носителям широкий выбор механизма их порождения и

употребления, которые как правило, сводятся к поиску выразительных средств и принципу экономии.

Литература

1. Куткина, А.Ю. Современная политическая аббревиатура как проблема перевода / А. Ю. Куткина // Актуальные проблемы германистики и романистики: сб. науч. статей по мат. межв. науч. конф. Часть II: Язык в тексте/ отв. ред. Г.И. Краморенко. – Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2009. – Вып. XIII. – С. 75 – 79.
2. Нефедова, Л.А. О некоторых особых способах словообразования в современном немецком языке / Л.А. Нефедова // Вестник Московского университета. – Сер. 19. – Лингвистика и межкультур. коммуникация. – 2011. – № 3. – С. 89-97.
3. Симутова, О.П. Виды словообразования и их игровые потенции в немецком и русском языках / О. П. Симутова // Вестник ОГУ. – 2007. – № 6. – С. 11.
4. Duden, Das Wörterbuch der Abkürzungen. Dudenverlag. – Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich, 2015. – S.480

ОСОБЕННОСТИ СОЧЕТАЕМОСТИ НАРЕЧНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

О. С. Макарова

*Россия, Великий Новгород, Новгородский государственный
университет им. Ярослава Мудрого*

На примере сочетаемости наречного фразеологизма со словами-сопроводителями рассматриваются пути развития семантики фразеологической единицы.

Ключевые слова: фразеология, фразеография, сочетаемость фразеологизмов, фразеологическое значение.

COLLOCABILITY OF ADVERBIAL IDIOMS

The emphasis is placed upon erroneous collocability of idioms as a source of semantic changes.

Keywords: phraseology, phraseography, collocability of idioms, meaning of idiom.

Проблема сочетаемости языковых единиц и, в частности, фразеологизмов уже давно рассматривается лингвистами как приоритетная. Этот вопрос находит свое решение с разных методологических позиций и в разных аспектах. Общеизвестно,

что идиомы неоднородны с точки зрения своих комбинаторных свойств, что обусловлено следующими характеристиками фразеологических единиц (ФЕ):

«1) разная степень спаянности компонентов, семантическая и структурная, ведущая к таким явлениям, как вариантность, наличие в составе ФЕ факультативных компонентов;

2) грамматические свойства ФЕ, системно определяющие сочетаемость оборотов (ср. различие сочетаемости глагольных, наречных ФЕ, устойчивых сравнений);

3) количественная характеристика ФЕ, заключающаяся в том, что фразеологизмы с бóльшим числом компонентов предсказуемо имеют более широкую сочетаемость; в свою очередь, фразеологизмы с большей валентностью обладают меньшей семантической целостностью [1, с.178-179]

4) Наличие или отсутствие в структуре конкретного фразеологизма слов-сопроводителей, существование целых классов единиц (например, устойчивых сравнений), наличие у которых слов-сопроводителей является обязательным» [2, с.35].

Наблюдение за развитием семантики ФЕ в связи с изменением сочетаемости является одной из задач проекта «Словарь сочетаемости фразеологизмов», поддержанного в 2014 году РГНФ. Проект посвящен изучению семантики и словарному описанию комбинаторных свойств фразеологических единиц. Результатом проекта должно стать создание «Словаря сочетаемости фразеологизмов». Создание Словаря обеспечит наличие специализированного лексикографического источника, на который можно будет опираться при выборе комбинаторных вариантов. При работе над словарем особое и внимание уделяется словам-сопроводителям – лексемам, которые непосредственно не являются компонентами фразеологизма, «но способствуют уточнению и актуализации фразеологического значения» [4, с.5].

Слова-сопроводители фразеологических единиц не являются статичными лексемами, они изменяются и развиваются вместе с языком. Этому процессу немало способствует расширение информационного поля за счет новых типов

дискурса, новых каналов и способов общения. В связи с возросшим объемом текстов наблюдается такое явление, как распространение неверных/ошибочных вариантов сочетаемости фразеологизмов с их последующей «легализацией» и влиянием на значение идиом. Среди причин можно выделить как намеренное стилистическое искажение сочетаемости с целью привлечения внимания читательской аудитории (этим отличаются маркетинговые тексты, тексты СМИ), так и ненамеренное искажение (стилистическая безграмотность).

Вслед за многочисленным использованием ошибочного варианта сочетаемости происходит переход из аномальности в норму, что является одним из ресурсов расширения и изменения значения фразеологизмов.

Проиллюстрируем сказанное примерами.

Фразеологизм «без зазрения совести» определяется в словаре «Русская фразеология» [3, с.653] как ‘бесстыдно, нагло’. В других источниках [5-7] этот фразеологизм также характеризуется с негативной точки зрения: ‘не испытывая раскаяния, стыда’.

Наречные фразеологизмы обладают очень широкими возможностями сочетаемости, прежде всего с глагольными лексемами. Количество слов-сопроводителей настолько велико, что затрудняет классификацию и выделение единого семантического признака. Главная проблема в составлении словника состоит в том, что данный тип фразеологизмов представляет собой лексически незамкнутые структуры и в связи с этим обладают предельно высокой сочетаемостной способностью.

Одним из ведущих признаков этого фразеологизма является «отрицательное, негативное отношение к обсуждаемому предмету или действия по отношению к нему». Таким образом негативная семантика фразеологизма распространяется на его окружение:

«И аптеки (а у нас теперь две системы аптек — частные и муниципальные; и те и другие находятся в ведении местных органов власти) задирали цены без зазрения совести» [НКРЯ].

Также отмечено совместное употребление двух фразеологических единиц, что также является способом усилить негативное значение высказывания.

«Фронтоников, например, без зазрения совести задвигают в угол, вспоминая о них лишь 9 Мая...» [НКРЯ].

В процессе анализа выделено две группы слов-сопроводителей с негативными коннотациями:

1. Группа глаголов, обозначающая присвоение чьей-либо собственности: *воровать/ грабить/ расхищать/ приватизировать/ объегорить/ ободрать/ запускать (руку)*

2. Группа глаголов причинения вреда объекту: *запороть/ уничтожить/ кидать/ загрязнять/ нарушать/ бросать/ садиться (на шею)*

Наряду с глаголами отрицательной семантики мы нашли большое количество примеров слов-сопроводителей с нейтральным или положительным значением. Прежде всего, это группа глаголов речевых действий.

3. Группа глаголов говорения (речевых действий): *говорить/ отвечать/ просить/ упрекать/ называть (себя)/ рекомендовать/ советовать.*

4. Группа глаголов нейтральной и положительной семантики:
признать/ предлагать/ показывать/ занять/ принимать/ включить/ обменять/ ограничить.

«Увидев на улице одиноко стоящий белый велосипед «Free Bike», каждый житель города сможет без зазрения совести сесть на него и поехать куда угодно» [НКРЯ].

«Все строчки идеальные, мех подобран очень качественно и правильно! Без зазрения совести посоветовала подруге тоже купить дубленку в магазине Norton» [No Sketch Engine].

«Без зазрения совести указываю: стаж работы в кафе – полгода» [НКРЯ].

В приведенных выше примерах некорректная сочетаемость слов-сопроводителей с ФЕ, например, «без зазрения совести советовать», обусловлена схожестью ядерного компонента 'совесть' с ядерным компонентом другого фразеологизма – 'с

чистой совестью'. Во всех случаях они используются говорящими как взаимозаменяемые единицы (синонимы). Ср.: 'Без зазрения совести указываю...' – 'С чистой совестью указываю...'

Таким образом, мы видим, как новая сочетаемость фразеологизмов оказывает влияние на семантическую эволюцию фразеологических единиц. Эта ФЕ по своей семантике является интенсификатором, показателем высшей степени проявления действия (как положительного, так и отрицательного).

Литература

1. Жуков, В. П. Русская фразеология / В. П. Жуков, А.В. Жуков. – М., 2006. – 408 с.
2. Макаров, В.И. Лексико-фразеологическая сочетаемость (фразеографический аспект) / В. И. Макаров, О.С. Макарова // Язык как система и деятельность – Ростов-н/Д., 2015. – С. 35-37.

Словари

3. Бирих, А.К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов / А.К. Бирих. – М., 2007. – 926 с.
4. Жуков, А.В. Школьный лексико-фразеологический словарь русского языка / А.В. Жуков. – М., 2010. – 508 с.
5. Мокиенко, В.М. Большой словарь русских поговорок / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – М., 2007. – 785 с.
6. Федоров, А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка / А.И. Федоров. – М., 2008. – 880 с.
7. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. – М., 1986. – 543 с.

Источники

- НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электр. ресурс]. URL: [http:// www.ruscorpora.ru](http://www.ruscorpora.ru).
- No Sketch Engine –л [Электр. ресурс]. URL: <http://ucts.uniba.sk/aranea/index.html>

Публикация выполнена при поддержке РГНФ, проект 15-04-00509 «Словарь сочетаемости фразеологизмов русского языка».

ВЛИЯНИЕ СОЧЕТАЕМОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ НА РАЗВИТИЕ ИХ СЕМАНТИКИ

В. И. Макаров

Россия, Великий Новгород,

Новгородский государственный университет

им. Ярослава Мудрого

Рассматривается изменение сочетаемости фразеологизмов в аспекте влияния на развитие семантической структуры единицы.

Ключевые слова: фразеология, фразеография, сочетаемость фразеологизмов, фразеологическое значение.

COLLOCABILITY OF IDIOMS AND ITS INFLUENCE ON THEIR SEMANTIC EVOLUTION

In this paper we focus on idioms collocability and its contribution to semantic evolution of idiom.

Keywords: phraseology, phraseography, collocability of idioms, meaning of idiom.

Семантика фразеологических единиц находится в состоянии постоянного развития и изменения. Насыщение информационного поля новыми текстами различной природы приводит к тому, что фразеологизмы обновляют свою сочетаемость и, как следствие, значение. Расширение сочетаемости единиц объясняется тем, что в условиях существования большого числа текстов, особенно в массовой коммуникации, возникает потребность в новых, необычных сочетаниях, рассчитанных на привлечение внимания читателя за счет эффекта новизны. Постепенно наиболее удачные из новых сочетаний за счет постоянного повторения переходят из разряда периферийных в ядерные, а вместе с тем и получают возможность влияния на семантическую структуру фразеологизма.

Наблюдение за развитием семантики ФЕ в связи с изменением сочетаемости является одной из задач проекта «Словарь сочетаемости фразеологизмов», поддержанного в 2014 году РГНФ. Проект связан с семантическим исследованием и лексикографическим описанием сочетаемостных свойств

фразеологических единиц. Результатом проекта должно стать создание «Словаря сочетаемости фразеологизмов». Создание Словаря обеспечит наличие специализированного лексикографического источника, на который можно будет опираться при выборе комбинаторных вариантов.

Новые информационные технологии, а именно базы лингвистических корпусов позволяют довольно быстро определить объем потенциального материала, который может войти в словарь. Однако затем встает вопрос о том, что же в конце концов брать в словник, а что оставлять за пределами словаря. Фактически число конкретных вариантов сочетаемости фразеологизмов, как показывают данные корпусов, стремится к бесконечности, однако при формировании словника составители обычно учитывают как фактор нормативной ценности будущего словаря, а также исходят из практических, прагматических соображений. Словарь сочетаемости не тезаурус, а инструмент в поисках варианта сочетаемости, поэтому необходимо отбросить все случайное, оставив закономерное [1-2]. Поэтому прежде всего следует учитывать деление сочетаемости на ядерную и периферийную.

1. Ядерная сочетаемость представляет собой наиболее привычное, ожидаемое включение фразеологизма в текст, подсказываемое его основными семантическими, категориальными, валентностными свойствами. В определении круга ядерной сочетаемости можно до некоторой степени можно ориентироваться на понятие узальной фразеологической конфигурации, предложенное А.В. Куниным [3].

2. Периферийная сочетаемость с учетом зоны потенциальной сочетаемости. На наш взгляд, недостаточно просто констатировать окказиональный, единичный характер такого рода сочетаний. Разумеется, даже такие сочетания предсказываются семантикой и структурой фразеологизма, заложены в нем потенциально. Необходимо при этом отделять периферийную сочетаемость от ошибочных коллокаций, противоречащих семантике фразеологического оборота.

Новые сочетания фразеологизмов занимают с этой точки зрения промежуточное положение: с одной стороны, семантическая сторона этих сочетаний пока еще не отображена в традиционных фразеологических словарях, с другой, их уже нельзя просто признать случайными и единичными. В конце концов, их употребительность в языке заставит, на наш взгляд, составителей толковых словарей пересмотреть состав словарных статей с точки зрения количества и качества значений.

Проиллюстрируем сказанное примерами.

Фразеологизм *во всю ивановскую*, согласно Фразеологическому словарю русского языка, имеет следующие значения:

1. Очень громко (кричать, храпеть и т.п.)
2. Очень быстро, со всей силой и т.п. (делать что-либо) (ФСРЯ, с.177).

Поиск в базе корпуса дает употребления фразеологизма с примерами его сочетаемости, которые мы разделили на ряд тематических групп.

1. Группа глаголов, обозначающих громкость различного рода звуков, издаваемых как человеком, так и другими источниками, в том числе искусственными: кричать / храпеть / причитать / хохотать / трещать / свистеть / орать / славить / пердеть / звонить / горланить / аукать / наяривать / вопить / петь.

Про ЕВРОВИДЕНИЕ мы знаем, что там привечают людей с сексуальными девиациями; прославилась АВВА, опозорилась Патрисия Каас; там непонятно зачем оказалась Алла, оттуда всей Европе Билан послал фиоритуру: мы тоже умеем петь во всю ивановскую. [Отар КУШАНАШВИЛИ. Дина спела как надо, но ей не крикнешь: «О, огонь чресел моих!». // Комсомольская правда, 2013.05.19.

2. Группа глаголов, обозначающих сон: спать / дрыхнуть.

Теперь, когда его супруга Кэти желает выспаться, Том отправляется не на сиротский диванчик в гостиную, а в отдельную комфортабельную комнату и там храпит во всю ивановскую, не боясь разбудить жену (www.woman.ru).

3. Группа глаголов, обозначающих быстрое перемещение: гнать / жарить / катить / нести / скакать / валять.

4. Группа глаголов различной семантики, для которых фразеологизм во всю ивановскую служит интенсификатором, показателем высшей степени проявления действия: пилить / светить / чинить / работать / разгуляться / мести / цвести / поливать / распекать / пожить / размахнуться / гулять / пуститься / пиарить / шпионить.

Ракетки вот, правда, упорно не желает корезжить да не костерит себя во всю ивановскую. [Цыбанев Ю.. Супербизон! Николай Давыденко наконец-то начал оправдывать прозвище, полученное на заре карьеры // Советский спорт, 2010.01.11].

Фразеологизм *в хвост и гриву*, согласно Фразеологическому словарю русского языка, имеет следующее значение:

Очень сильно, вовсю (бить, лупить, погонять, или доставаться, попадать за что-либо) (ФСРЯ, с. 505).

Очевидно, семантика этого фразеологизма заточена под ситуации, иллюстрирующие телесные наказания, а также всевозможные выволочки за проступки.

Сочетаемость фразеологизма, в основном, говорит за это:

ругать / разносить / раскритиковать / шпынять / бить / всыпать / костерить / чехвостить / чихвостить / честить / лупить / дрючить / трепать / дать / доставаться / нести /

Например, *Понаблюдав, как конгрессмены костерят в хвост и гриву местного президента, Шарецкий решил последовать их примеру.* [Факты налицо // «Общая газета», 1996] ; *Бухвость его! Дуй в хвост и гриву! — подзадоривают толпящиеся около иваны.* [В.М.Дорошевич. Сахалин (Каторга) (1903)]; *Он выныривал из воды, отплеывался и начинал крыть меня в хвост и гриву.* [Дмитрий Каралис. Мы строим дом (1987-2001)].

Но наряду с этим значением постепенно вырисовывается значение интенсивного использования, работа без относительно к теме наказания:

использовать / испытывать / эксплуатировать / погонять / гнать /

Из-за кордона вывозят производителей и гоняют их тут в хвост и гриву, пока не устанет, а дальше — в распыл. [Александр Терехов. Кобели и особи женского пола // «Огонек». № 11, 1991]; Только автомобильчик может принадлежать молодому герою (хорошо еще, что не автомобилишко), и то эксплуатироваться он должен в хвост и гриву, и по романтическому поводу «дороги в никуда». [Евгения Пищикова. Чистота // «Русская жизнь», 2012]; Природа же всегда радиоволны колыхала, разгоняла их в хвост и гриву и за тысячи, и за миллионы, не то что километров — парсеков! [Дмитрий Шашурин. Псовая охота // «Техника - молодежи», 1974].

Таким образом, мы видим, как новая сочетаемость фразеологизмов иллюстрирует нам процесс их семантического развития.

Литература

1. Борисова, Е.Г. Какое слово подойдет. Пособие по несвободной сочетаемости. Изд. 2-е, дополненное и исправленное / Е.Г. Борисова. – М.: Филология, 1995. – 84 с.
2. Добровольский, Д.О. Зависит ли синтаксическое поведение идиом от их семантики / Д.О. Добровольский // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог 2005». – М.: Изд-во РГГУ, 2005. – С. 126–130.
3. Кунин, А.В. Курс фразеологии современного английского языка: учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. 2-е изд., перераб / А.В. Кунин. – М., 1996. – 381 с.

Словари

ФСРЯ: Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. – М., 1986. – 543 с.

Источники

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электр. ресурс]. URL: [http:// www.ruscorpora.ru](http://www.ruscorpora.ru).

Публикация выполнена при поддержке РГНФ, проект 15-04-00509 «Словарь сочетаемости фразеологизмов русского языка».

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЕ СЛОВСОЧЕТАНИЕ В НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Т. А. Мачай

*ДНР, Донецк, Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Донецкий национальный технический университет»*

Изучены работы последних лет относительно происхождения, строения и функционирования терминологических единиц в текстах разных жанров научного стиля, в частности в текстах научно-технического подстиля. Конкретизированы различия взглядов исследователей. Установлены типичные модели терминологических словосочетаний в научно-техническом тексте. Охарактеризованы особенности оформления их компонентов. Теоретически обосновано существование семантических границ терминологического словосочетания в научном, научно-техническом тексте.

Ключевые слова: научно-технический текст, терминологические единицы, границы терминологических единиц.

TERMINOLOGICAL PHRASE IN SCIENTIFIC AND TECHNICAL TEXTS

We studied the work of recent years regarding the origin, structure and functioning of the terminological units in the texts of different genres of scientific style, particularly in the texts of scientific and technical sub-genres. Concretized differences of views researchers. Established the typical model of terminological phrases in scientific and technical texts. The features of the processing of their components. Theoretically substantiated the existence of semantic boundaries terminological phrases in the scientific, scientific and technical texts.

Keywords: scientific and technical text, terminology unit, border terminological units.

Изучение специализированных изданий разных жанров научного стиля и особенно научно-технического подстиля дает основание говорить о том, что в числе существенных проблем развития украинского языка есть недостаточная сформированность языка специальности. Прежде всего, мы имеем в виду функционирование терминов и терминологических словосочетаний в текстах разной жанровой принадлежности.

Поскольку терминологические единицы являются исходной базой для построения коммуникативно значимых компонентов текста, они привлекают внимание и специалистов конкретной отрасли знаний, и лингвистов, которые исследуют современное состояние развития языка.

Анализ лингвистических исследований последних лет дает основание утверждать, что внимание ученых привлекали вопросы создания терминов за счет использования префиксов и суффиксов как собственных, так и заимствованных (О. Медведь, Л. Козак, З. Корженко и Вас. Корженко, А. Сметана и др.), заимствования (Л. Петрух, Р. Гильченко, Г. Чепуре). Кроме того, в центре внимания исследователей были вопросы изучения терминов как когезионных средств (С. Рыбачок), многозначность термина как отражение наращивания новых знаний в его семантической структуре (Я. Яремко), метафоризация терминов в области машиноведения (Л. Масенко, О. Кримец), использование прилагательных (Е. Карпиловская), функционирование отглагольных прилагательных, которые обозначают предназначение или способность субъекта выполнять действие (М. Гинзбург), использование терминов-синонимов (Т. Михайлова), антонимичные отношения на материале терминов в области холодильной техники (О. Южакова), лексико-семантические характеристики терминов: паронимы в горной отрасли (О. Колган), строение терминов: композиты (И. Лях, В. Рудый) на материале немецкой терминологии горного дела.

Вопросам терминоведения в украинском языке посвящено значительное количество исследований. В них по-разному освещаются проблемы создания терминов, в частности анализ количества компонентов терминологических единиц (например, О. Медведь, О. Чуешкова и др.). Как правило, ученых интересовал вопрос выявления продуктивных моделей терминологических единиц у конкретных отраслях гуманитарных или естественных знаний. Чаще всего такими моделями терминологических словосочетаний оказывались двух- и трехкомпонентные. Значительно меньше внимания было уделено

учеными изучению особенностей использования многокомпонентных терминов. Например, к таким малочисленным исследованиям малопродуктивных, многокомпонентных терминологических словосочетаний относятся работы Т. Мачай (разные отрасли научно-технического подъязыка, где их количество составляет 5,47%) и О. Чуешковой, которая анализирует экономическую терминологию, где общее количество указанных единиц составляет 6%. Актуальность выполненного исследования состоит в попытке ликвидировать недостаточное изучение особенностей состава и функционирования терминологических единиц в специальном тексте, прежде всего, терминологических единиц в научно-техническом тексте, которые выступают стержнем организации его содержательной информации.

Цель выполненной работы – теоретическое обоснование прогнозируемости границ стержневых терминологических единиц, которые функционируют в научно-техническом тексте и несут основную смысловую нагрузку в таком специализированном тексте.

Анализ массива стержневых терминологических единиц, изучение их состава позволяет отметить значительное преимущество в их составе словосочетаний (63,04%). Среди них преобладают двухкомпонентные аналитические формы – 51,48%. Например: *природний газ (ХТ), втомні тріщини (МТ), великогабаритні опори (ЕСП), упорний підчіпник (МС)*.

Изучение лингвистических характеристик терминологических единиц научно-технического текста в форме терминологических словосочетаний позволяет утверждать, что в их продуктивных реализациях, независимо от количества компонентов четко прослеживается частотность функционирования компонентов-прилагательных. Терминологические прилагательные встречаются в **двухкомпонентных** словосочетаниях(модель: прилагательное + существительное): *примусове подрібнення (ХТ), струминний лічильник (ХТ), дифузійні хвилі (МТ); (модель: прилагательное + устойчивое словосочетание): екологічні мастильні матеріали*

(ХТ), в **трехкомпонентных** словосочетаниях (модель: прилагательное + прилагательное + существительное): *скловолоконистий композиційний матеріал (ХТ)*.

Функционирование терминологических прилагательных мы фиксируем и в примерах многокомпонентных терминологических словосочетаний, которые анализируют другие ученые в других отраслях знаний, например, экономической терминологии, исследуя состав соответствующих терминологических словосочетаний: *золотий вміст грошової одиниці, відновна вартість основних фондів* (в четырехкомпонентных терминологических словосочетаниях, модель: прилагательное + существительное + прилагательное + существительное); в пятикомпонентных: *твердий офіційний курс національної валюти* (прилагательное + прилагательное + существительное + прилагательное + существительное); в шестикомпонентных (модель: прилагательное + существительное + прилагательное + существительное + прилагательное + существительное): *інституціональні моделі світового ринку робочої сили* [7, с.96]., как свидетельствуют наблюдения, не имеют значительного влияния на строение ключевых терминов.

Результаты выполненного исследования массива стержневых терминологических словосочетаний, которые функционируют в научных и научно-технических текстах разных специализаций естественных отраслей знаний, позволяют утверждать, что в составе анализируемых единиц есть атрибутивные компоненты, терминологические прилагательные, реализующие функции **уточнения** и **конкретизации** главного слова в форме существительного-номинатива, его **оценки**, **предназначенности** и **состояния**. Именно введение формы прилагательного и устанавливает семантическую границу в стержневом терминологическом словосочетании, когда реализует этот компонент указанные выше функции в научно-техническом тексте. Например, *твердий сплав – дрібнозернистий твердий сплав (МТ); магнітотверді сплави (МТ)*. Как видим, функцию определения передает трехкомпонентный термин-комполит:

реализуется морфологический способ словообразования. Независимо от количества компонентов в терминологических словосочетаниях, формы прилагательного, которые могут передавать как простое определение, так и сложное, выполняют функции конкретизации, уточнения. Например, *стічні води, очищення стічних вод, біологічне очищення стічних вод, звичайне очищення стічних вод, первинне очищення стічних вод (ПЕ и ОНС)*, способствуя нормированному созданию новых терминологических единиц и техники обуславливает необходимость появления новых терминов для называния вновь появившихся или усовершенствованных существующих технических средств, известных явлений или понятий. Однако анализ многочисленных работ по вопросам возникновения, строения и функционирования терминологических единиц не является исчерпанным, а достаточно дискуссионным и требует теоретических уточнений и доказательств для дальнейшего развития собственно терминоведения и, что важно, обеспечения коммуникативных потребностей носителей языка – специалистов в конкретных отраслях знаний, например, науки и техники.

Таким образом, на основе выполненного исследования можно утверждать, что в составе стержневых терминологических единиц, которые функционируют в научно-техническом тексте в форме терминологических словосочетаний, есть формальное выражение семантической границы словосочетания в виде терминологических прилагательных.

Вопросами исследования оптимальной длины и оптимальной структуры стержневых терминологических словосочетаний не исчерпываются особенности их функционирования в научно-техническом тексте. Представляется интересным анализ устойчивых терминологических единиц в их массиве с точки зрения установления и описания тенденций их создания и использования в научно-технических текстах.

Литература

1. Лейчик, В.М. Оптимальная длина и оптимальная структура термина / В. М. Лейчик // Вопросы языкознания. – 1981. – № 2. – С.62-67.

2. Мачай, Т. Особенности будови ключових термінів науково-технічного тексту / Т. Мачай // Гуманітарний вісник Переяслав-Хмельницького держ. педаг. ун-ту ім. Г. Сковороди: наук.-теор. зб. – Переяслав-Хмельницький .2002. – С. 33-42.
3. Чуешкова, О. Про поняття оптимальної довжини терміна (на матеріалі економічної термінології) / О. Чуешкова // Вісник: Проблеми укр.термінології. – Львів: Нац. ун-т «Львівська політехніка», 2008. – № 620. – С.95-99.

ВНУТРИТЕКСТОВЫЕ ФОРМЫ ВЫРАЖЕНИЯ АНТИНОМИЙ В ЯЗЫКЕ ПОСЛАНИЙ ИВАНА ГРОЗНОГО

Л. Н. Панкратова, Л. В. Валеева

*Россия, Симферополь, Таврическая академия ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»*

В статье описаны качественные, количественные и смешанные (качественно-количественные) виды эксплицированных внутритекстовых антиномий, широко используемых в языке Посланий Ивана Грозного. Оппозиция семантики противопоставлений играет важную роль в создании публицистического текста.

Ключевые слова: антиномия, публицистический текст, внутритекстовые связи, семантика противоречий.

INTERNAL FORMS OF REALIZATION OF ANTI-NOMIES OF TEXT IN A LANGUAGE OF MESSAGES OF IVAN GROZNIY

The article describes the qualitative, the quantitative and mixed (the qualitative and quantitative) types of intra explicate antinomies widely used language of Messages of Ivan Groznyi. The opposition antinomies semantics plays an important role in creating a publicistic text

Keywords: antinomy, publicistic text, connections between sentences, semantic of contradictions.

Антиномия – универсальное средство познания, изучаемое с древних времен. Еще Аристотелем был осознан относительный характер противоположностей. Антиномичные положения формируют и отражают особенности человеческого мышления. В

современной науке существуют несколько определений данной категории. В Энциклопедическом словаре термин «антиномия» понимается как противоречие между двумя суждениями. Различают антиномии, являющиеся логическим отражением противоречий самой действительности, и антиномичные суждения – парадоксы, обусловленные историческим уровнем развития знания [8]. Это явление есть часть общего философского закона единства и борьбы противоположностей. Изначально термин «антиномия» использовался в юридической документации. Антиномичностью называлось противоречие между двумя законодательными актами или юридическими положениями одного закона, что соответствует дословному переводу с греческого языка: *antinomia* – противоречие в законе.

Противоречия свойственны языку как феномену. Несомненно, что антиномии – важнейшее условие развития языка, его гибкости, пластичности и жизнестойкости; им свойствен диалектический характер. Основы изучения антиномий в языке заложили В. фон Гумбольдт и А.А. Потебня, продолжили П. Флоренский, Н.Д. Арутюнова, Ю.С. Степанов, М.С. Уваров, Е.К. Лекомцев, Н.С. Валгина, М.С. Крылова и др. Так, В. фон Гумбольдт подчеркивал, что бинарность изначально заложена в языковую и мыслительную картину мира [1]. Суть дела, как предполагает М. С. Уваров, заключается в том, что бинарность существует и внутри самого языкового знака, в его значении и в совокупности его значений [6]. Академик М.М. Покровский писал, что «слова и их значения соединяются (в нашей душе) независимо от нашего сознания, в различные группы, причем основанием для их группировки служит сходство или прямая противоположность по основному значению» [5, с.82]. Антиномии являют собою внутренние стимулы развития языка. В разные эпохи жизни языка они проявляются более или менее открыто, интенсивно.

В истории русского литературного языка особое место занимают послания Ивана Грозного, так как в XVI веке постепенно расширяется, обмирщается тематика литературных произведений, в литературный язык внедряются элементы

разговорной речи, деловой письменности и устного народного творчества. Текст Ивана Грозного считается одним из наиболее неординарных по языку и вызывает значительный научный интерес, да и сама личность автора загадочна и противоречива. Публицистику Ивана Грозного исследовали А.А. Бачинский, И.У. Будовиц, И.Н. Жданов, А.А. Зимин, А.В. Каравашкин, Д.С. Лихачев, Я.С. Лурье, О.В. Попова, С.О. Шмидт и др. Д.С. Лихачев пишет, что Грозный постоянно меняет тон своих посланий: от пышного и велеречивого до издевательски подбострастного и униженного. Исследователь отмечает, что автор посланий нарушает все литературные жанры, он постоянно играет какую-либо роль. Для Ивана Грозного важен контраст [3, с.362].

В многообразии стилистических средств и приемов одним из ведущих средств является языковая реализация антиномий. Все виды эксплицированных антиномий в языковой системе Посланий Ивана Грозного мы условно объединим в три группы. В первую группу войдут языковые знаки, репрезентирующие количественную семантику; во вторую группу – представляющие качественную семантику; в третью группу – языковые единицы синкретичного типа, а именно количественно-качественного типа.

В языке Ивана Грозного, независимо от качественной или количественной семантики антиномичных языковых знаков, противопоставления различных языковых уровней наслаиваются друг на друга. Квантитативные антиномии не просто представляют количество, например, *один / много; один / два; один / все* и под., а усиливаются семантическим повтором, интенсивностью характеристики, эмоциональной оценкой собеседника.

Например: *Ты **один свободен** будешь, да, приехав, лежать станешь из-за своего увечья, а Дивей, приехав, станет воевать, да **несколько сот христиан пленит*** (Посл. Василию Грязному) – в данном контексте количественное противопоставление *один – несколько сот* сопровождается контрадикторной противоположностью глаголов *свободен будешь – пленит*.

Особое эмоциональное воздействие оказывает прием лексической стилистики – антитеза с двойным лексическим повтором в виде хиазма: *приехав, лежать станешь – приехав, станет воевать*. В примерах: .. *а вот много крови ради одного слова своей жены пролил ты напрасно или **Одною** душой, а **дважды** ты присягал* (Посл. Польскому королю) – словам с количественной семантикой сопутствуют контекстуальные антонимы *кровь – слово*, символизирующие *войну и мир*. Тема противопоставления *земного и духовного* развивается с помощью наречия *напрасно*. В этом контексте семантика слова как элемента *мира* теряет свою общечеловеческую ценность и приобретает оскорбительное содержание.

К группе качественных антиномий относим оппозицию пространственных и временных отношений. Во фрагменте: *но ведь **прежде**, при твоих предках, перемирие было крепче мира: перемирий никто не нарушал, а вечный мир всегда нарушался, а **ныне** и подавно верить нечему* (Посл. Польскому королю) – антиномии связаны с категорией времени. Отметим, что противостояние наречий *прежде* и *ныне* усиливается оппозицией однокоренных форм с отрицанием *не нарушал / нарушался*. Включение в дуальные отношения словоформ с отрицанием: *воля / неволя, сообразно / несообразно, правда / неправда* (*а мы думали, что они говорят правду. Тебе следовало пенять на своих людей, которые сообщают неправду, а наши послы у тебя напрасно мучились из-за твоего недомыслия*) – акцентирует внимание на базовых ценностях миропонимания и самопознания. Иван Грозный часто обращается к законам миропорядка и гуманизма. Для бинарных номинаций *свет – тьма, хорошо – плохо* характерна вторичная семантизация. В примере: *Ты уверен, что ты путеводитель слепым, свет для находящихся во тьме, наставник невеждам, учитель младенцам, имеющий в законе образец знания и истины: как же, уча другого, не учишь себя самого?* (Послание в Кирилло-Белозерский монастырь) – антонимия *свет – тьма* формируется с помощью двойной мотивации. Языковой знак *свет* в прямом значении «освещение» верифицируется словоформой *слепой*, слово в значении

«просвещение» подтверждается сочетаниями *наставник невеждам, учитель младенцам*.

В языке публицистических текстов Ивана Грозного квалитативные оппозиции строятся также с помощью конфликта стилистически разнородных средств. *Ты прислал к нам через пленника свою грамоту, наполненную собачьим лаем, – мы дадим тебе на нее отповедь позже. А сейчас, по своему государскому обычаю, достойному нашего высокого величества, посылаем тебе пространное наставление со смирением* («Послание шведскому королю», второе) – антиномия представлена выражениями *грамота, наполненная собачьим лаем* и *пространное наставление со смирением*. В данном фрагменте стилистическое соперничество нормативной литературной формы *грамота* и языкового вульгаризма *собачий лай* усиливается семантическим противостоянием. Значение слова *грамота* – «официальный письменный акт» конфронтрует со значением сочетания *собачий лай*, в котором заключены переносное значение «невыносимый» и семантика бранного выражения. Более того, наблюдается антиномия дистантного усложненного типа, в результате которой семантически близкие понятия *грамота* и *наставление* создают контекстуальную оппозицию: *грамота, наполненная собачьим лаем* и *пространное наставление со смирением*.

Отсутствие полярности характеризует группу антиномий количественно-качественного типа. Если противопоставления первых двух типов эксплицируются с помощью противительных союзов (*Короли ведают мирскими делами, а церковными делами ведают Папа и архиепископы и епископы* (Посл. Польскому королю) или узуальной антонимии (*Ради Бога, святые отцы, ведь если вы в чем-нибудь малом допустите послабление, оно обратится в великое* (Послание в Кирилло-Белозерский монастырь)), то третий тип включает синонимические или обусловленные ряды противопоставленных явлений, формирующих контекстуальное единство. Например: *а ты бить челом не прислал, а земли своей и людей тебе не жаль (богат и надеешься на деньги!), то мы тогда много писать не хотим:*

возложили упование на Бога (Послание шведскому королю, второе). Иван Грозный демонстрирует двойное соотнесение, которое включает формы личных местоимений единственного и множественного числа *ты* и *мы*, а также индивидуально-авторскую антонимию *надеешься на деньги* и *возложили упование на Бога*. Представленные формы находятся в причинно-следственных отношениях, которые эксплицирует союз *то*, функционально тождественный союзам *так как* и *поэтому*.

Таким образом, антиномии в публицистических текстах Ивана Грозного играют текстообразующую роль. Автор посланий использует всю палитру контрадикторных и тождественных противопоставлений. В письменных памятниках XVI века антонимичные отношения осуществляются как по принципу семантической преемственности, так и вследствие индивидуально смысловой целесообразности.

Литература

1. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт // Избранные труды; под ред. Г.В. Гамишвили. – М.: ОАОИГ «Прогресс», 2000. – 400 с.
2. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 682 с.
3. Лихачев, Д.С. Историческая поэтика русской литературы. Смех как мировоззрение и другие работы / Д.С. Лихачев. – СПб.: Алетейя, 2001. – 566 с.
4. Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века / Вступ.статья Д.С. Лихачева; сост. и общая ред. Л.А. Дмитриева и Д.С. Лихачева. – М.: Художественная литература, 1986. – 640 с.
5. Покровский, М. М. Избранные работы по языкознанию / М.М. Покровский; отв. ред.: Д.Е. Михальчи; ред. кол. Р.А. Будагов, Б.А. Серебрянников. – М.: Изд-во АН СССР, Отделение лит. и языка 1959. – 382 с.
6. Уваров, М.С. Антиномичность как атрибут научного мышления / М. С. Уваров. – Владивосток.: Издательство Дальневосточного университета, 2012. – 208 с.
7. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / Под ред.

А.П. Сковородникова – 4-е изд., стер. – М.: Флинта: Наука, 2016. – 479 с.

8. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык: в 2-т. / под общ. ред. А.Н. Тихонова, Р.И. Хашимова. – М.: Флинта: Наука, 2008. – Т.1. – 840 с.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ РУССКИХ КОММЕРЧЕСКИХ НОМЕНКЛАТУРНЫХ ЕДИНИЦ И ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРЫ ЯЗЫКА

Л. И. Рудницкая

Россия, Симферополь, Таврическая академия (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»

В статье анализируются лингвистические особенности русских коммерческих номенклатурных единиц, а также выявляются проблемы культуры языка, связанные с ними.

Ключевые слова: номенклатура, коммерческая номенклатура, товарные знаки, термины.

FUNCTIONAL ASPECT OF RUSSIAN COMMERCIAL NOMENCLATURE UNITS AND THE PROBLEM OF LANGUAGE CULTURE

The article analyzes the linguistic features of Russian commercial nomenclature units, and identifies issues of language culture, associated with them.

Keywords: nomenclature, commercial nomenclature, trademarks, terms.

С точки зрения сферы употребления словарный состав русского языка делится на общеупотребительную и специальную лексику. Объем специальной лексики, как известно, во много раз превышает объем общеупотребительной, так как каждый национальный язык обслуживает множество предметно-профессиональных классов со специфической организацией лексических средств. В языке, как правило, 90% новых слов – это термины. Кроме терминов, в состав специальной лексики входят и другие номинативные единицы: номенклатура и

профессионализмы. Эти понятия по-разному трактуются в современном языкознании.

Вопрос о номенклатуре как лексико-номинативном пласте, отличном от терминологического, до сих пор представляет собой предмет дискуссий [7, с. 50]. С. Д. Шелов отмечает, что хотя в настоящее время и «признаётся важность номенклатуры как значительного пласта специальной лексики, само понятие номенклатуры остаётся неясным» [10, с. 24]. В связи с этим в лингвистике пока нет и единого термина для обозначения единицы номенклатуры, называемой номенклатурным знаком, номенклатурным названием, номенклатурным наименованием, номеном.

Перед исследователями встаёт прежде всего проблема целесообразности разграничения терминологии и номенклатуры, предложенного Г. О. Винокуром [2]. Одни учёные считают, что необходимо отграничивать термины от номенклатурных знаков, так как они являются различными понятиями, выполняющими в языке каждый свои функции. Другие исследователи полагают, что нет необходимости проводить чёткое разграничение между этими понятиями. Они указывают на связь номенклатурных наименований с понятиями, образующими систему в соответствующей области знаний. Весьма интересным представляется взгляд В. М. Лейчика, который считает, что «номенклатура является промежуточным, связующим звеном в ряду номинативных единиц – между терминами и именами собственными» [6, с. 24].

Мы же исходим из целесообразности выделения номенклатурных наименований и вслед за многими исследователями понимаем под номенклатурой символические, условные названия, специально создаваемые на базе терминов для обозначения классов конкретных однородных предметов специальной сферы [1, с. 6; 9, с. 34; 3, с. 45; 7, с. 51; 4, с. 9].

По сфере человеческой деятельности, обслуживаемой номенами, можно выделить три типа номенклатуры: *научную, производственную (или техническую) и коммерческую*. А. В. Суперанская пишет: «От номенклатуры естественных наук,

отражающей этапы познания человеком природы, следует отличать номенклатуру техническую, обозначающую предметы, создаваемые человеком (номенклатуру производства), а также коммерческую номенклатуру, специально создаваемую для того, чтобы обеспечить товарам хороший сбыт (номенклатуру потребителя). Хотя все три специально создаются заинтересованными лицами, но создаются они на разных основаниях, с разными целями, по разным принципам» [9, с. 80].

Последнее время лингвистов интересуют коммерческие номенклатурные наименования, имеющие отношение к языку рекламы. Рекламная функция особенно ярко проявляется в ответвлении коммерческих номенов – в товарных знаках. Это зарегистрированные в установленном порядке обозначения, служащие для отличия товаров (услуг) одних предприятий от однородных товаров (услуг) других предприятий. (См. Законодательство РФ о товарных знаках). Существуют разные виды товарных знаков: изобразительные, словесные, комбинированные (слово + рисунок), звуковые, обонятельные. Однако среди них словесные занимают особое место, так как могут наиболее точно и ярко отразить положительные свойства обозначаемых ими изделий и услуг. Некоторые исследователи называют эти языковые элементы прагмонимами (З. П. Камолова).

Коммерческая номенклатура и её ответвление – словесные товарные знаки занимают центральное место в рекламе. Они обозначают предметы, которые поступают к потребителю через сферу торговли, где необходимы образные наименования. Поэтому основная экстралингвистическая функция, выполняемая ими – аттрактивная (её ещё называют рекламной или призывной). Наличие такой функции говорит о том, что эти языковые единицы должны обладать эмоциональностью, экспрессивностью, находить отклик у тех, для кого предназначены. Т.А. Соболева и А.В. Суперанская дают следующее определение таким наименованиям: «Это слова и словосочетания с оригинальным звучанием, с сознательно нарушенной графемой, грациозные, изысканные, пикантные,

иногда крикливые, со смелым преувеличением, иногда хвалебные, лестные, остроумные, забавные, утверждающие или отрицающие, зовущие, с юмористическим или лирическим оттенком. Все они объединяются общим требованием: они должны нравиться, быть привлекательными, заставить обратить на себя внимание, запомниться» [8, с. 168]. Ср.: наименования тортов фирмы «Медоборы»: «Дамский каприз», «Искушение», «Цветочный», «Амадей»; конфеты: «Ромашка», «Ласточка», «Вечерний звон», ткань «Радуга», «Легенда», санитарно-гигиеническое средство «Sanfor» Универсал, лимонная свежесть», детский крем «Алиса», «Красная шапочка», зубная паста «Лесной бальзам» и др. Как видим, в подобных наименованиях нельзя использовать слово, имеющее пейоративное значение.

Но эмоциональная окраска коммерческих номенов, заложенная в них в момент их создания, зависит от материальной стороны именуемого ими объекта. Как пишет А. В. Суперанская, «...Нежный номен Машенька может обрести отрицательную характеристику, если названная им ткань окажется быстро линяющей или легко мнущейся, а грубый номен Рогожка может получить положительные коннотации благодаря хорошим товарным свойствам именуемой ткани...» [9, с. 81].

Выполняя рекламную функцию и являясь средством привлечения покупателя, коммерческие номенклатурные наименования должны быть суггестивными, т.е. внушающими, давать какое-то представление о товаре. Так, например, хлеб «Геркулес» (его выпекают с добавлением овсяной муки), назван именем мифического героя, который отличался недюжинной силой. На основе ассоциации, которая устанавливается в сознании человека между двумя предметами, признаки которых сходны, происходит метафорический перенос названия с одного предмета на другой. Отсюда у человека появляется мысль о том, что такой хлеб даёт силу. Ср.: хлеб «Здоровье», который выпекается из целого зерна, по мнению специалистов, очень полезный для здоровья, отсюда и такое название. Конфеты, которые можно долго сосать называли «Долгоиграющие».

В. М. Лейчик обращает внимание на тот факт, что «чем отдалённее друг от друга предметы, признак которых в чём-то сходен, чем больше фантазии вложил человек в перенос названия, тем выше экспрессивность» [5, с. 127]. Подобные наименования образуются способом семантической деривации, которая базируется на психологическом факторе номинации.

Исходя из вышесказанного следует, что коммерческие наименования должны быть мотивированными, т. е. они должны содержать такой отличительный признак, который был бы выражен образно, сообщая потребителю необходимые сведения о товаре. Мотивирующие признаки в них могут быть различными: это и сходство предметов, и близость предметов, и общность их функций, предназначение и др., но все они подчинены только одной функции номена – рекламировать товар.

Поэтому не следует создавать в сфере коммерческой номенклатуры немотивированные или ложномотивированные наименования. К примеру, конфеты: «Слёза мужчины», «Укус женщины» (Вологодская кондитерская фабрика) и т. п.

За основу подобных языковых единиц может быть взято название, которое несёт определённую культурно-историческую информацию. К примеру, хлеб «Бородинский», рогалик «Казацкий», минеральная вода «Ессентуки», «Джермук», торт «Ай-Петри», «Таврический», шоколад «Бабаевский» и др.

Таким образом, словесные коммерческие номенклатурные знаки, которые активно вливаются в русский язык и формируют в нём особый лексический пласт, подлежат лингвистическому анализу. Это позволит контролировать процесс пополнения языка новыми лексическими единицами, что, в свою очередь, позволит обеспечить соответствующий уровень культуры языка.

Литература

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М. : Сов. энциклопедия, 1966. – 606 с.
2. Винокур, Г. О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии / Г.О. Винокур // Труды Моск. ин-та истории, философии и литературы. – Т. Сб. статей по языковедению. – М., 1939. – С. 3–54.

3. Гринев, С. В. Введение в терминоведение / С. В. Гринев. – М : Московский лицей, 1993. – 309 с.
4. Ким, П. А. Черты аналитизма в терминосистемах русского языка / П. А. Ким, Т. С. Пристайко. – Днепрпетровск : Пороги, 2008. – 147 с.
5. Лейчик, В. М. Люди и слова / В. М. Лейчик. – М. : Наука, 1982. – 172 с.
6. Лейчик, В. М. Номенклатура – промежуточное звено между терминами и собственными именами / В. М. Лейчик // Вопросы терминологии и лингвистической статистики. – Воронеж, 1974. – С. 13–24.
7. Пристайко, Т. С. Лексико-номинативная организация специального текста: монография / Т. С. Пристайко. – Днепропетровск : Вид-во УкО ІМА-прес, 1996. – 200 с.
8. Соболева, Т. А. Товарные знаки / Т. А. Соболева, А.В. Суперанская. – М. : Наука, 1986. – 173 с.
9. Суперанская, А. В. Терминология и номенклатура / А.В. Суперанская // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. – Л. : Наука, 1976. – С. 73–83.
10. Шелов, С. Д. Номенклатура и терминология / С.Д. Шелов // Русское языкознание. – К., 1984. – №8. – С. 24–31.
11. Шелов, С. Д. Термин. Терминологичность. Терминологические определения / С.Д. Шелов. – СПб : Филол. фак-т СПбГУ, 2003. – 280 с.

ЯВЛЕНИЕ ДИГЛОССИИ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ШВЕЙЦАРСКОГО ДИАЛЕКТА)

А. Ю. Ступакова

Россия, Симферополь, ГБОУВО РК «КИПУ»

В данной статье рассмотрено явление диглоссии в современном немецком языке на территории Швейцарии. Автор подчеркивает, что литературный язык и швейцарский диалект находятся в тесном взаимодействии и постоянно влияют друг на друга. В ходе лингвистического анализа языкового материала были выделены различия на фонетическом, морфологическом и лексическом уровнях.

Ключевые слова: диглоссия, современный немецкий язык, диалект, литературный язык.

PHENOMENON OF DIGLOSSIA IN MODERN GERMAN LANGUAGE (ON THE BASIS OF SWISS DIALECT)

This article discusses the phenomenon of diglossia in modern German language in Switzerland. The author emphasizes that literary language and dialect of Swiss are in close cooperation and constantly influence on each other. In the linguistic analysis of the language material the author highlights the differences in the phonetic, morphological and lexical levels.

Keywords: diglossia, modern German language, dialect, literary language.

Процессы глобализации в обществе активизируют миграцию рабочей силы, вызывают содействие языковых контактов и, как следствие, существенно влияют на речевое поведение человека и на языки мира в целом. В последнее десятилетие появилось большое количество исследований, которые посвящены проблеме лингвистических контактов, однако они касаются преимущественно взаимодействия английского, французского, итальянского языков с другими, в то время как на материале немецкого языка существует небольшое количество научных работ подобного рода.

Вопросами рассмотрения взаимодействия между швейцарским диалектом и литературным языком занимались такие исследователи, как Б.А. Абрамов, Л.П. Крысин, О.И. Москальская, Е.В. Розен, М. Д. Степанова, Р. von Polenz, Th. Schirran. Территориальную дифференциацию немецкого языка Швейцарии изучали А.И. Домашнев, Н. И. Филичева, U. Ammon. В трудах W.P. Klein, H. Löffler рассматриваются общетеоретические и частные вопросы языковой динамики немецкого языка.

Целью данной работы является рассмотрение явления диглоссии в современном немецком языке на территории Швейцарии.

На современном этапе возрастает интерес к изучению специфики швейцарского варианта немецкого языка, что объясняется расширением его функциональной сферы и проникновением в лексический пласт литературного языка.

Во многих странах люди, находясь дома, говорят на диалекте или на местном языке, а в официальной ситуации используют литературный вариант государственного языка. Такую ситуацию называют «диглоссией». Это понятие имеет несколько значений: 1) способность индивида разговаривать на двух языках; 2) одновременное существование в обществе двух языков или двух форм одного языка [2].

В немецкоязычной Швейцарии в повседневном общении используют диалект, а стандартный немецкий язык - в старшей школе, в официальной речи и на телевидении. Явление диглоссии достаточно нестабильное: языки могут смешиваться на разных уровнях. Чем ближе они генетически, тем быстрее это явление происходит.

Швейцарцы осознают, что развитие национального языка невозможно без учета современных тенденций межкультурной языковой коммуникации, ведь диалект не всегда способен предоставить необходимый лингвистический материал для успешного общения между членами общества в различных сферах жизни и может привести, таким образом, к ограничению Швейцарии от немецкоязычной культурной среды.

Языковая норма в Швейцарии имеет достаточно много отличий от с общенемецкого языка. Ей свойственна социально-функциональная парадигма. Ее используют, когда разговаривают с иностранцами (например, с жителями Германии), когда читают лекции в университете, на ней разговаривают отдельные политические деятели. Устная языковая норма является языком театра и частично церковных проповедей, подавляющего большинства песен и молитв. Ее употребляют также тогда, когда вслух читают письма либо инструкцию по использованию [1, с. 95].

Диалектный тип речи в последние десятилетия смог расширить сферу своего применения. С конца 60-х годов постоянно растет его престиж.

Такое развитие диалектов могло бы стать достаточно весомой предпосылкой к образованию собственного независимого языка, который базировался бы на диалектах. На

письме немецкоязычная Швейцария использует общегерманскую языковую норму, сохраняя некоторые типичные швейцарские особенности. Это объединяет Швейцарию с другими немецкоязычными корнями и способствует установлению надгосударственных и надрегиональных коммуникаций [2, с. 101].

Оба типа вещания – диалект и стандарт – не являются изолированными. Между ними происходит постоянное взаимодействие и взаимосвязь. Немецкий литературный язык Швейцарии все больше обогащается теми особенностями, которые свойственны именно данному региону.

Различия между литературным языком и диалектом наблюдаются на всех языковых уровнях. Произносительные нормы системы вокализма в Швейцарии имеют отличительные черты по сравнению с аналогичными нормами на территории Германии. Швейцарский вариант произношения гласных является более мягким, особенно это касается начальных гласных в лексеме. Различия наблюдаются в соотношении долготы и краткости гласных звуков. Множество лексем швейцарского варианта немецкого языка будут иметь краткий гласный, тогда как в немецком языке Германии ему будет соответствовать долгий гласный: нем. *Obst* «фрукты» [’ɔ:pst] – швейц. [’ɔpst]; нем. *Vogt* [’fɔ:kt] «управляющий, инспектор, смотритель» – швейц. [’fɔkt]; нем. *Nische* [’ni:fə] «ниша» – швейц. [’niʃə]; нем. *Magd* [’ma:kt] «прислуга, служанка, домашняя работница» – швейц. [’makt]; нем. *Liter* [’li:tər]; «литр» – швейц. [’litər]; нем. *Krebs* [’kre:ps] «рак» – швейц. [’kreps]; нем. *Jagd* [’ja:kt] «охота» – швейц. [’jakt] [3, с. 78-114].

В системе морфологии также наблюдаются различия. Во-первых, существуют несоответствия в морфологической категории рода, например, нем. *das Viertel* «четверть» – швейц. *der Viertel*; нем. *das Polster* «набивка» – швейц. *der Polster*; нем. *der Dreß* «спортивный костюм, форма» – швейц. *die Dreß*; *das Meter* «метр» – швейц. *der Meter*. Во-вторых, наблюдаются расхождения в роде у заимствований: нем. *das Taxi* «такси» – швейц. *der Taxi*, нем. *der Gulasch* «гуляш» – швейц. *das Gulasch*,

нем. *der Tram* «трамвай» – швейц. *das Tram*, нем. *der Trafik* «дорожное движение» – швейц. *das Trafik* [3].

В некоторых лексемах происходит переосмысление структуры, которое приводит к морфологическим разногласиям: нем. *das Maket* «макет» – швейц. *die Makette* ≈ *die Maquette*, нем. *das Omelett* «омлет» – швейц. *die Omelette*.

В процессе исследования была сделана выборка из швейцарских словарей [3], которая демонстрирует различия на лексическом уровне (см. Таблицу 1).

Таблица 1.

Немецко-швейцарские лексические параллели

Немецкий язык в Германии	Швейцарский диалект	Перевод
schlitteln	goglä (Berndeutsch)	кататься
denken	tänke (Berndeutsch)	думать
der Jahrmarkt (-s, ...märkte)	die Chiubi (Berndeutsch)	ярмарка
der Papiersack (-s, Säcke)	der Loat (St.Gallerdeutsch)	бумажный мешок
die Tablette (=, -n)	die Pülferli (Berndeutsch)	таблетка
das Jackett (-s, -s)	die Chute (Berndeutsch)	пиджак
die Palme (=, -n)	die Paumä (Berndeutsch)	пальма
die Uhr (=, -en)	die Gelleretli (Berndeutsch)	час
das Parkett (-s, -e)	der Pargett (Berndeutsch)	паркет
der Umzug (-s, ..züge)	die Züglete (Berndeutsch)	переезд
die Preisreduktion (=, =)	die Rabbat (Berndeutsch)	снижение цен
das Parfum (-s, -s)	der Schmöckwasser (Berndeutsch)	духи
die Tasche (=, -n)	die Gugge (Bazeldeutsch)	карман, сумка
die Sparre (=, en)	die (Berndeutsch)	бревно, брус
der Paprika (-s, -s)	die Peperoni (Berndeutsch)	болгарский перец
das Taschentuch (-s, tücher)	das Schnuuzneedli (Bündnerdeutsch)	носовой платок
der Verbundstein (-s, -e)	der Bsetzstei	кирпич

	(Luzernerdeutsch)	
. die Zacke (=, -n)	die Zinggä (Luzernerdeutsch)	зубец
. der Sonnenschirm(-s,-e)	der Parasol (Baseldeutsch)	зонт (от солнца)
. die Nachbarin (=, -nen)	die Nachpüri (Berndeutsch)	соседка

Большая часть стран мира сегодня поликультурные, и степень их поликультурности в условиях глобализации постоянно повышается. На современном этапе развития швейцарский диалект занимает срединное положение между местными диалектами и литературным немецким языком, поскольку имеет черты, свойственные диалекту, однако при этом часть его лексического состава является пластом литературного немецкого языка. В ходе исследования были выявлены расхождения на фонетическом, морфологическом и лексическом уровнях.

Литература

1. Baur, A. Was ist eigentlich Schweizerdeutsch? / A. Baur. – Winterthur : Gemsberg-Verlag, 2012. – 160 S.
2. Falk, A. Besonderheiten des deutschen Wortschatzes in der Schweiz / A. Falk // Muttersprache. – 1995. – Bd. 75. – S. 289–290.
3. Meyer, K. Wie sagt man in der Schweiz? / K. Meyer. – Mannheim: Bibliographisches Institut & F.A. Brockhaus, 2013. – 380 S.

ГЕНЕРАЛИЗАЦИЯ СЕМАНТИКИ СОБИРАТЕЛЬНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

К. А. Сушко

*Россия, Симферополь, Таврическая академия ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»*

В статье описаны этапы процесса генерализации в современном русском языке на материале собирательных существительных.

Ключевые слова: генерализация, существительное, собирательность, семантика.

GENERALIZATION SEMANTICS OF COLLECTIVE NOUNS IN MODERN RUSSIAN LANGUAGE

This article describes the steps of the process of generalization in the modern Russian language on a material of collective nouns

Keywords: generalization, collectivity, semantics, noun.

Актуальность исследуемой нами темы объясняется потребностью лингвистической науки в анализе происходящих в наши дни процессов в русском речевом пространстве. Одним из таких процессов является генерализация языковой семантики, который мы рассматриваем в рамках категории собирательности. Наш выбор обусловлен тем, что категория собирательности имен существительных отражает высокий уровень абстракции и находится в оппозиции с названиями конкретных предметов. Явление собирательности в русском языке представляется достаточно разработанным, однако состав класса собирательных существительных может варьироваться, поскольку к нему относят слова, в которых собирательность выражается на уровнях лексической семантики и грамматической синтагматики.

В настоящее время в лингвистике сосуществуют несколько подходов к определению процесса генерализации. Один включает в себя рассмотрение данного процесса как переход от частного к общему, на базе логической структуры обобщения (отсюда синоним – генерализующее обобщение). При другом подходе – при генерализации происходят процессы отчуждения и абсолютизации. В основе этого процесса лежит осмысление единичного факта как повторяющегося события. При этом генерализация является основой для пейоративного отчуждения, смысл которого заключается в том, что говорящий, отрицательно оценивая объект речи, доводит отрицательную оценку до предела, вследствие чего происходит абсолютное исключение лексемы из культурно-ценностного мира языковой личности [3].

В своей работе мы рассматриваем процесс генерализации в сегменте собирательных существительных, результатом которого является изменение семантики слова, перенос его лексического значения из плана реального в план виртуальный и вытеснение лексемы из культурно-ценностного мира человека [1].

В ходе изучения эмпирического материала мы выявили, что процесс генерализации включает четыре этапа.

На первом этапе собственное значение слова является стилистически нейтральным. Как правило, лексема имеет несколько постоянных значений, официально закрепленных в лексикографических источниках. Эти значения соотносимы с вещественным миром. Например, собирательное существительное *родня* характеризуется предельно понятным лексическим значением: это определенный круг лиц или один человек, который находится в кровном родстве с другими, образуя семейные связи [2].

Съехалась родня, почти одни только женщины: мать, две сестры, несколько старух в разной степени родства, от золовки до кумы. (НКРЯ: Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый Мир», 2000).

На втором этапе происходит обогащение лексического значения слова различными оттенками, которые при этом не изменяют его основного лексического значения, а лишь конкретизируют сферу употребления данной лексемы:

Коренное население региона – дарды, припамирские таджики, загадочный народ буриши и местная родня жителей Тибета – балтистанцы. (НКРЯ: Станислав Хатунцев. Отель расстрелянных альпинистов // Известия, 2013.06.24)» – лексема *родня* обозначает близость не по кровной связи, а по местоположению. Таким образом, речь идет уже не о кровных родственниках, а о близких соседях, что, конечно, не исключает включение в эту группу и родственников. Однако в данном контексте данное знание не является актуальным.

На третьем этапе наблюдается изменение семантики слова, расширение его лексического значения, возникновение в семантической структуре постоянных коннотативных компонентов и увеличение зон словоупотребления модифицированного языкового знака. Оценочность языкового знака, как правило, позитивная. В то же время имеет смысл говорить о частичной десемантизации – утрате некоторых семантических признаков лексемы, и о процессе филиации –

появлении новых семантических признаков и, как следствие, новых значений слова. *Поэтому мы собираем друзей – любимых музыкантов, художников, артистов, фотографов, в общем – «родню».* И приглашаем всех разделить с нами радость общения, ощутить чудо живой музыки, живого искусства и приобщиться к живой традиции (<http://projects.rublev.com/rodnyafest>). Собираемое существительное **родня** характеризуется новой семьей – «друзья» и утрачивается сему «кровный родственник».

На следующем этапе процесса генерализации мы наблюдаем развитие значения слова **родня**, при котором отмечается максимальное расширение лексического значения слова и выход лексемы из культурно-ценностного мира языковой личности, с дальнейшим формированием на ее основе ценностно ориентированного символа:

Их оппоненты – славянофилы позапрошлого века – нынешним нашим почвенникам тоже, как видно, не родня. (НКРЯ: Руслан Гринберг. Ни почвенникам, ни западникам Россию не приватизировать // Известия, 2013.07.09). В приведенном контексте **родня** – это не конкретные люди, а подтверждение существующего идеологического направления. Лексема трактуется как «единомышленники», в семантике которой главное – одинаковое общественно-политическое воззрение группы людей. Наблюдается не столько изменение лексического значения слова, сколько изменение смысловой наполненности слова. Теперь родня – это не биологический факт, а социально-духовный и культурно-ценностный феномен. Аналогичный процесс наблюдаем и в контексте «**Родня** у него есть (в том числе и духовная родня, «избирательное родство», по Гёте), а вот Родины - независимо от места проживания - как раз нет. (НКРЯ Виктор Топоров. Точка сбора // Известия, 2013.04.11)», где делается акцент именно на духовном родстве.

Приведенные выше примеры показывают абсолютное изменение лексического значения слова: хотя и имеются в виду близкие люди, меняются критерии, по которым определяет принадлежность человека к «родне»: не физическое, кровное родство является системообразующим признаком семной

структуры слова, а родство духовное. Лексема *родня* уже не ассоциируется с материальным миром, а информационно абсолютизируется, расширяя спектр значений на основе новой семы – духовная значимость для человека. Стоит отметить, что даже при условии абсолютного изменения семантики слова, имеется ряд сем, которые собственно и стимулировали процесс генерализации семантики слова «родня». Семы «близкие» и «имеющие определенную связь» стали мотивационными для семантической трансформации собирательного существительного с архисемой «род» и способствовали формированию символического значений у лексемы *родня* - группа людей с одинаковой системой ценностей.

Литература

1. Валеева, Л.В. Генерализация семантики как способ формирования мифемы / Л.В. Валеева // Материалы научной конференции «Ломоносовские чтения» 2014 года и Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов–2014» / Под ред. М.Э. Соколова, Г.А. Голубева, В.А. Иванова, Н.И. Миленко, В.В. Хапаева. – Севастополь : ООО «Экспресс-печать», 2014. – С. 199-200.
2. Ефремова, Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: В 3 т. / Т.Ф. Ефремова. – М.: АСТ, Астрель, Харвест, 2006.
3. Крысин, Л.П. Толковый словарь иноязычных слов / Л.П. Крысин. – М.: Эксмо, 2008. – 944 с.
4. Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL : <http://www.ruscorpora.ru/> (Дата обращения 25.09.2016)

СВОЕОБРАЗИЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ПРОИЗВОДНЫХ РУССКИХ ПРЕДЛОГОВ С ЛОКАТИВНОЙ СЕМАНТИКОЙ В ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

И. А. Хилько

*Россия, Симферополь,
Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского»*

В статье устанавливаются наиболее яркие характеристики производных русских предлогов с локативной семантикой в исторической лексикографии. Основное внимание уделено их сочетаемости, отмечается тонкое семантическое различие в структурах с отношениями сходства.

Ключевые слова: производность, предлог, лексикография, локативность, семантика.

ORIGINALITY LEXICOGRAPHIC DESCRIPTION RUSSIAN DERIVATIVES WITH LOCATIVE PREPOSITIONS OF SEMANTICS IN THE HISTORICAL ASPECT

The article established the most striking characteristics of Russian derivative prepositions with locative semantics in the historical lexicography. Emphasis is placed on their compatibility, there is a subtle semantic difference in structures with similarity relations.

Keywords: derivation, preposition, lexicography, locative, semantic.

Актуальность нашего исследования обусловлена тем, что локативные (пространственные) отношения до сих пор не представлены в строгой системе и полной картине средств выражения и семантических характеристик. Между тем способы передачи пространственных отношений имеют ярко выраженную специфику, особую функциональную нагрузку и семантическую емкость. Производные предлоги локативной семантики русского языка представляют интересную и в то же время мало исследуемую единицу морфологии. Редкие примеры таких предлогов находим в словарях В.И. Даля, И.И. Срезневского, Е.С. Отина, поскольку их кодификация более обширно представлена в словарях позднего периода, а еще больше – современного языкознания.

Современная наука рассматривает пространство в качестве основной формы существования материи, объективно реальной

формы бытия, имеющейся в мире вне и независимо от человеческого сознания. Однако самостоятельно и отдельно от движущейся материи оно не может существовать: там, где нет материи, не может быть пространства. В рамках современного философского материализма развивается реляционная концепция, согласно которой пространство – это не некое самостоятельное начало, существующее наряду с вещами, а отношение вещей, что и позволило нам выбрать в качестве объекта изучения пространственные отношения, предмета – семантику и определенные средства выражения данного языкового явления на всех уровнях современного русского языка.

Временный отход от изучения семантики, наблюдавшийся в период увлечения структурными методами исследования русского языка, сменился пристальным вниманием к смыслу. В последние годы в лингвистике активно развивается семантическое направление, в котором лучшие традиции русского языкознания обогащаются достижениями современных теорий. Данное исследование осуществлено в рамках именно этого направления.

Категория пространства в когнитивной картине мира предполагает выделение трех самостоятельных, но взаимодействующих систем представлений:

1) место как территория, занятая и / или может быть занята материальными объектами, причем доступная восприятию органами чувств, - территория, обычно не имеющая искусственно созданных границ.

2) вместилище, ограниченная территория, которая представляется замкнутым пространством; границы и само вместилище могут быть / не быть продуктом деятельности человека / другого живого существа;

3) территория, не имеющая границ, восприятие которой затруднительно для человека обычным образом, с помощью зрения, без специальных инструментов.

Здесь мы вводим термин «локативность» для обозначения всей общности представлений о трех классах когнитивной категории пространства /места.

Этимология производного локативного предлога *близъ* – *близко* представлена в словаре И.И. Срезневского [5] находим предлог, например, *Близъ бѣ пасха Иудеиска* (Io. II. 13 Остр. ев.) *Не ѡстоупи отъ мене ꙗко скърбъ близъ* (Пс. XXI).

Исследователь соотносит слова *близъ* и *близко*, выявляет значение «место как территория возле объекта» Предлог *близъ* имеет локативную семантику и фиксирован в древнерусских текстах, где это слово представлено в этом значении, например, Остромирово Евангелие (середина XI века)

В словарных дефинициях И.И. Срезневского находим предлог *подль*, *возле*, *рядом*. *Он улыбкой поблагодарил ее и сел подле нее* (Л.Н. Толстой, «Анна Каренина», 1878 г.). Параллельно предлогу *подле* находим его семантический вариант *отъ*.

Широко представлены предлоги локативной семантики в словарных дефинициях В.И. Даля. Например, *вокруг чего*, наречие и предлог *вкруг* в окружности, *кругом*, *около*, *обапол*, *буквально на обводе*, *на окружности круга*, в средоточии коего находится предмет; *со всех сторон по близости*, *близ*, *вблизу*, *невдалеке*, *по соседству*. *Бродить вкруг да около*, *не попадает, куда нужно*. *Этого дела вкруг пальца не обмотаешь, не вдруг сделаешь*. *Обойди вкруг околицей, не прямо*. *Голова вкруг пошла, кругом, кругом*. *Не ходи вкруг двора, около*. *Земля ходит вкруг солнца*. *Вкруг тебя добрых людей много*. *Четыре сестрицы вкруг гоняются, одна другой не догонит?*

Производный предлог *между* соотносится с семантическими вариантами *междо*, *меже*, *межи*; *среди*, *среть*, *посредь*, *промеж*, *близко к тому и к другому*; *в смеси с чем*, *в числе*. Означает пребыванье, состоянье; либо направленье куда, движенье; окончательное направленье и движенье. Например, *между шкафом и стеною много сору*. *Что за счеты меж своими!* *Будь между нами сказано*. *Пусть это останется между нами, не болтай*. *Между тем, в этот промежуток времени*. *Между не между, а близко будет*. *Кошка залезла меж двух сундуков*.

Особое внимание следует уделить предлогам 18 века, например, *межуток* м. *меженица* ж. *промежуток*, *промежсек*, где

речь идет о семантике не только пространства, но и времени, например, *междный* стар. *межутковый*.

Производный предлог *окрест* чего, предлог синонимичен *около*, *вокруг*, *обпол*, со значением *со всех сторон* или *по соседству*. Например, *Окрестные жители*, *окольные*. *Окрестность вся болотиста*. *Окрест боящихся Бога Ангел Господень ополчается*.

В словарных дефинициях Е. С. Отина представлены производные предлоги локативной семантики. Например, *передо*, со значением то же, что *перед* – территория, не имеющая границ, восприятие которой затруднительно для человека обычным образом, с помощью зрения, без специальных инструментов. Данный предлог употребляется перед некоторыми сочетаниями согласных, например, *передо мной*, *передо всеми*, *передо льдом*.

В настоящее время в словаре производные предлоги локативной семантики представлены наиболее широко в словарных дефинициях С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой, А. П. Евгеньевой и др., что свидетельствует о расширении семантического пространства и внедрение его в языковые единицы современного русского языка.

Введение пространственных предлогов изменило наше представление о месте, способствовало формированию новых представлений о пространстве.

Литература

1. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля / В. И. Даль. – СПб. – М., 1882. – Т. 4. Р-V.
2. Малый академический словарь / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981–1984.
3. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов. Н. Ю. Шведова // Российская академия наук; Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – Изд-е 4-е, дополненное. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
4. Отин, Е.С. Словарь русского языка X–XVIII веков / Е.С. Отин. – Донецк: Юго-Восток, 2014. – 436 с.

5. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам / И.И. Срезневский.. – Т. 1. А–К – СПб. : Отд-ние рус. яз. и словесн. Имп. АН, 1893.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Алтабаева Е.В.</i> Языковая личность в концептуализации и категоризации оптативной ситуации.....	3
<i>Богданович Г.Ю., Новикова Т.Ю.</i> Образ Крыма в страноведческом аспекте РКИ.....	8
<i>Буянова Л.Ю.</i> Терминологический словарь корневых гнёзд как инновационная форма презентации и систематизации языка науки.....	14
<i>Зайцева И.П.</i> О феномене драматургического диалога (взгляд с позиций коммуникативной стилистики художественного текста).....	19
<i>Маркова Е.М.</i> Типология моделей фразеологической концептуализации действительности в славянских языках.....	25
<i>Низаметдинова Н.Х.</i> О синхронии и диахронии в исследовании исторического словообразования.....	32
<i>Пономаренко Е.А.</i> Парадигмальный подход к исследованию речевых жанров медицинского дискурса.....	38
<i>Ховалкина А.А.</i> Лингвистика в практике иноязычного обучения.....	46
<i>Абрамец И.В.</i> Фразеология на службе современного политического интернет-дискурса.....	55
<i>Алиева В.Н.</i> Цветовая лексика в русских народных сказках.....	60
<i>Андрейченко О.И.</i> Театральная семантическая сфера как источник метафоры в политическом дискурсе конца XX – начала XXI века.....	66
<i>Богуславская Е.Л.</i> Правила релятивизации в афроамериканском варианте английского языка.....	72
<i>Буц Н.Ф.</i> Атрибутивные словосочетания и их словопорядок в поэзии.....	77
<i>Валеева Л.В.</i> Семантическая категория <i>вторичность</i> как конструкт терминосистемы.....	82
<i>Горбачева Е.Н.</i> Стихотворный текст с позиций дискурсивной перформативности (на материале стихотворных произведений А. С. Пушкина.....	87

Ичкинеева Д.А. Тема текста как инструмент компрессии информации в профессиональной коммуникации.....	96
Евтихова И.М., Карандей М.В. Венский диалект и его роль в формировании австрийского национального варианта немецкого языка.....	100
Жданова Е.А. Интернет-неография как объект лингвистических исследований.....	104
Колосько Е.В. Семантика слова <i>хлеб</i> в устойчивых сочетаниях и фразеологизмах русских народных говоров.....	109
Колесникова О.В. Представление процессов внимания фразеологическими средствами русского языка (на материале фразеологизмов с каузальной семантикой).....	116
Лебедева А.В. Особенности функционирования сокращений в немецкоязычных текстах.....	121
Макарова О.С. Особенности сочетаемости наречных фразеологизмов.....	127
Макаров В.И. Влияние сочетаемости фразеологизмов на развитие их семантики.....	132
Мачай Т.А. Терминологическое словосочетание в научно-техническом тексте.....	137
Панкратова Л.Н., Валеева Л.В. Внутритекстовые формы выражения антиномий в языке Посланий Ивана Грозного.....	142
Рудницкая Л.И. Функциональный аспект русских коммерческих номенклатурных единиц и проблемы культуры языка.....	148
Ступакова А.Ю. Явление диглоссии в современном немецком языке (на материале швейцарского диалекта).....	153
Сушко К.А. Генерализация семантики собирательных существительных в современном русском языке.....	158
Хилько И.А. Своеобразие лексикографического описания производных русских предлогов с локативной семантикой в историческом аспекте.....	163

**СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ
В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ: ЗНАК, СЛОВО, ТЕКСТ**
V Международная научная конференция
(11-14 октября 2016 г.)

Сборник научных статей

Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 9,88. Тираж 100 экз.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТИПОГРАФИЯ «АРИАЛ»
295034, Республика Крым, г Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2,
Тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru
www.arial.3652.ru

Отпечатано с оригинал-макета в типографии ИП Бражников Д.А.
295053, Республика Крым, г Симферополь, ул. Оленчука, 63
Тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: braznikov@mail.ru